

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 4 (35) / 2024

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2024

№ 4 (35) / 2024 / ДЕКАБРЬ. Выходит 4 раза в год.

Рецензируемый научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» предназначен для ознакомления российской и зарубежной научной общественности, аспирантов и студентов с новыми научными результатами, имеющими значение в области фундаментальной и прикладной науки. С 2016 года включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). С 21.02.2022 включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (№ 2329). Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Реестровая запись от 13 июня 2019 г. серии ПИ № ФС77-75973. Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Серия: Исторические и филологические науки.

Специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Главный редактор *В.А. Саблин*, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ.

Заместитель главного редактора *Л.В. Егорова*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ.

Секретарь *А.С. Столетова*, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ, доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА им. Н.В. Верещагина, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, директор ВолНЦ РАО, профессор кафедры психологии, педагогики и социальной работы ВоГУ,

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашигин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель общеобразовательной школы Центра педагогического мастерства,

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Исл РАН,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации ГУП,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Я.В. Сарычев, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства БелГУ.

Переводчик *О.А. Бурсина*.

Редакторы *О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова*.

Оригинал-макет *С.В. Кудрявцев*.

Адрес редакции: 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, каб. 212. Тел.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Сайт: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15.

Отпечатано: ООО «Издательство «Сад-огород», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Текстильщиков, 20а, тел. 8 (8172) 73-12-22; e-mail: vologdapost@yandex.ru.

Подписано в печать 06.12.2024 г. Выпуск в свет 28.12.2024 г. Формат А4 (60 x 84/8).

Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 40 экз. Заказ № 859. Цена свободная.

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 4 (35) / 2024

Series: History and Philology

VOLOGDA
2024

No. 4 (35) / 2024 / December. 4 issues a year.

'Bulletin of Vologda State University' is a peer-reviewed scholarly journal published by Vologda State University. It is issued four times a year and is aimed at Russian and international researchers, post-graduate and undergraduate students who wish to familiarize themselves with new fundamental and applied research. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' is included in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science since (№ 2329) February 21, 2022. Full-size versions of the issue can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019. It's registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Series: History and Philology.

Academic areas: 5.6.1. National History (Historical Sciences), 5.6.2. Global History (Historical Sciences), 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.2. World Literature (Philological Sciences), 5.9.3. Literature Theory (Philological Sciences), 5.9.5. Russian. Languages of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.6. Foreign Languages (Germanic Languages), (Philological Sciences), 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences).

Editor-in-Chief *Vasily A. Sablin*, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University.

Deputy Chief Editor *Ludmila V. Egorova*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University.

Executive Secretary *Anna S. Stoletova*, Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, the North-Western Institute, Kutafin Moscow State Law University.

Editorial Board:

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University,

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University,

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Head of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vologda State University,

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University,

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Vologda State University,

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library named after I.V. Babushkin,

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Lecturer, Comprehensive School of the Center for Pedagogical Excellence,

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Slavic and General Linguistics and Culture of Communication, State University of Education,

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University,

Yaroslav V. Sarychev, Doctor of Philology, Assistant Professor, Deputy Director for Research at the Philological Institute, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shanskiy,

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University.

Editor of English Texts *O.A. Bursina*.

Editors, proofreaders *O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova*.

Making up and technical editing *S.V. Kudryavtsev*.

Address of the Editorial Office: Office 212, Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University», Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000.

Address of the Printing House: «Publishing House Sad-Ogorod», LLC, Tekstilshchikov Street, 20a, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel. (8172) 73-12-22, e-mail: vologdapost@yandex.ru.

Passed for printing 06.12.2024. Date of Publication 28.12.2024. Format A4 (60 x 84/8).

Conventional printed sheets 14,5. Published pages 15,0. Number of copies 40. Order 859. Open price.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Саблин В.А.</i> К 90-ЛЕТИЮ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНЕ.....	7
---	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Минчук О.В.</i> УЧРЕЖДЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	9
<i>Калинина Е.А.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ СССР (1922–1925 ГГ.).....	12
<i>Котов П.П.</i> УДЕЛЬНЫЕ СЕЛЕНИЯ И КРЕСТЬЯНЕ ЮГО-ЗАПАДНЫХ УЕЗДОВ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА.....	16
<i>Кудрявцев А.Е.</i> РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ИНФРАСТРУКТУРЫ Г. ГОРЬКОГО В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1957 ГГ.).....	23
<i>Саблин В.А.</i> КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИВОТНОВОДСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ: ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ	28
<i>Смирнова Н.С.</i> ПРИХОДСКАЯ ОБЩИНА ШАПШЕНСКОГО НИКОЛАЕВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА КАДНИКОВСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ	32
<i>Столетова А.С.</i> «ИНДУСТРИАЛЬНАЯ» ТЕМАТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ВОЛОГЖАН 1920–1970-Х ГГ.....	37

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБСУЖДАЕМ МОНОГРАФИЮ

<i>Догаева М.В., Миннуллин О.Р.</i> ПЕРИПЕТИИ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТОВ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА В ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЯХ (О МОНОГРАФИИ Л.В. ЕГОРОВОЙ «ИЗДАТЬ И ПЕРЕВЕСТИ НЕВОЗМОЖНОЕ: ИЗ ИСТОРИИ “КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ”»).....	42
<i>Зелезинская Н.С.</i> НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ КАК ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ: Л. В. ЕГОРОВА. «ИЗДАТЬ И ПЕРЕВЕСТИ НЕВОЗМОЖНОЕ: ИЗ ИСТОРИИ “КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ”» ВОЛОГДА: ВОГУ, 2024. 251 С.	46
<i>Сеничева А.А.</i> «ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ: ВИЗУАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В КНИГЕ Л.В. ЕГОРОВОЙ»	51
<i>Луценко Е.М.</i> «ЧУМА НА ОБА ВАШИ ТЕАТРА»: ТРАГЕДИЯ ШЕКСПИРА «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА» НА АНГЛИЙСКОЙ СЦЕНЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ.....	54
<i>Мотамедия М.Н., Резаи М.С.</i> НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДВУХ КУЛЬТУР: РОССИЯ И ИРАН В РОМАНЕ Ю.Н. ТЫНЯНОВА «СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА».....	59
<i>Папилова Е.В.</i> ОБРАЗ ГЕРМАНА («ПИКОВАЯ ДАМА» А.С. ПУШКИНА) КАК НОСИТЕЛЯ НЕМЕЦКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ.....	66
<i>Трикоз Э.Л.</i> «МЫ ЖИЛИ В ТОМ ДАЛЁКОМ ДАЛЕКЕ...». К 90-ЛЕТИЮ ПОЭТА ИВАНА ЛЫСЦОВА (1934–1994). ЧАСТЬ 2.....	70

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Лемак А.Ю.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СУТОЧНОМ ЦИКЛЕ В ЯЗЫКЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ.....	75
<i>Никитенко Т.В.</i> ГЛАГОЛЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (НАЙМА): СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА	80
<i>Савочкина Е.А., Широких И.А.</i> ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДНЫХ ИМИДЖЕВЫХ ТЕКСТОВ	86
<i>Секиро О.О.</i> ИСТОРИЯ СЛОВА В ФОКУСЕ АВТОРСКОГО ТЕКСТА: ДРОЖЖИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И.С. АКСАКОВА	90
<i>Ткачева В.Н.</i> «ПУШКИНСКИЙ МИФ» В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧУЖОЙ РЕЧИ	96
<i>Шестак Л.А.</i> РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ: ЦЕННОСТИ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА	100

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Безнин М.А., Димони Т.М., Димони К.О.</i> НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ ПО ТЕМЕ «ИНСТИТУТЫ ЗАВИСИМОСТИ И СИСТЕМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1930–1980-Х ГГ.».....	106
<i>Саблин В.А., Лебедев С.А.</i> ШЕСТОЙ РАЗ В ВОЛОГДЕ. ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ ВСЕРОССИЙСКИХ «НЕКРАСОВСКИХ ЧТЕНИЙ» В МАЕ 2024 Г.	108
<i>Саблин В.А., Черкасова М.С.</i> КРЕСТЬЯНСКИЕ КОРНИ: ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ОБОБЩЕНИЯ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ИСТОРИЯ РОДА СЕЛЯКОВЫХ XVI–XXI ВВ. В 2-Х Т. Т. 1. ПШЕНИЦЫН. Д.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ РОДА СЕЛЯКОВЫХ; Т. 2. ТАРАН Л.Н., БУНИНА Е.А. ИСТОРИЯ РОДА В ЗЕРКАЛЕ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ. ВОЛОГДА ; СПБ.: ДИТОН-АРТ, 2024	110
<i>Цветкова А.Н.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ШАЛАМОВСКИЙ СБОРНИК. ВЫПУСК 6 / СОСТ. И РЕД. В.В. ЕСИПОВ. М.: ЛЕТНИЙ САД, 2023. 468 С.	112
ПАМЯТИ ИСТОРИКА ФЁДОРА ЯКОВЛЕВИЧА КОНОВАЛОВА (1949–2024).....	115
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	117

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> THE 90TH ANNIVERSARY OF HISTORY EDUCATION IN RUSSIA.....	7
---	---

HISTORY

<i>Minchuk O.V.</i> ESTABLISHMENT OF JURIES IN THE ARKHANGELSK PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.....	9
<i>Kalinina E.A.</i> PUBLIC SPORTS ORGANISATIONS ACTIVITY IN THE EUROPEAN NORTH OF THE USSR (1922–1925).....	12
<i>Kotov P.P.</i> APPANAGE VILLAGES AND PEASANTS IN THE SOUTH-WESTERN UYEZDS OF THE VOLOGDA PROVINCE AT THE END OF THE 18TH – MID-19TH CENTURIES.....	16
<i>Kudryavtsev A.E.</i> DEVELOPMENT OF THE URBAN ENVIRONMENT AND INFRASTRUCTURE OF THE CITY OF GORKY IN THE POST-WAR PERIOD (1945–1957).....	23
<i>Sablin V.A.</i> PEASANT ANIMAL HUSBANDRY IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920S: DEVELOPMENT PARAMETERS.....	28
<i>Smirnova N.S.</i> PARISH COMMUNITY OF SHAPSHENSKY NIKOLAEVSKY ORTHODOX PARISH, KADNIKOVSKY UYEZD, VOLOGDA PROVINCE.....	32
<i>Stoletova A.S.</i> “INDUSTRIAL” THEMES IN THE FICTION TEXT OF VOLOGDA WRITERS IN THE 1920–1970S.....	37

LITERATURE STUDY

DISCUSSING THE MONOGRAPH

<i>Dogaeva M.V., Minnullin O.R.</i> PERIPETIES OF PUBLICATIONS OF VARLAM SHALAMOV’S TEXTS IN FOREIGN EDITIONS (ON L. EGOROVA’S MONOGRAPH “TO PUBLISH AND TRANSLATE THE IMPOSSIBLE: FROM THE HISTORY OF <i>KOLYMA TALES</i> ”).....	42
<i>Zelezinskaya N.S.</i> UNTRANSLATABILITY AS A RESEARCH PARADIGM: LUDMILA EGOROVA. “TO PUBLISH AND TRANSLATE THE IMPOSSIBLE: FROM THE HISTORY OF <i>KOLYMA TALES</i> ”: MONOGRAPH. VOLOGDA, VOLOGDA STATE UNIVERSITY, 2024. 251 P.	46
<i>Senicheva A.A.</i> LITERARY DETECTIVE: VISUAL AND SEMANTIC SOLUTIONS IN L. EGOROVA’S BOOK.....	51
<i>Lutsenko E.M.</i> “A PLAGUE TO BOTH OF YOUR THEATRES”: <i>ROMEO AND JULIET</i> ON THE ENGLISH STAGE OF THE 18TH CENTURY.....	54
<i>Motamednia M.N., Rezai M.S.</i> AT THE CROSSROADS OF TWO CULTURES: RUSSIA AND IRAN IN YU.N. TYNANOV’S NOVEL <i>DEATH OF VAZIR-MUKHTAR</i>	59
<i>Papilova E.V.</i> THE IMAGE OF HERMANN (<i>THE QUEEN OF SPADES</i> BY ALEXANDER PUSHKIN) AS A BEARER OF GERMAN MENTALITY.....	66
<i>Trikoz E.L.</i> “WE LIVED IN THAT DISTANT TIME...” THE 90TH ANNIVERSARY OF THE POET IVAN LYSTSOV (1934–1994) Part 2.....	70

LINGUISTICS

<i>Lemak A.Y.</i> THE IDEA OF THE DAILY CYCLE IN THE LANGUAGE OF THE PETRINE ERA.....	75
<i>Nikitenko T.V.</i> VERBS OF HIRING: MEANING, FUNCTIONING, TRANSLATION ISSUES.....	80
<i>Savochkina E.A., Shirokikh I.A.</i> LINGUOECOLOGICAL ANALYSIS OF TRANSLATED IMAGE TEXTS.....	86
<i>Sekiro O.O.</i> HISTORY OF A WORD IN THE FOCUS OF AUTHOR’S WORD USAGE: <i>ДРОЖЖИ</i> (<i>LEAVEN</i>) IN I.S. AKSAKOV’S JOURNALISM.....	90
<i>Tkacheva V.N.</i> “THE PUSHKIN MYTH ” IN MODERN PROSE: REPRESENTATION OF SOMEONE ELSE’S SPEECH.....	96
<i>Shestak L.A.</i> ADVERTISING TEXT: VALUES OF THE CHANGING WORD.....	100

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Beznin M.A., Dimoni T.M., Dimoni K.O.</i> THE RESEARCH GROUP ACTIVITY ON THE TOPIC “INSTITUTIONS OF DEPENDENCE AND LABOR EXPLOITATION SYSTEMS IN SOVIET RUSSIA IN THE 1930S–1980S”.....	106
<i>Sablin V.A., Lebedev S.A.</i> SIXTH TIME IN VOLOGDA. ABOUT THE RESULTS OF THE ALL-RUSSIA “NEKRASOV READINGS” IN MAY 2024.....	108
<i>Sablin V.A., Cherkasova M.S.</i> PEASANT ROOTS: GENEALOGICAL GENERALIZATIONS. BOOK REVIEW: THE HISTORY OF THE SELYAKOV IN THE 16TH–21ST CENTURIES. IN 2 VOLUMES. VOL.1. PSHENITSYN D.A. HISTORICAL CHRONICLE OF THE SELYAKOV; VOL. 2. TARAN L.N., BUNINA E.A. THE HISTORY OF THE FAMILY IN THE FAMILY MEMORIES MIRROR. VOLOGDA; ST. PETERSBURG: DEATON-ART, 2024.....	110
<i>Tsvetkova A.N.</i> BOOK REVIEW: V.V. YESIPOV. SHALAMOV MATERIALS. VOLUME 6. MOSCOW: LETNY SAD, 2023. 468 P.....	112
IN MEMORIAM OF THE HISTORIAN FEDOR YAKOVLEVICH KONOVALOV (1949–2024).....	115
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	119

В.А. Саблин

главный редактор научного журнала
«Вестник Вологодского государственного университета.
Серия: Исторические и филологические науки»,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета

К 90-ЛЕТИЮ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНЕ

Среди многочисленных юбилеев, выпадающих на 2024 г., есть один, который следует отметить особо, – девяносто лет назад в школы страны вернули предмет «История». 15 мая 1934 г. Совет народных комиссаров СССР и Центральный комитет ВКП(б) приняли Постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», согласно которому предполагалось изучение истории Древнего мира, истории Средних веков, Новой истории, Истории СССР и «Новой истории зависимых и колониальных стран».

Одновременно были утверждены составы авторских коллективов по написанию соответствующих учебников. К примеру, перед авторами учебника по истории СССР ставилась цель отражать исторический материал таким образом, чтобы «история Великой России не отрывалась от истории других народов СССР, – это, во-первых, – и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, – это, во-вторых» (<https://www.dspl.ru/blog/pro-vystavki/vystavka-istoriya-uchebnika-istorii/> (дата обращения 11. 10. 2024 г.)).

*Краткий курс истории СССР:
учебник для 3-го и 4-го классов /
под редакцией проф. А.В. Шестакова.
Москва: Государственное учебно-педагогическое
издательство, 1937. 223, [1] с.*

До этого, во многом под влиянием наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского, история в школах не изучалась и соответственно подготовка учителей истории также не осуществлялась. Сошлемся в этой связи на его весьма характерное выступление на педагогических курсах в Петрограде в сентябре 1918 г., в котором он отметил, что «...мертвая история, загромождающая память фактами и цифрами хронологии, должна быть отброшена, преподавание истории с той точки зрения, чтобы научить людей “идее” постепенности, эволюции, должно быть отброшено; преподава-

ние истории в направлении создания “народной гордости”, “национального чувства” и т.д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти “хорошие образцы” для подражания, должно быть отброшено».

Исходя из этого, он приходил к выводу, что «...далеко не является бесспорным, надо ли вообще преподавать историю в правильно поставленной школе». (Луначарский А.В. Проблемы народного образования. 2-е изд. М., 1925. С. 101–124. [Электронный ресурс]. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitani-i-obrazovanii/o-prepodavanii-istorii-v-kommunisticheskoj-shkole/?ysclid=lts2o7ps4g167660563> (дата обращения: 11.10.2024)).

Возвращение истории в школы было политическим шагом властей и происходило в условиях глубочайших идеологических изменений. Четко оформились две тенденции в идеологической жизни советского общества. Это существовавшая ранее, до прихода к власти, традиционная для партии революционно-классовая и новая, родившаяся вместе с овладением властью, – национально-государственная тенденция. Она воплощала в себе политический реализм сталинской элиты и была ориентирована на традиционные российские ценности – сильное централизованное государство, патриотизм, культ вождей (монархов) и пр., то есть была укоренена в российской почве и отвечала насущным потребностям, в частности интересам обороны страны.

В 1934 г. в педвузах страны открываются исторические факультеты. Северный краевой пединститут (СКПИ) в Вологде не стал исключением. Внедрение важных духовных ценностей в науку шло постепенно в связи с написанием учебника по истории СССР для школ. В конце концов была создана новая концепция истории, запечатленная главным образом в учебнике «История СССР» для исторических факультетов высших учебных заведений страны. Эта концепция содержала в себе как революционно-классовую, так и национально-государственную, в чем-то даже великодержавную стороны. В концепции история страны, развивавшейся в своеобразных, во многом неблагоприятных условиях, была стилизована под западноевропейскую модель, представленную в трудах Маркса и Энгельса. Все же общая концепция отечественной истории и методологические требования не закрывали пути к решению множества частных вопросов и разработке тех или иных тем. Трудным путем, соблюдая установленные властью границы и «правила поведения», историческое познание, тем не менее, двигалось вперед.

Марксистский подход к истории принес свою пользу. Он раскрыл «свои» стороны истории, расставил новые акценты, заложил «свои» односторонние

традиции изучения прошлого. Ориентируясь на него в большей или меньшей степени, историки развивали свою науку. Поэтому история в эти и последующие годы не сводилась только к идеологии.

Власть рассматривала историков как инструменты своей политики, объекты идеологического воздействия. В стране была разрушена старая система организации науки и создана иная, которой не было до революции. Уцелевшие после репрессий и продолжавшие подвергаться репрессиям историки разных научных школ были объединены в 1936 г. в Институте истории Академии наук и стали выполнять заказы власти.

Долгое время в качестве единственной организационной структуры развития исторической науки в Вологодском пединституте оставалась специализированная кафедра истории, просуществовавшая с 1930 по 1940 г. Первым руководителем кафедры в институте являлся Бочкарев Валентин Николаевич (с 5 сентября по 16 декабря 1930 г.), выпускник Московского университета, ученик В.О. Ключевского, приват-доцент, профессор с дореволюционным стажем. Занимался историей монастырского вотчинного хозяйства (синьорией) XVI–XVIII вв. В 1930 г. В.Н. Бочкарев был подвергнут репрессиям. После войны работал в Коломенском пединституте.

*Бочкарев Валентин Николаевич
(17.02.1880–17.01.1967)*

С 16 октября 1930 г. курс лекций по истории Запада в институте читал профессор (с 1927 г.) Захер Яков Михайлович. 14 января 1931 г. он возглавил кафедру истории СКПИ и проработал в этой должности до 22 декабря 1935 г. Я.М. Захер являлся крупным специалистом по проблемам Великой французской революции. Заметным явлением в отечественном францужведении стала опубликованная им еще в 1926 г. монография «9 термидора». В 1934 г. Вологодский пединститут предпринял попытку ее переиздания. В 1938 г. Я.М. Захер был арестован и вернулся в историческую науку лишь в 1956 г. (Саблин В.А. Из опыта организации исторических и филологических исследований в Вологодском государственном педагогическом институте накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2020. № 2. С. 7–13).

*Захер Яков Михайлович
(22.10.1893–14.03.1963)*

Созданные в 1930-е годы организационные основы исторической науки в Вологде сегодня находят продолжение в деятельности двух специализированных кафедр ВоГУ – кафедры всеобщей истории и мировой политики и кафедры отечественной истории.

О.В. Минчук

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

УЧРЕЖДЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена истории учреждения суда присяжных заседателей в Архангельской губернии. На основе архивных материалов раскрываются причины отсрочки введения данного правового института. Автором рассматривается правовой статус присяжных заседателей в Архангельской губернии. Отмечается, что особенности его организации касались прежде всего работы комиссий по составлению общих и очередных списков, а юрисдикция и требования к занятию должностей были установлены по общим правилам.

Судебная реформа, суд присяжных заседателей, судебные уставы, Архангельская губерния.

Появление института присяжных заседателей в Российской империи было одним из результатов судебной реформы 1864 года. Вводился данный правовой институт в различных регионах государства постепенно с середины 60-х годов XIX века по первую треть XX века [4]. На протяжении этого периода законодателем было внесено большое количество изменений в правовой статус суда присяжных. Менялся объем юрисдикции и цензовые требования, также в зависимости от местных условий корректировались правила составления общих и очередных списков. Обусловлено это было как консервативными и порой реакционными тенденциями политического курса руководства страны, так и некоторыми объективными факторами (материально-техническая и кадровая невозможность введения в окраинных территориях империи суда присяжных).

В Архангельской губернии судебная реформа Александра II начала активно реализовываться только с 1888 года с введения мировых судебных установлений. Окружной суд был открыт в 1896 году [6]. При этом, в соответствии с «Временными правилами об устройстве судебной части и о порядке производства судебных дел в Архангельской губернии» от 29 января 1896 года, использование института присяжных заседателей в рамках рассмотрения уголовных дел в губернии не предусматривалось [7]. Дела относящиеся к ведомству суда присяжных принимались к производству Окружным судом в общем присутствии (Там же).

Основаниями отсрочки введения суда с народным участием в Архангельской губернии, с точки зрения Министерства юстиции, являлись следующие причины:

- низкий уровень культурного развития местного населения;
- обширность занимаемой территории;
- недостаточное знание русского языка инородцами, населяющими губернию;
- небольшое число жителей, отвечающих требованиям к избранию в число присяжных заседателей [5, с. 2].

Аналогичное мнение высказывалось и на заседаниях Соединенных Департаментов Государственного Совета. Так, еще в 1888 году было принято решение о нераспространении на Архангельскую губернию суда присяжных во многом из-за малой населенности и огромных территорий, прежде всего северных уездов губернии [1].

В 1894 году Комиссией по пересмотру законоположений по судебной части были изучены отзывы местных представителей административной и судебной власти, которые высказывались о необходимости учреждения суда присяжных на окраинах Российской империи, в том числе в Архангельской губернии. Результатом работы стало признание «желательности» распространения этого правового института на данную территорию, но с некоторыми изъятиями, зависящими от местных условий, в том числе отсутствия земских учреждений [5, с. 2].

В 1901 году Министр юстиции Н.В. Муравьев признал возможным и своевременным введение суда с участием общественного элемента в Архангельской губернии на общих основаниях с внутренними губерниями. Проект обозначенных преобразований был направлен в Государственный совет 31 декабря 1901 года, но не получил одобрения и не был принят к законодательной процедуре (Там же, с. 4).

К данному вопросу в Министерстве юстиции вернулись только в 1907 году. Письмом от 11 мая 1907 года от Архангельского губернского правления были затребованы актуальные данные о числе лиц из местного населения, которые могли подлежать включению в общие списки присяжных заседателей. Также было предложено обсудить вопрос о внедрении данного правового института на особом совещании под председательством губернатора [2, л. 93].

Совещание собралось 4 апреля 1908 года во главе с исправляющим должность губернатора И.В. Сосновским. В его состав вошли вице-губернатор статский советник А.Ф. Шидловский, председатель Окружного суда А.Г. Пресняков, прокурор Окружно-

го суда В.И. Греков, непременный член Губернского по крестьянским делам присутствия Н.С. Пругавин, Архангельский городской голова Я.И. Лейцингер и представитель канцелярии Б.И. Садовский [2, л. 93].

Совещанием были проверены составленные по каждому уезду губернии списки лиц, имеющих право быть присяжными заседателями. Списки были сформированы особыми комиссиями, образованными в составе: мирового судьи, товарища прокурора, чиновника по крестьянским делам и уездного исправника, городского головы или старосты и податного инспектора.

Из числа лиц крестьянского сословия, имеющих право быть присяжными заседателями, многие (в основном представители крестьянского сословия) были внесены в них на основании имущественного ценза, несмотря на то что он заключался в наличии в собственности земли. Иными словами, в случае строго соблюдения буквы закона, крестьяне подлежали бы исключению из списков в силу отсутствия у них земельных наделов. Тем не менее, совещание признало возможным оставить данных лиц, так как было принято во внимание то, что крестьяне владели дворовыми местами, ценность которых с постройками достигала необходимой суммы, а также имели значительные доходы от рыбного и звериного промыслов, что соотносилось с нормами статьи 84 Учреждения Судебных Установлений (Там же, л. 93 об.).

Таким образом, совещание определило, что цензовым требованиям на момент сбора данных соответствовало следующее число человек в уездах: Архангельском – 1701, Шенкурском – 498, Холмогорском – 641, Пинежском – 371, Онежском – 845, Мезенском – 314 и Кемском – 236 [5, с. 6]. Данное количество человек, по мнению членов совещания, не препятствовало введению суда присяжных в Архангельской губернии, кроме Александровского и Печорского уездов. В обозначенных административных единицах существовали свои особенности. Так, в Александровском уезде уголовные дела рассматривались в сессиях Архангельского Окружного суда в городе Кемии или в городе Архангельске. Которые в свою очередь были расположены на большом удалении от уездного центра – города Александровска. Количество дел, возникающих в данном уезде, было «ничтожно мало» и в совокупности с плохой дорожной инфраструктурой обуславливало нецелесообразность организации там сессий с участием присяжных заседателей [2, л. 92 об.].

Печорский уезд также был малонаселен и обладал большой территориальной протяженностью. В совокупности с этими факторами был учтен и фактор «малоразвитости населения» (преобладание плохо владеющих русским языком зырян и самоедов) [5, с. 6]. На основании данных соображений совещание даже не стало рассматривать списки, составленные по Александровскому и Печорскому уездам [2, л. 93 об.].

В заседании особого совещания также обсуждался вопрос о выдаче будущим присяжным заседателям суточного и путевого вознаграждения. При этом была изучена практика Петрозаводского Окружного суда в решении данного вопроса. В Олонецкой губернии лицам, вызываемым к отправлению обязанностей присяжных заседателей, полагались следующие выплаты: 1) прогонные деньги – по 3 копейки на одну версту и лошадь, 2) суточные – по 1 рублю в сутки,

причем суточные деньги исчислялись как за время, проведенное в городе в продолжении сессии суда, так и в пути считая по 50 верст в сутки [2, л. 94].

Данный опыт совещание признало желательным распространить и на Архангельскую губернию в связи с большими расстояниями, отделяющими села и деревни губернии от ее административных центров, в которых будут проходить сессии Окружного суда, так и в связи с тем, что сельское население преимущественно занималось промыслами, обеспечивающими его существование и отвлечение его от них для отправления правосудия, было бы сопряжено с серьезным материальным ущербом (Там же, л. 94 об.).

При этом было предложено выдавать путевое вознаграждение на расстояние свыше 30 верст в сутки. Суточное вознаграждение было оставлено в размере по 1 рублю в сутки с осуществлением данного расхода за счет средств казны. По предварительным подсчетам на реализацию проектируемых мер ежегодно потребовалась бы сумма 4500 рублей (Там же).

При этом стоит отметить, что официально суточные и путевые средства от казны на данные цели были узаконены только в 1913 году соответствующим актом [9]. А.А. Демичев отмечал, что до издания этого акта Судебные уставы не предусматривали подобной компенсации, а редкие практики выдачи земских пособий в 1873 году были запрещены Сенатом [3]. Архангельский чиновники в данном случае применяли принцип аналогии закона, сославшись на норму статьи 1931 Свода законов Российской империи, устанавливающую выдачу путевых денег свидетелям и иным «посторонним» лицам, участвующим в деле [10].

В заключении Министра юстиции на результаты работы особого совещания было проведено сравнение особенностей Архангельской губернии и других губерний Российской империи, как северных (Пермская, Олонецкая, Вологодская), так и окраин Европейской России, которые в целом не отличались от местных условий, но в которых уже действовал институт присяжных заседателей.

Отмечалось, что население Архангельской губернии, за исключением небольшого числа инородцев, – коренное великорусское, предприимчивое и занимающиеся торговлей, морскими и другими промыслами, что способствовало их экономическому благосостоянию и давало возможность соответствовать установленным цензам. Соотношение возникающих уголовных дел, разрешаемых судом с участием присяжных заседателей, и количества потенциальных кандидатов за три предшествующих года (1905 г., 1906 г., 1907 г.) показало отсутствие недостатка в таких лицах.

Таким образом, Министр юстиции одобрил введение института присяжных заседателей в Архангельской губернии, за исключением Александровского и Печорского уездов, в отношении которых согласился с выводами особого совещания [3].

10 мая 1909 года был принят закон, утвержденный и одобренный Государственным Советом и Государственной Думой Российской империи, «О введении учреждения суда присяжных заседателей в Яренском и Устьсысольском уездах, Вологодской губернии, в некоторых уездах губернии Архангельской и Тобольской, в губернии Томской и в областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской» [8] (далее – за

кон «О введении учреждения суда присяжных»). Согласно этому акту, суд присяжных вводился в Архангельской губернии в Архангельском, Кемском, Мезенском, Онежском, Пинежском, Холмогорском и Шенкурском уездах [8].

Требования (цензы) для включения в общие списки присяжных заседателей в Архангельской губернии были установлены по общему правилу, отраженному в Учреждении Судебных Установлений: русское подданство, знание и умение читать на русском языке, возраст с 25–70 лет, проживание не менее двух лет на территории избрания.

Лицам, удовлетворяющим этим условиям, необходимо было также соответствовать имущественному цензу, а именно иметь в собственности землю. На основании закона «О введении учреждения суда присяжных» для жителей Архангельской губернии эта величина составляла двадцать десятин. Для жителей городов необходимо было иметь недвижимое имущество ценой не менее 500 рублей (Там же).

Для чиновников и лиц, находящихся на пенсии, размер дохода устанавливался от 400 до 600 рублей; для промысловиков и купцов – не менее 400 рублей. Сельским жителям необходимо было в течение не менее трех лет беспорочно занимать различные административно-общественные должности (головы, волостные старшины и т.д.) (Там же).

Некоторые особенности в Архангельской губернии были закреплены в отношении организации работы комиссий по составлению общих и очередных списков присяжных заседателей. Обязанность внесения сельских жителей в общие списки возлагалась вместо земского участкового начальника (по общему правилу) на чиновника по крестьянским делам (Там же).

Комиссии по составлению очередных списков присяжных заседателей образовывались в каждом из уездов под председательством участковых мировых судей по назначению общего собрания отделений Архангельского окружного суда. В состав данных комиссий также вместо земского участкового начальника должен был входить чиновник по крестьянским делам (Там же). Указанные выше изменения были объективно необходимы и учитывали особенности социально-экономического и административного уклада Архангельской губернии.

Юрисдикция Окружного суда в разборе дел с участием присяжных заседателей в Архангельской губернии не имела особенностей и исключений. Разбору подлежали дела о преступлениях и проступках, за которые в законе были предусмотрены наказания, влекущие за собой лишение всех прав состояния или всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, в том числе тяжкие преступления и преступле-

ния, за которые законом определены наказания в виде заключения в исправительном доме или тюрьме.

По оценкам исследователей, на долю присяжных приходилось около трехсот статей Уложения о наказаниях [3, с. 174]. Стоит также отметить, что из числа обозначенных выше преступлений из ведомства суда с участием присяжных заседателей к 1909 году были изъяты деяния против порядка управления, должностные преступления, нарушения о печати и некоторые другие (Там же, с. 175).

С учреждением суда с участием присяжных заседателей завершились преобразования судебного ведомства Архангельской губернии в рамках судебных уставов 1864 года. Особенности его организации касались прежде всего работы комиссий по составлению общих и очередных списков, а юрисдикция и требования к занятию должностей были установлены по общим правилам.

Литература

1. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 8. Т. 2. Д. 579.
2. ГААО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1099. Л. 93–94 об.
3. Демичев, А. А. История российского суда присяжных в дореволюционной России (1864–1917 гг.) / А. А. Демичев. – Москва : Юрлитинформ, 2007. – 320 с.
4. Дудко, Н. А. Поэтапное введение суда присяжных в Российской империи по судебной реформе 1864 г. / Н. А. Дудко // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 12 (49). – С. 2834–2840.
5. Краткая объяснительная записка к проекту Министра юстиции о введении учреждения суда присяжных заседателей в Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии, в губерниях Архангельской, Томской и Тобольской и в областях Акмолинской, Семипалатинской и Уральской : 30 января 1909 г. – [Санкт-Петербург : б. и.], 1909. – 31 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/341344> (дата обращения: 27.08.2023). – Текст : электронный.
6. Минчук, О. В. Реализация судебной реформы 1864 года в научном дискурсе: критика и концептуализация / О. В. Минчук // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2016. – № 15. – С. 150–164.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 33 томах (далее – ПСЗ-III). – Т. 16, № 12483. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.08.2023). – Текст : электронный.
8. ПСЗ-III. – Т. 29, № 31862. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.08.2023). – Текст : электронный.
9. ПСЗ-III. – Т. 33, № 40565. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.08.2023). – Текст : электронный.
10. Свод законов Российской империи // Классика российского права: Проект компании «Консультант плюс» при поддержке издательства «Статус» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк». – URL: <https://civil.consultant.ru/code/> (дата обращения: 29.08.2023). – Текст : электронный.

O. V. Minchuk

ESTABLISHMENT OF JURIES IN THE ARKHANGELSK PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

The article is devoted to the history of the establishment of a jury court in the Arkhangelsk province. Based on the archival materials, it reveals the reasons for the delay in the introduction of this legal institution. The author examines the legal status of jurors in the Arkhangelsk province. It is noted that the peculiarities of the jury primarily concerned the work of the commissions compiling general and regular lists, and the jurisdiction and requirements for occupying positions were established according to the general principles.

Judicial reform, jury, judicial statutes, Arkhangelsk province.

Е.А. Калинина
Петрозаводский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ СССР (1922–1925 гг.)

1920-е годы являются особым этапом в развитии физической культуры и спорта в Советском Союзе. В этот период в регионах страны появились спортивные общественные организации. Они активно вовлекали в занятия физической культурой жителей городов и деревень, являясь организаторами спортивных праздников и соревнований. На основе архивных документов, материалов периодической печати автор рассматривает проблемы их создания на территории Европейского Севера СССР под эгидой Российского союза красных организаций физической культуры (РСКОФК) в 1922–1925 гг. Отсутствие финансирования, специалистов в области физической культуры и спорта, контроль со стороны центральных органов обусловили краткий период их существования.

Физическая культура, спорт, общественные организации, Российский союз красных организаций физической культуры.

Экономический кризис, вызванный Гражданской войной (1918–1922), требовал введение жесткой экономики во всех сферах жизни страны. Для восстановления и дальнейшего развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства нужны были большие накопления средств. В этой связи советское правительство произвело значительное сокращение расходов. Была реорганизована Красная армия, отпала необходимость в широком размахе всеобщего военного обучения населения. Это позволило внести существенные изменения в организационную структуру спортивных организаций, которые находились в ведении Главного управления Всеобщего военного обучения (Всевобуча). Характерной чертой 1922–1925 гг. в истории физической культуры и спорта в Советской России являлся переход к новым организационным формам спортивных объединений.

В июле 1922 г. в Москве состоялось совещание представителей окружных управлений и начальников школ инструкторов по спорту под председательством начальника Главного управления Всеобщего военного обучения (Всевобуча) Н.И. Подвойского. На совещании были выработаны и приняты конкретные формы работы органов Всевобуча, на который возлагалось только физическое воспитание военнослужащих Красной армии и допризывников.

Главное управление Всевобуча, стремясь сохранить созданную за годы Гражданской войны сеть спортивных клубов и кружков, провело их объединение в районные спортивные центры («спорт-центры»). Эта форма организации была временной, так как экономические возможности страны не позволяли содержать за счет государства широкую сеть «спорт-центров». В этой связи было предложено создать единую в стране общественную организацию – Российский союз красных организаций физической культуры (РСКОФК). Главным органом руководства РСКОФК

стал Всероссийский съезд ЦК Союза, а на местах – областные, губернские, уездные съезды Союза. Структурными единицами организации являлись ячейки физической культуры на фабриках, заводах, в частях Красной армии в учебных заведениях.

В 1922 г. по всей стране стали создаваться Временные губернские бюро РСКОФК, а на местах началось формирование временных областных, губернских и уездных бюро. На Европейском Севере СССР во Временные губернские бюро РСКОФК вошли представители РКП(б), РИКа, РКСМ, инструкторы Всевобуча. Все ранее существовавшие спортивные организации и вновь организованные должны были утвердить свои Уставы, официально признать советскую власть и выполнять все требования Устава Союза. Эти организации открывали секции по различным видам спорта, проводили спортивные соревнования, организовывали праздники спорта, показательные игры и выступления спортсменов.

Назначение государственного финансирования на РСКОФК не предполагалось, он полностью переводился на хозрасчет. По Уставу бюджет Союза состоял из членских взносов организаций, от денежного сбора за проведение платных массовых мероприятий (праздников, слетов, показательных выступлений), из части доходов промышленных и сельскохозяйственных предприятий, государственных субсидий.

В проекте Устава Союза отмечалось, что его работа основывается на самостоятельности самих масс и на сознательной инициативе в постановке работы физкультурных обществ. В Уставе также предусматривалось создание спортивных клубов по видам спорта по территориальному принципу. Союз должен работать в контакте с РКСМ, РКП(б) и профсоюзом [25, с. 1–2].

Вопросы истории создания общественных спортивных организаций в составе РСКОФК в 1922–1925 гг.

недостаточно изучены в отечественной историографии. Их деятельность, как правило, рассматривалась фрагментарно, в рамках общей истории физической культуры и спорта [24]. Зарегистрированные общественные организации, вошедшие в состав РСКОФК на территории Европейского Севера СССР, не входили в сферу интересов современных исследователей.

В 1922 г. в состав Вологодского и Олонецкого губернских РСКОФК вошли спортивно-гимнастические общества «Сокол» (в Петрозаводске и в Вологде), а также кружки любителей зимнего спорта в Повенце и Вытегре, Петрозаводский яхт-клуб в Олонецкой губернии [11, с. 108 об.]. В 1922–1925 гг. эти общественные организации вели активную спортивную деятельность по созданию физкультурных кружков, организации спортивных соревнований и показательных выступлений гимнастов. Например, все городские праздничные мероприятия проводились с участием «соколов» и «соколок». Так называли членов гимнастического общества «Сокол». Вольные упражнения юных гимнастов, гимнастические пирамиды служили украшением парадов, торжественных собраний, посвященных памятным датам.

Относительно деятельности Яхт-клуба необходимо отметить, что его открытие состоялось в марте 1923 г. На торжественном собрании был оглашен Устав. Члены Яхт-клуба платили единовременный вступительный взнос 50 коп., и ежемесячно по 10 коп. [3, с. 4]. Основными занятиями в клубе были гребля, спуск лодок на воду, ремонт судов, управление парусными судами. Клуб получил в свое распоряжение здание бывшей Петрозаводской спасательной станции на городской пристани, несколько принадлежавших ей яхт, на которых проводилось обучение допризывников военно-морскому делу, практические занятия по плаванию под парусом и гребле. Яхт-клубу также было поручено дело спасания на водах. Как отметил корреспондент газеты «Карельская коммуна»: «Открытие Петрозаводского яхт-клуба знаменует собой еще одну маленькую победу на местном фронте физической культуры» [23, с. 4].

Однако взаимоотношения общественных спортивных организаций с Временным губернским бюро РСКОФК были противоречивыми и имели ряд разногласий. В первую очередь, они касались финансов. Данные спортивные организации существовали на собственные средства: на индивидуальные членские взносы, на вырученные средства от продажи входных билетов на спортивные и праздничные мероприятия. Других источников дохода у них не имелось. Однако губернское бюро РСКОФК вводило обязательные дополнительные денежные выплаты, которые для этих общественных организаций были непосильны. Например, по решению Карельского бюро РСКОФК в 1922 г. все суммы, полученные от платных выступлений, должны были быть перечислены в помощь голодающим Поволжья [12, с. 11]. В марте 1923 г. – для финансовой поддержки центрального журнала «Всеобщее военное обучение и спорт», издававшегося в Москве, обязали выделить деньги на годовую подписку: «Соколу» на пять экземпляров – 50 руб., а Яхт-клубу на два экземпляра – 25 руб. [13, с. 13]. В ноябре 1924 г. вышло в свет постановление Высшего совета

физической культуры при Центральном исполнительном комитете об обязательной подписке на спортивные издания. «Каждый кружок физкультурников должен быть подписан на журнал “Известия физической культуры” и газету “Красный спорт”» [5, с. 24–25], – указывалось в документе. Норма годовой подписки устанавливалась следующая: физкультурный кружок и уездный Совет – по одному экземпляру, губернские советы – по два экземпляра «Известия физической культуры» и по три – «Красного спорта». Несомненно, эти непредвиденные финансовые расходы негативно сказывались на материальном положении спортивных организаций.

Во-вторых, это отсутствие свободы действий и полный контроль со стороны высших инстанций. Например, утверждение состава петрозаводского яхт-клуба проходило в горячих спорах по каждой кандидатуре на нескольких заседаниях Бюро. Первоначально в члены яхт-клуба вошли представители исполкома Петрозаводского городского совета, моряки начсостава Онежской флотилии и спасательной станции. Председателем клуба стал Г.А. Остен-Сакен, профессиональный военный. Однако члены Бюро Союза представитель исполнительного комитета Н.М. Глазков, ответственный секретарь Карельского областного комитета РКСМ Е.А. Черных считали необходимым превращение яхт-клуба в пролетарскую спортивную организацию, отличную от яхт-клубов Запада, «воспитывающих в молодом поколении буржуазную идеологию». Они требовали включения в его состав представителей рабочей молодежи, которые были неплатежеспособны, бедны и не проявляли особой заинтересованности в работе клуба.

В многодневных дискуссиях одни предполагали дальнейший путь развития клуба в соответствии с традициями европейского и российского дореволюционного спортивного общества-клуба, другие настаивали на поддержке неимущих молодых комсомольцев и создания «подлинно пролетарской организации». В республиканской периодической печати появились статьи с призывами: «Яхт-клуб должен быть пролетарской организацией, необходимо участие комсомольцев, не должно быть беспартийных лозунгов» [19, с. 3].

В недолгом противостоянии (март – сентябрь 1923 г.) победу одержали Олонецкий РКСМ и Бюро Союза. Подводя итоги этой борьбы, член Карельской областной комсомольской организации И. Грон в своей заметке в республиканской газете «Карельская коммуна» отметил: «Много пришлось воевать нашей комсомольской организации, чтобы завладеть спортом. Существующие в Петрозаводске спортивные общества “Сокол” и Яхт-клуб ранее состояли в большинстве из непролетарского элемента, бывших баронов, непманов и прочей публики» [7, с. 4]. Яхт-клуб в сентябре 1923 г. вышел из РСКОФК и в дальнейшем был переименован в пролетарскую молодежную общественную организацию «Спартак».

Такая же участь постигла и гимнастические общества «Сокол». В начале 1920-х годов данные спортивные организации имели только положительные отзывы, как со стороны представителей власти, так и простых горожан. Выступления «соколов и соколок»

сопровождали различные торжественные мероприятия. Сокольской гимнастикой занимались взрослые и дети под руководством Б.В. Эргарда. Так, в Вологде члены общества «Сокол» являлись активными участниками спортивной жизни в столице Вологодской губернии. Они устраивали гимнастические вечера с показом уроков сокольской гимнастики. Мужчины демонстрировали вольные упражнения на турнике и параллельных брусьях, женщины – комбинации с булавами и лентами. Спортивные вечера оканчивались общими гимнастическими пирамидами. Корреспондент газеты «Красный Север» в январе 1923 г. отметил, что программа гимнастического вечера «была продумана великолепно и выполнена безупречно. Урок сокольской гимнастики показал..., что работа в гимнастическом обществе “Сокол” ведется продуманно, научно по строго разработанному плану и программе не кустарным способом и что руководителю общества без риска можно поручить физическое воспитание молодежи» [21, с. 3].

Тем не менее, полное подчинение «Сокола» губернским бюро РСКОФК, лишение их самостоятельности послужили несогласованности во взглядах на деятельность этих спортивных организаций. В газете «Красная Карелия» публиковались критические статьи с негативной оценкой деятельности петрозаводского «Сокола». «В плохом состоянии находится спортивное общество. Занятия по легкой атлетике не ведутся. Нет половины снарядов, точного учета членов, состязаний, плохо сделаны гимнастические номера, “Сокол” подтянись!» [16, с. 3] – писал неизвестный корреспондент газеты в 1923 г. В итоге «Сокол» был распущен, а его руководитель Б.В. Эргард уехал из Петрозаводска и в дальнейшем работал на спортивной работе в Закавказье, Узбекистане, Ленинграде. По этим же причинам в 1924 г. закрылись спортивные кружки в Повенце и в Вытегре и прекратилась деятельность вологодского «Сокола».

В 1922–1923 гг. в Петрограде и на Европейском севере СССР появились спортивные общественные организации «Спартак». Членами которых являлись комсомольцы и несоюзная молодежь, старшекласники общеобразовательных школ. «Спартак» поддерживали партийные, советские власти и профсоюзы. Как правило, спартаковцы официально не входили в РСКОФК, работая автономно, создавали спортивные кружки для сельской молодежи, проводили состязания. Эти спортивные общественные организации действовали на территории Олонецкой, Архангельской, Вологодской и Череповецкой губерний. Например, в Череповце, Белозерске, Ковже, Шольске при «Спартаке» работали спортивно-гимнастический, футбольный и шахматный кружки. В Архангельске в 1923 г. в Соломбале (пригород Архангельска) были организованы две команды «Спартак» по хоккею с мячом. Хоккеисты занимались в «зимнем центре Соломбальского района» – ледовом катке, обустроенном комсомольской организацией «Спартак» [4, с. 7].

В зимний сезон 1923/1924 гг. в Архангельске впервые провели первенство города. В нем участвовало четыре мужские и две женские команды, которые были разделены на две группы: I класс и II класс. Победителем стала комсомольская организация

«Спартак» [2, с. 20]. В первенстве 1925 г. приняли участие 10 мужских и две женские команды. Первый матч команда судоремонтного завода «Красная кузница» проиграла «Спартаку» со счетом 0:24. «Оркестр спартаковцев, – сообщила газета «Волна», – сыграл по этому поводу после матча музыкальную композицию “Понапрасну, Ванька, ходишь”, но заводские спортсмены, не обращая внимания на злопыхателей и их нападки, решили сохранить команду» [1, с. 68]. Чемпионами города по хоккею с мячом среди мужских и женских команд стал «Северный водник», созданный при клубе водников им. М.В. Фрунзе.

При Олонецком республиканском РКСМ в Петрозаводске было создано бюро общественной молодежной организации «Спартак» в 1923 г. Затем отделения «Спартака» открылись в Олонце, в Кондопоге, Пудожье и Кеми. Всего 11 спортивных кружков, в них занималось 650 человек. О деятельности этой организации губернская периодическая печать постоянно информировала своих читателей: «Спартак» устроил на Онежском озере каток, который был открыт 20 января в 1924 г.; «Спартак» организовал лыжную секцию, в которую записалось 80 человек [8, с. 4; 9, с. 3]; в помещении театра «Триумф» «Спартак» организовал показательные выступления юных гимнастов с вольными упражнениями, номеров тяжелой атлетики, французской борьбы, английского бокса с участием «негра Джема Пирса» [6, с. 4]; «Спартак» устраивает массовую прогулку лыжников за город [18, с. 4].

В Петрозаводске в обществе было зарегистрировано 80 спартаковцев. Зимой 1924 г. они организовали лыжную и конькобежную секции для молодежи, на льду Онежского озера обустроили каток, проводили лыжные вылазки на природу. Летом – создали футбольную команду «Спартак», которая являлась чемпионом города.

В Олонце на базе «Спартака» были созданы футбольная команда и несколько баскетбольных женских команд, которые занимались физкультурой в здании протестантской церкви. На Кондострое в молодежной организации «Спартак» занималось 40 человек. В Петрозаводске и в Олонце спортивные ячейки действовали не только среди рабочей молодежи, но и среди школьников. Судя по отчету директора петрозаводской школы № 1 за 1923/1924 учебный год, юные спартаковцы во внеурочное время занимались спортивными играми и конькобежным спортом [14, с. 84]. В Олонце силами спартаковцев – учеников старших классов была обустроена спортивная площадка, на которую Олонецкий уездный исполком и городское потребительское общество отпустили по 25 руб. каждый [20, с. 4].

Судя по отчету председателя Кемского уездного совета физкультуры И. Медникова, в 1924 г. в районе отделения «Спартака» были открыты на лесозаводах в Сороке, Кеми, Лоухи, Керети, Ковде, Острове революции, а также на железнодорожных станциях [15, с. 11]. Спартаковцы проводили массовые праздники, организовывали показательные выступления во время праздничных мероприятий, обустроили спортивные площадки. Кемские ячейки «Спартака» принимали активное участие в спортивных соревнованиях по легкой атлетике, футболу и баскетболу, проводимых Кемским уездным Советом физической культуры.

Следует отметить, что кемским «Спартаком» в 1924 г. был проведен первый лыжный многодневный пробег по маршруту Кемь – Сорока – Сумский посад – Повенец – Петрозаводск. В Пудуже в спортивных секциях «Спартака» занималось 120 человек [9, с. 3].

Примечательно, что общественные пролетарские организации «Спартак» находились под особым вниманием РКП(б). Председатель правления Мурманской железной дороги А.М. Арнольдов на открытии навигации яхт-клуба «Спартак» в Петрозаводске в мае 1924 г. отмечал: «Юные спартаковцы в СССР обгонят буржуазный спорт Запада и создадут в своем теле здоровый пролетарский дух» [17, с. 3]. Тем не менее, спартаковские спортивные кружки работали нерегулярно, соревнования проводились от случая к случаю. «Плохи его дела с развитием спорта. Стал прибегать к принудительным мерам. Заставляют молодежь ходить на секции. Если не занимаешься в секции, значит играть в футбол не будешь...» [22, с. 4] – отмечал неизвестный автор заметки в газете «Красная Карелия», характеризуя спортивную неудовлетворительную работу «Спартака» в 1925 г. В конечном итоге эта общественная спортивная организация была расформирована. В течение 1925–1926 гг. произошел роспуск всех региональных бюро «Спартака» и передача руководства по спортивной работе республиканскому и уездным Советам физической культуры.

Таким образом, окончание Гражданской войны предопределило дальнейшую судьбу Всеобуча. После его роспуска деятельность по формированию воинских частей и военно-физического обучения допризывников уходила в прошлое. Перед страной стояли новые задачи по постепенному переходу на мирные рельсы и по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Отсутствие государственного финансирования в сфере физической культуры и спорта в 1922–1925 гг. обусловило намерение властей по созданию спортивных общественных организаций. Появившиеся в эти годы самостоятельные общества «Сокол», «Спартак», Яхт-клуб под руководством РСКОФК занимались активной деятельностью по вовлечению жителей городов и сельской местности к занятиям физической культурой и спортом, проводили спортивные соревнования, организовывали физкультурные праздники. К 1925 г. все спортивные общественные организации были закрыты. Руководство физической культурой и спортом после упразднения РСКОФК было передано Всесоюзному Совету физической культуры при ЦИК СНК, а на местах создава-

лись губернские и уездные Советы физической культуры, находившиеся в подчинении губернских и уездных исполнительных комитетов.

Литература

1. Антуфьев, В. Ф. Под стягом «Водника»: летопись хоккейного клуба: посвящается всем игрокам команды... / В. В. Антуфьев. – Архангельск : Наш Север, 2004. – 466 с.
2. Архангельск // Известия физической культуры. – 1924. – № 7. – С. 20.
3. В Яхт-клубе // Красная Карелия. – 1923. – 6 июня. – С. 4.
4. Вельский, Н. Архангельск / Н. Вельский // Красный спорт. – 1925. – № 13. – С. 7.
5. Всем Советам физической культуры // Известия физической культуры. – 1924. – № 21. – С. 24–25.
6. Грек, И. Спортивный вечер. Члены «Спартака» против негра Джемса / И. Грек // Красная Карелия. – 1924. – 13 января. – С. 4.
7. Грон, И. Просмотр состава «Спартака» / И. Грон // Красная Карелия. – 1924. – 3 июля. – С. 4.
8. Зорин, В. В воскресенье открывается каток «Спартак» / В. Зорин // Красная Карелия. – 1924. – 18 января. – С. 4.
9. Лыжный пробег Кемь-Петрозаводск // Красная Карелия. – 1925. – 25 марта. – С. 3.
10. На лыжи // Красная Карелия. – 1924. – 19 января. – С. 3.
11. Национальный архив Республики Карелии (НА РК). Ф. Р-574. Оп. 1. Д. 13/104.
12. НА РК. Ф. Р-574. Оп. 1. Д. 13/99.
13. НА РК. Ф. Р-574. Оп. 1. Д. 14/110.
14. НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 1/9.
15. НА РК. Ф. Р-852. Оп. 1. Д. 1/ 2.
16. Не «Сокол», а ворона // Красная Карелия. – 1923. – 12 июля. – С. 3.
17. Открытие навигации яхт-клуба «Спартак» // Красная Карелия. – 1924. – 15 июня. – С. 3.
18. Прогулка на лыжах за город // Красная Карелия. – 1925. – 1 марта. – С. 4.
19. Редакция. Яхт-клуб должен быть пролетарской организацией // Красная Карелия. – 1923. – 10 июля. – С. 3.
20. «Спартак» в Олонце // Красная Карелия. – 1925. – 29 апреля. – С. 4.
21. Спорт // Красный Север. – 1923. – 3 января. – С. 3.
22. Спорт из-под палки не разовьется // Красная Карелия. – 1925. – 13 мая. – С. 4.
23. Спортсмен. Открытие Яхт-клуба // Красная Карелия. – 1923. – 3 марта. – С. 4.
24. Столбов, В. В. История физической культуры и спорта / В. В. Столбов, Л. А. Финогенова, Н. Ю. Мельникова. – Москва : Физкультура и спорт, 2001. – 423 с.
25. Тезисы для доклада Союза красных организаций физической культуры. Котельнич. – 1923. – 2 с.

E.A. Kalinina

PUBLIC SPORTS ORGANISATIONS ACTIVITY IN THE EUROPEAN NORTH OF THE USSR (1922–1925)

The 1920s are a unique stage in the development of physical culture and sports in the Soviet Union. Sports public organisations appeared all over the country in this period. They actively involved city residents and villagers in physical education, organising sports events and competitions. Based on the archival documents and periodical press materials, the author examines the problems of establishing such organisations in the USSR European North under the auspices of the Russian Union of Red Organizations of Physical Culture (RSKOFK) in 1922–1925. The lack of funding, specialists in the field of physical culture and sports, and control by central authorities determined the short period of their existence.

Physical culture, sports, public organizations, Russian Union of Red Organizations of Physical Culture.

П.П. Котов

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН*

УДЕЛЬНЫЕ СЕЛЕНИЯ И КРЕСТЬЯНЕ ЮГО-ЗАПАДНЫХ УЕЗДОВ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Особенностью проведенного исследования и его целью является анализ наиболее важных демографических изменений, которые наблюдались в удельной деревне трех южных уездов Вологодской губернии. Статья подготовлена на основе архивных источников, ранее не вводимых в научный оборот. Впервые в отечественной историографии отображен процесс формирования территории проживания удельных крестьян на изучаемой территории трех уездов, динамика их численности, структура управления и людность удельных поселений. Отмечается, что удельные владения формировались здесь в течение первой четверти XIX века, что привело к изменению структуры низового управления. В результате, по сравнению с другими уездами Европейского Севера, численность удельных крестьян и количество удельных поселений увеличились значительно более быстрыми темпами. Выявлено, что источники позволяют провести анализ по сопоставимым группам селений. В этом случае ряд демографических показателей оказывается приближенным к их уровню в целом по Вологодской губернии, в частности, в отношении величины людности сел и деревень.

Удельные крестьяне, динамика числа душ, удельные селения, людность деревень, удельные волости, Турндавское отделение, Вологодская губерния.

В дореформенный период крестьянское сословие России дробилось на несколько категорий, среди которых в течение нескольких веков бытовали и дворцовые крестьяне. В 1797 г. дворцовая собственность претерпела существенные изменения, а крестьяне получили статус удельных поселян [2]. Их история была затронута в единичных трудах до 1917 г. [6] и в некоторых региональных работах советских исследователей [3; 9; 16]. С 1990-х годов, главным образом с начала нашего столетия, изучение уделов получило определенный толчок [5; 15], в том числе и по Европейскому Северу России [10; 11; 13]. При этом слабо изученными остаются демографические проблемы, которые затрагивались в контексте анализа других вопросов или иногда в целом по крупным региональным удельным подразделениям [14], тогда как по уездным данным, например, не исследовались.

После образования в 1797 г. удельного ведомства в регионах страны были сформированы 9 удельных экспедиций, в состав которых включались бывшие дворцовые крестьяне нескольких губерний [1; 2]. Например, на Европейском Севере удельная собственность и крестьяне Архангельской и Вологодской губерний оказались отнесены к Архангельской удельной экспедиции. В 1808 г. удельные экспедиции реформировали в 34 удельные конторы (имения). Им подчинили удельных крестьян, проживающих в границах конкретных губерний [17]. Позже некоторые из этих региональных подразделений изменялись. Так, в конце 1858 г. в рамках Архангельской и Вологодской удельных контор законодатель учредил Вельскую контору (имение) [4].

Удельные экспедиции, а затем и удельные имения разделялись на приказы, в которых должно было насчитываться ровно 3 тыс. ревизских душ мужского пола (далее – д. м. п.). После 1808 г. правила в отношении числа душ в приказах переформулировали – отныне в них должно было насчитываться от 3 и более д. м. п. В случаях, когда на определенной территории невозможно было объединить крестьян исходя из введенных норм, создавалось удельное отделение. При этом приказы и отделения по своему статусу и функциям фактически не отличались, за исключением уровня денежного содержания возглавлявших их старост (голов). Указанные низовые структуры функционировали на основе крестьянского самоуправления и по сути представляли из себя крупные общинные объединения – общины-волости. До 1808 г. в деятельность приказов и отделений удел вмешивался минимально, и в основном по вопросам исполнения податей и повинностей. Затем удельные чиновники расширили свое вмешательство при избрании приказных голов и усилили контроль в их деятельности по многим направлениям.

Каждый удельный приказ или отделение состояли из нескольких волостей (далее – вол.), в которых насчитывалось несколько деревень, иногда несколько десятков селений. Волости играли очень важную роль в жизни северных крестьян и функционировали на основе крестьянского самоуправления, представляли собой низовые сельские общины. В них, например, распределялись пахотные угодья, регулировались выплаты некоторых видов податного обложения и другие вопросы повседневного бытования сельского населения.

Основная часть волостей сложилась, вероятно, еще до их включения в дворцовую собственность, но некоторые стали сформироваться под влиянием удельного чиновничества. Достаточно отчетливо это наблюдалось в удельных владениях в трех южных уездах – в Кадниковском, Вологодском и Грязовецком уездах Вологодской губернии.

После создания удельного ведомства в 1797 г. в границах Вологодской губернии был создан в том числе Шелотский приказ, в котором было учтено 133 удельных поселения и 2984 ревизских д. м. п. Основная их часть, 83,5 % удельных селений и 78,0 % д. м. п., относилась к Вельскому уезду. Среди оставшихся в Кадниковском уезде насчитывалось 348 д. м. п., учтенных по V ревизии. Их селения располагались в северной и центральной части уезда на всем протяжении с запада на восток, что наглядно отображено на карте. В Кадниковском уезде чиновниками была создана, как оказалось, на короткое время, Спасская вол., к которой «отписали» одно село и семь удельных деревень [18–20; 22–24].

Карта. Удельные волости и селения в южных уездах Вологодской губернии в 1808–1863 годах (Автор: П.П. Котов)

Материалы карты показывают, что в Вологодском уезде удельные поселения локализовались на его северо-востоке – вблизи южной оконечности Кубенского озера. К 1797 г. на этой территории существовала Кубенская вол. (62 ревизских д. м. п.) в составе пять деревень: Дьяконово, Кокошкино, Косково, Муздринно, Подсосенное. Но основная доля удельных поселенцев в Вологодском уезде проживала вблизи губернского города «в разных селах и деревнях» (246 ревизских д. м. п.). Они обитали в селах Турундаево и Кобылино, в деревнях Дьяконово, Тепенькино, Хорхорино, Фрязиново. Кроме того, были учтены несколько удельных поселенцев, проживающих в селе Спасском, но не прикрепленных к нему и в начале XIX в. вернувшихся в свои деревни. Наряду с ними еще три ревизских д. м. п. проживали в двух деревнях (Желудкино и Погарь) в имении помещика Соколова. Всего в уез-

де фиксировалось «в одной волости и вне волостей» 14 удельных селений, в которых проживало 308 ревизских душ удельных крестьян [18–20; 22–24].

В Грязовецком уезде изначально удельные крестьяне (20 д. м. п.) жительствоваали в двух селениях, на северо-западе уезда на пограничье с Вологодским уездом (см. карту). При этом по V ревизии в селе (далее – с.) Никольском было учтено 14 д. м. п. удельных поселенцев, 15 д. м. п. крестьян коллежского асессора Алябьева и 1 д. м. п. «подпоручицы» Кисельбансовой; в деревне (далее – д.) Погодаево – 6 д. м. п. удельных поселенцев, 4 д. м. п. экономических крестьян и 5 д. м. п. крепостных «подпоручицы» Матавкиной [21].

По закону удельное ведомство получило право стяжать «вотчины и крестьян» у частных лиц. Используя это право, в марте 1804 г. удел окончательно оформил покупку родовой вотчины князей Шаховских, которая размещалась в Сольвычегодском уезде [13; 25]. Через короткое время было куплено имение помещиков Соколовых. Это имение в накануне образования уделов, в начале 1797 года, Павел I «пожаловал надворному советнику Павлу Соколову из дворцовых земель... сто душ» в четырех деревнях, примыкавших к границам губернского города Вологды. Однако вскоре помещик умер, вдова не смогла им распоряжаться, и земли с крестьянами, не успев окончательно отмежеваться в отдельное владение, перешли в собственность удела [13; 27].

После покупок помещичьих владений в 1804 г. в структуре удельного управления в Вологодской губернии последовали некоторые изменения. В частности, в Вологодском уезде была оформлена Турундаевская вол. на территории обозначаемой ранее «в разных селах и деревнях» (2 села и 4 деревни), за исключением с. Спасского, где удельные крестьяне перестали фиксироваться. Кубенскую вол. пополнили четыре деревни: Баранково, Доронинская (Доронино), Желудкино и Погарь [27, л. 48], а также в волости числилось 9 удельных селений [29; 30].

В Кадниковском уезде Спасская вол. была поделена на Верхораменскую (4 деревни) и Сямженскую вол. (1 село и 3 деревни). В Грязовецком уезде пока все оставалось без изменений. Всего в южных уездах Вологодской губернии числилось 25 удельных селений, и они по-прежнему включались в Шелотский приказ (Там же).

Существенные изменения в отношении удельных селений Вологодской губернии наступили после реализации норм упомянутого именного указа 1808 г. [17]. Наряду с созданием самостоятельного Вологодского удельного имения была реформирована система удельных приказов. Некоторые из них оказались ликвидированы, другие изменили границы, были созданы и новые приказные подразделения. В том числе на территории трех южных уездов было оформлено Турундаевское отделение с центром в сельце Кобылино, переименованном в село. Во вновь созданное удельное отделение в Вологодском уезде были включены Кубенская (5 деревень) и Турундаевская вол. (2 села и 8 деревень). При этом из Кубенской в Турундаевскую вол. оказались переведены 4 деревни бывшего имения помещика Соколова. Обратим внимание, что почти все поселения Турундаевской вол.

располагались в непосредственной близости от границ Вологды и в настоящее время стали частью города или представляют его окраины. В этой связи они и не отражены на представленной карте. Остальные удельные волости и селения двух южных уездов вошли в состав Турундаевского отделения без изменений [30]. Создание Турундаевского отделения и новых волостей в южных уездах Вологодской губернии по-прежнему ограничивалось 25 удельными поселениями.

Дальнейшие крупные изменения в удельной деревне южных вологодских уездов произошли между VII и VIII ревизиями. Основным событием стало приобретение уделом вотчины князей Щербатовых по распоряжению Александра I от 21 апреля (1 мая) 1824 г. По VII ревизии в вотчине фиксировалось 534 д. м. п. и ее владения были распределены по территории двух южных уездов губернии (см. карту). Одна часть владений князей Щербатовых располагалась на юге Кадниковского уезда, где оформилась Наремская волость (127 д. м. п.) в составе пяти деревень: Дикое, Верхняя сторона, Нижняя Сторона, Починок Березов и Починок Татауров. Другая часть вотчины Щербатовых локализовалась на севере Грязовецкого уезда, где насчитывалось 15 селений (363 д. м. п.): Антропово, Блещево, Демкино, Дьяконово, Закобякино, Ивановская, Клыгино, Костино, Крутец, Макарово, Марково, Поповская, СтеблOVO, Черногубово и Яковлево. Эти деревни были включены в образованную Комельскую волость. При этом в д. Антропово, Марково и СтеблOVO продолжали проживать крепостные других помещиков или казенные крестьяне. Третья часть поместья Шаховских составила Обнорскую волость, которая в южной части Грязовецкого уезда охватывала 3 деревни (44 д. м. п.): Варакино, Трусово и Маринцыно, но в двух первых из перечисленных наряду с удельными поселенцами обитали помещичьи и государственные крестьяне [13; 31] (см. карту).

Отметим, что в Комельской вол. всего насчитывалось 18 селений, т. к. кроме 15 селений вотчины Щербатовых в нее включили с. Никольское, д. Погодаево и вновь созданную д. Неверовскую. В Верхораменской вол. Кадниковского уезда количество удельных селений также возросло за счет вновь основанной д. Сидорово, которая до IX ревизии, в силу ее малочисленности (2 д. м. п.) не упоминалась [26]. Наряду с этим к Сямженской вол. того же Кадниковского уезда были отнесены деревни Горка Яловица, Ивановская и Федяхиха, в которых проживали казенные крестьяне, но удельные поселенцы стали составлять подавляющее большинство [28; 32; 33] (см. карту). В ходе всех упомянутых изменений количество удельных селений в трех южных уездах Вологодской губернии к началу VIII ревизии достигло 53 поселений или, относительно V ревизии, умножилось в 2 с лишним раза (см. таблицу 1).

В 1850 г. была изменена граница между Вельским и Кадниковским уездами [12]. Это привело к сокращению доли удельных крестьян в структуре населения Кадниковского уезда и отныне удельные поселения характеризовались средним расположением в уезде (см. карту). Некоторое влияние на удельную деревню трех южных уездов Вологодской губернии оказала политика попечительства удела [8]. В частно-

сти, одним из результатов ее стало создание в 1840 – начале 1860-х гг. так называемых образцовых усадеб. Три таких усадьбы были открыты и в Турундаевском удельном отделении. Ко времени проведения X ревизии одна из них – Турундаевская образцовая усадьба – стала самостоятельным сельцом под названием Учебная ферма. Таким образом, к началу отмены крепостного права в удельной деревне России в трех южных уездах Вологодской губернии удельные поселенцы оказались объединены в рамках Турундаевского отделения. В структуру отделения включались: в Кадниковском уезде – Верхораменская, Сямженская и Наремская вол.; в Вологодском уезде – Кубенская и Турундаевская вол. и в Грязовецком уезде – Комельская и Обнорская вол. Крестьяне обжили 54 удельных селения: 4 села, 2 сельца и 48 деревень, из которых в одном селе и 9 деревнях наряду с удельными проживали государственные поселенцы и помещичьи крепостные [36; 37] (см. таблицу 1). Сложившаяся в 1809 г. волостная структура Турундаевского отделения и ее расширение после 1824 г. наглядно отображена на прилагаемой карте.

Прежде чем обратиться к материалам таблиц 1–3, особо подчеркнем, что, во-первых, во всех расчетах учитывались только сведения об удельных крестьянах, в том числе по селениям, в которых удельные поселенцы проживали совместно с государственными и помещичьими крестьянами. Во-вторых, данные по селениям Никольское, Погодаево и Неверовская исключены из всех расчетов по бывшим владениям князей Щербатовых и включены в расчеты по Турундаевскому отделению и удельной деревне в целом по Вологодской губернии. В-третьих, выявленные сведения позволяют нам оперировать данными по V ревизии с учетом структурных изменений, которые, напомним, наступили с 1809 г. Поэтому в расчеты по всем ревизиям, включая и по V ревизии, приняты показатели по имени помещика Соколова. В-четвертых, по ревизиям наиболее точно учитывались мужчины, потому что данные о них являлись основой для определения податного обложения, уровня выполняемых натуральных повинностей, а на общинном уровне – для распределения пашенных угодий по дворам и для других жизненных надобностей. Численность женщин стали учитывать лишь с V ревизии, правда с элементами небрежности, с допущением неточностей. Поэтому при расчетах показателей отдается предпочтение для анализа данных о ревизских д. м. п. В отдельных случаях анализируются и сведения о ревизских душах женского пола (далее – д. ж. п.).

Материалы таблицы 1 показывают, что численность поселенцев в Турундаевском отделении с V по X ревизию достаточно стабильно увеличивалась, за исключением незначительного уменьшения показателей по д. м. п. и душам обоюбого пола (далее – д. об. п.) между VI и VII ревизиями. В нашей исторической науке господствует мнение о неточности данных о душах по VII ревизии. На наш взгляд, незначительное снижение д. м. п. вполне было объяснимо событиями Отечественной войны и связанными с ней последствиями.

В Турундаевском удельном отделении численность мужчин уступала по всем ревизиям числу жен-

щин, что было характерно и в целом для страны, и остается характерным для современного положения. Между ревизиями прирост д. ж. п. составлял от 1,5 (между VI и VII ревизиями) до 68,9 % (между VII и VIII ревизиями). При этом с VII по VIII ревизии численность д. м. п. относительно д. ж. п. достигла большего уровня и составила 88,5 %. В большинстве случаев прирост д. м. п. между ревизиями был ниже, чем женщин. В Турундаевском отделении значительная прибыль душ между VII и VIII ревизиями была связана не с естественным приростом, а с одномоментным их увеличением по случаю приобретения уделом вотчины князей Щербатовых в 1824 г. Это событие определило и высокий среднегодовой процент увеличения душ. Естественно, динамика указанного показателя по мужчинам и женщинам повторяла динамику их прироста по ревизиям. За весь период с V по X ревизию в Турундаевском отделении прибыль составила 1126 д. м. п. или 146,4 % и 1354 д. ж. п. или 163,5 %, среднегодовая – 2,32 и 2,60 % соответственно (см. таблицу 1).

Средняя людность селений в Турундаевском отделении увеличилась с 30,8 д. м. п. и 33,1 д. ж. п. по V ревизии до 33,6 мужчин и 40,9 женщин по VII ревизии. Затем она снижается и по VIII ревизии достигла уровня 29,9 д. м. п. и 32,6 д. ж. п. По сведениям IX ревизии средняя людность удельных селений в отделении составила 34,9 мужчин и 39,2 женщин, т. е. восстановилась на уровне VII ревизии. По X ревизии она немного возросла, до 35,1 д. м. п. и 40,4 д. ж. п. (см. таблицу 1).

Достаточно заметное снижение средней людности удельных селений между VII и VIII ревизиями являлось следствием приобретения малолюдных, относительно удельных, поселений вотчины князей Щербатовых. Эта причина наглядно иллюстрируется данными таблицы 2, в которой отражены показатели по сопоставимым территориям, т. е. определены показатели по Турундаевскому отделению и по удельной деревне Вологодской губернии без показателей по вотчине князей Щербатовых.

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что прирост мужского населения в деревнях бывшего имения князей Щербатовых между VII и VIII ревизиями составил всего 3,4 %, что было в разы меньше, чем в Турундаевском отделении (22,8 %) и всех удельных крестьян по губернии в целом (18,1 %). В дальнейшем между VIII и X ревизиями нарастание численности жителей

бывшего помещичьего имения возросло до 12,9 %, но по-прежнему оставалось почти в два раза меньше, чем в Турундаевском отделении и в удельной деревне Вологодской губернии. В итоге между VII и X ревизиями число удельных поселян в Турундаевском отделении увеличилось с 841 до 1272 д. м. п. или на 51,2 %, удельных крестьян губернии – с 22 118 до 38 001 д. м. п. или на 45,5 %, тогда как в деревнях бывшей вотчины князей Щербатовых – с 534 до 623 д. м. п. или всего на 16,7 %.

Понятно, что и людность селений бывшего имения князей Щербатовых хотя и возросла с 23,2 д. м. п. по VII ревизии до 27,1 душ по X ревизии (на 16,8 %), но оставалась заметно ниже других рассматриваемых территорий. В Турундаевском отделении средняя людность селений увеличилась с 33,6 д. м. п. по VII ревизии до 41,0 души по X ревизии или на 22,0 %. Средняя людность удельных поселений в целом по Вологодской губернии оставалась ниже и по рассматриваемым ревизиям ограничивался рамками от 18,6 до 35,4 д. м. п. на одно поселение, но ее прирост составил 90,3 %, т. е. в разы больше по сравнению с Турундаевским удельным отделением и бывшими владениями князей Щербатовых (см. таблицу 2).

В таблице 3 отражена группировка удельных селений в соответствии с уровнем их людности. Из ее данных следует, что по V ревизии в Турундаевском отделении пятая часть селений являлись малолюдными и в них проживало 10 и мене д. м. п., а в Вологодской губернии таких было существенно больше – около 28,8 %. С другой стороны, многолюдные удельные селения (от 41 и более д. м. п.) в последней обнимали всего 8,9 %, тогда как в Турундаевском отделении таких оказалось 24 %.

В дальнейшем отмеченные различия оставались, но заметно сглаживались. Так, по VIII ревизии в Турундаевском отделении количество поселений с 10 и менее д. м. п. абсолютно увеличилось до 8, но их доля сократилась до 15,1 %. Число многолюдных поселений (от 41 и более д. м. п. на одно селение) также возросло – до 9, что составляло 17 % всех селений отделения. В удельной деревне по всей Вологодской губернии доля малолюдных селений сократилась до 20,3 % и доля многолюдных увеличилась до 17,9 %. Отмеченные обще губернские показатели оставались более низкими относительно Турундаевского отделения.

Таблица 1

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ УДЕЛЬНЫХ СЕЛЕНИЙ И КРЕСТЬЯН НА ТЕРРИТОРИИ
ТУРУНДАЕВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
МЕЖДУ V И X РЕВИЗИЯМИ [20; 22; 28–34; 36]**

Показатели	Единицы измерения	Ревизия, год проведения						Между V и X
		V, 1795	VI, 1811	VII, 1815	VIII, 1833	IX, 1850	X, 1858	
Селения	Кол-во	25	25	25	53	53	54	-
Население	Д. м. п.	769	864	841	1 585	1 850	1 895	-
	Д. ж. п.	828	1 007	1 022	1 726	2 077	2 182	-
	Д. об. п.	1 597	1 871	1 863	3 311	3 927	4 077	-
Прирост относительно предыдущей ревизии, число	Д. м. п.	-	95	-23	744	265	45	1 126
	Д. ж. п.	-	179	15	704	351	105	1 354
	Д. об. п.	-	274	-8	1 448	616	150	2 480
Прирост относительно предыдущей ревизии, %	Д. м. п.	-	12,4	-2,6	88,5	16,7	2,4	146,4
	Д. ж. п.	-	21,6	1,5	68,9	20,3	5,1	163,5
	Д. об. п.	-	17,2	-0,4	77,7	18,6	3,8	155,3

Показатели	Единицы измерения	Ревизия, год проведения						Между V и X
		V, 1795	VI, 1811	VII, 1815	VIII, 1833	IX, 1850	X, 1858	
Среднегодовой прирост относительно предыдущей ревизии, %	Д. м. п.	-	0,77	-0,67	4,91	0,98	0,30	2,32
	Д. ж. п.	-	1,35	0,37	3,83	1,20	0,63	2,60
	Д. об. п.	-	1,07	-0,11	4,32	1,09	0,48	2,46
Средняя людность селений	Д. м. п.	30,8	34,6	33,6	29,9	34,9	35,1	-
	Д. ж. п.	33,1	40,3	40,9	32,6	39,2	40,4	-
	Д. об. п.	63,9	74,8	74,5	62,5	74,1	75,5	-

Примечание: По VIII–X ревизиям в Турундаевском отделении и Вологодской губернии учтены данные по имению князей Щербатовых.

Таблица 2

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ДУШ МУЖСКОГО ПОЛА УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН И СРЕДНЕЙ ЛЮДНОСТИ УДЕЛЬНЫХ СЕЛЕНИЙ В ВОЛОГДСКОЙ ГУБЕРНИИ МЕЖДУ VII И X РЕВИЗИЯМИ [7; 28; 30–36]

Территория	Показатели по ревизиям, душ м. п.			Прирост душ м. п., в %		
				между VII и VIII ревизиями	между VIII и X ревизиями	между VII и X ревизиями
	VII	VIII	X			
Удельные крестьяне						
Имение кн. Щербатова	534	552	623	3,4	12,9	16,7
Турундаевское отделение	841	1 033	1 272	22,8	23,1	51,2
Всего по Вологодской губернии	22 118	30 857	38 001	18,1	23,2	45,5
Средняя людность удельных поселений						
Имение кн. Щербатова	23,2	24,0	27,1	3,4	12,9	16,8
Турундаевское отделение	33,6	34,4	41,0	2,4	19,2	22,0
Всего по Вологодской губернии	18,6	26,0	35,4	39,8	36,2	90,3

Примечание: В Турундаевском отделении и Вологодской губернии исключены данные по имению князей Щербатовых.

Таблица 3

ЛЮДНОСТЬ УДЕЛЬНЫХ СЕЛЕНИЙ (ДУШ МУЖСКОГО ПОЛА) В ВОЛОГДСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО V И VIII РЕВИЗИИ И В 1859 Г. [20; 22; 30; 31; 37]

Территория ¹	Количество селений									
	в них душ м. п.					в % от всех селений				
	10 и менее	11-20	21-30	31-40	41 и более	10 и менее	11-20	21-30	31-40	41 и более
по V ревизии										
Турундаевское отделение	5	6	5	3	6	20,0	24,0	20,0	12,0	24,0
Итого по Вологодской губ.	345	360	245	139	107	28,8	30,1	20,5	11,6	8,9
по VIII ревизии										
Турундаевское отделение	8	14	11	11	9	15,1	26,4	20,8	20,8	17,0
Итого по Вологодской губ.	246	326	256	166	216	20,3	26,9	21,2	13,7	17,9
на сопоставимой территории по VIII ревизии ²										
Имение Щербатова	4	6	5	5	3	17,4	26,1	21,7	21,7	13,0
Турундаевское отделение	4	8	6	6	6	13,3	26,6	20,0	20,0	20,0
Итого по Вологодской губ.	242	320	251	161	213	20,4	27,0	21,1	13,6	17,9
наличных мужчин по «Списку населенных мест 1859 г.»										
Турундаевское отделение	3	13	10	7	21	5,6	24,1	18,5	13,0	38,9
Итого по Вологодской губ.	115	231	207	181	360	10,5	21,1	18,9	16,5	32,9
на сопоставимой территории по «Списку населенных мест 1859 г.» ²										
Имение Щербатова	1	6	5	2	9	4,3	26,1	21,7	8,7	39,1
Турундаевское отделение	2	7	5	5	12	6,5	22,6	16,1	16,1	38,7
Итого по Вологодской губ.	114	225	202	179	351	10,6	21,0	18,9	16,7	32,8

Примечания: 1. Турундаевское отделение в границах после 1808 г.; 2. В разделах «На сопоставимой территории» в Турундаевском отделении и Вологодской губернии исключены данные по имению князей Щербатовых.

Ситуация выглядит несколько по-иному при сравнении показателей по сопоставимым относительно V ревизии территориям. С учетом этого по VIII ревизии в Турундаевском отделении доля малолюдных деревень составляла 13,3 %, доля многолюдных – около пятой части от всех селений по отделению. В бывшем имении князей Щербатовых на малолюдные деревни приходилось значительно больше селений – до 17,4 %, тогда как на многолюдные и вовсе 13,0 % (см. таблицу 3).

Пусть и не радикально, но положение изменилось при учете людности удельных селений по «Списку населенных мест», в котором были учтены в том числе и наличные д. м. п. на 1859 г. [37]. Материалы таблицы 3 свидетельствуют, что на сопоставимой относительно V ревизии территории Турундаевского отделения малолюдные удельные селения составляли 6,5 % от всех селений по отделению, а в по бывшей вотчине князей Щербатовых уже меньше – только 4,3 %. С другой стороны, в вотчине на многолюдные селения приходилось уже 39,1 %, тогда как в Турундаевском отделении – 38,7 %, т. е. немного меньше. Правда, при учете людности от 31 и более наличных д. м. п. показатели по удельному отделению по-прежнему превосходили уровень людности деревень бывшего имения Щербатовых. При этом показатели людности в целом по удельной деревне Вологодской губернии уступали аналогичным показателям по бывшим владениям князей Щербатовых и Турундаевскому отделению. Считаю необходимым отметить, что по всем приведенным в таблице 3 фиксациям основная часть населения обитала в селениях, в которых насчитывалось от 11 до 40 д. м. п. В удельной деревне на долю таких селений приходилось от 56,6 до 62,2 %, в Турундаевском отделении – от 54,8 до 66,6 % и по бывшим владениям князей Щербатовых – 56,5 до 69,5 %.

В течение времени в трех южных уездах Вологодской губернии наблюдалась некоторая корректировка доли удельных поселен относительно всего населения уездов. Так, по V ревизии в Вологодском уезде доля д. м. п. удельных поселен относительно всего податного сельского населения уезда составляла 1,2 %, по VIII ревизии она снизилась до 1,1 % и по X ревизии вернулась к показателю в 1,2 %. В Грязовецком уезде по V ревизии этот показатель был мизерным – всего 0,06 %, а затем стабилизировался на уровне 1,4 %. Иная тенденция проявилась в Кадниковском уезде. В нем по V ревизии указанная доля д. м. п. удельных крестьян составляла примерно сотую часть от всех податных душ сельчан, но в результате покупки имения Щербатовых показатель возвысился до 1,6 %. По X ревизии показатель вновь снизился до 1,3 %, что явилось следствием переноса границ в 1850 г. и увеличением общего числа крестьян за счет перечисления 11 284 д. м. п. помещичьих и государственных крестьян из Вельского в Кадниковский уезд [7, с. 313–335; 12; 24; 30–35] (см. карту). В целом же следует признать, что удельные поселен представляли достаточно незначительную часть жителей трех южных уездов Вологодской губернии.

Таким образом, при создании удельных владений число удельных крестьян в Кадниковском, Вологодском и Грязовецком уездах Вологодской губернии

было незначительным и проживали они в 21 поселении. Территориально многие из удельных селений не были объединены в самостоятельные низовые подразделения. После покупки уделом имения и крестьян помещика Павла Соколова начался процесс оформления сельских так называемых волостных групп поселений. После изменения структуры удельного управления в 1808 г. оформилось уже и объединение южных волостей в рамках созданного Турундаевского удельного отделения. Затем состав последнего расширился за счет трех волостей, созданных после покупки 23 селений вотчины князей Щербатовых в 1824 г. С момента оформления категории удельных крестьян в 1797 г. и до отмены крепостного права в удельной деревне России в 1863 г. за счет приобретения помещичьих владений в трех южных уездах Вологодской губернии количество селений увеличилось на 27, а проживающих в них поселен в 2,5 раза. При этом на указанной территории за рассматриваемое время было создано не более шести новых удельных деревень.

За счет вновь приобретенных деревень изменялись и некоторые демографические характеристики удельных владений в трех южных уездах Вологодской губернии. Например, людность удельных деревень до 1824 г. была более значительной относительно людности удельных поселений в целом по губернии. Однако эти показатели существенно понизились и практически сравнялись с общегубернскими показателями людности после приобретения малонаселенных селений имения князей Щербатовых.

Принятые сокращения

РГИА – Российский государственный исторический архив

ПСЗРИ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 г. Санкт-Петербург, 1830. Т. I–VL

ПСЗРИ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Санкт-Петербург, 1825–1881. Т. I–LV

Д. м. п. – души мужского пола

Д. ж. п. – души женского пола

Вол. – волость

Д. – деревня

С. – село

Источники и литература

1. Апреля 5 [1797 года]. Высочайше утвержденный штат Департамента Уделов // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. I–VL. / под редакцией М. М. Сперанского. – Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. (Далее – ПСЗРИ-1). – Т. XXIV, № 17907. – С. 569.

2. Апреля 5 [1797 года]. Учреждение об Императорской Фамилии // ПСЗРИ-1. – Т. XXIV, № 17906. – С. 525–569.

3. Гриценко, Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья (Очерки) / Н. П. Гриценко. – Грозный, 1959. – 585 с.

4. Декабря 8 [1858 года]. Именной, объявленный Сенату Управляющим Министерством Юстиции. – Об учреждении Вельского удельного имения и Вельской Удельной Конторы // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года. – Т. I–LV. – Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1861. (Далее – ПСЗРИ-2). – Т. XXXIII. Отделение 2, № 33861. – С. 451–452.

5. Дунаева, Н. В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.): историко-правовое исследование / Н. В. Дунаева. – Санкт-Петербург : Библиотека Российской академии наук, 2006. – 282 с.
6. История уделов за столетие их существования. 1797–1897 : в 3 томах. – Санкт-Петербург, 1901–1902. – Т. 1. – 733 с. ; – Т. 2. – 581 с.
7. Колесников, П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века / П. А. Колесников. – Вологда : Северо-западное книжное издательство, 1976. – 416 с.
8. Котов, П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2012. – № 3. – С. 103–107.
9. Котов, П. П. О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 года / П. П. Котов // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. – Воронеж : Воронежский университет, 1988. – С. 54–63.
10. Котов, П. П. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по материалам Европейского Севера / П. П. Котов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 13–22.
11. Котов, П. П. Особенности отходничества удельных крестьян Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. – 2012. – Вып. 3. – С. 149–155.
12. Котов, П. П. Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века / П. П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2019. – № 3 (39). – С. 65–71. – DOI: 10.19110/1994-5655-2019-3-65-71.
13. Котов, П. П. Расширение удельных владений в Вологодской губернии в первой четверти XIX века / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43, № 4. – С. 39–46. – DOI: 10.15393/uchz.art.2021.616.
14. Котов, П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы / П. П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (130). – С. 18–22.
15. Красникова, Ю. Н. Удельные крестьяне Северо-Запада России в конце XVIII – первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений / Ю. Н. Красникова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2014. – 199 с.
16. Половинкин, Н. С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX веков) / Н. С. Половинкин. – Тюмень : ТюмГУ, Творческое объединение «Лад», 1992. – 144 с.
17. Положение Департамента Уделов. – Именной указ, данный Сенату // ПСЗРИ-1. Т. XXX. № 23020. С. 226–258.
18. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 515. Оп. 5. Д. 7. Л. 1 об.–321.
19. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 8. Л. 1 об.–64.
20. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 67. Л. 1 об.–208 об.
21. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 83. Л. 36 об.–37.
22. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 782. Л. 1 об.–197 об.
23. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 838. Л. 83–122 об.
24. РГИА. Ф. 515. Оп. 5. Д. 839. Л. 37 об.–78.
25. РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 10. Л. 183–183 об.
26. РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 2026. Л. 52–52 об.
27. РГИА. Ф. 515. Оп. 7. Д. 37. Л. 1 об.–189 об.
28. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 56. Л. 67–68.
29. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 69. Л. 19–28.
30. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 587. Л. 6–33 об.
31. РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 773. Л. 1–201.
32. РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 832. Л. 1 об.–472.
33. РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 833. Л. 1 об.–778.
34. РГИА. Ф. 515. Оп. 34. Д. 128. Л. 1 об.–54.
35. РГИА. Ф. 515. Оп. 71. Д. 2218. Л. 1 об.–2.
36. РГИА. Ф. 515. Оп. 74. Д. 94. Л. 2–187 об.
37. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. VII. Вологодская губерния. Издан центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург, 1866. – 522 с.

P.P. Kotov

APPANAGE VILLAGES AND PEASANTS IN THE SOUTH-WESTERN UYEZDS OF THE VOLOGDA PROVINCE AT THE END OF THE 18TH – MID-19TH CENTURIES

The study was conducted within the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS

The aim of the research is to analyse the most important demographic changes that happened in the appanage villages of the three southern uyezds of the Vologda province. The study is based on the archival sources that previously have not been introduced into scientific circulation. For the first time in Russian historiography the process of formation of the appanage peasant settlements in the three uyezds, the population and the dynamics of the number of people who lived there, and the management structure are shown. It is noted that the appanage possessions were formed there during the first quarter of the 19th century, which led to a change in the structure of grassroots management. As a result, the number of appanage peasants and settlements significantly increased in comparison with other uyezds of the European North. It is revealed that the sources allow to analyse the comparable groups of villages. A number of demographic indicators, the population size of settlements and villages in particular, turned out to be close to the ones in the Vologda Province as a whole.

Appanage peasants, dynamics of the number of people, appanage villages, village population, appanage volosts, Turundaev Branch, Vologda province.

А.Е. Кудрявцев

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ИНФРАСТРУКТУРЫ Г. ГОРЬКОГО В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1957 ГГ.)

В статье на основе документов, хранящихся в фонде Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), рассмотрен процесс послевоенного восстановления города Горького и состояние городской экономики и инфраструктуры в первые послевоенные годы. В данной статье была поднята проблема определения общих подходов к восстановлению и развитию тыловых городов. В статье сделан обзор состояния городского жилого фонда, инженерных и дорожных сетей и приведен перечень мер, которые предпринимало руководство города для преодоления сложившейся сложной ситуации. Данная статья с изучением и вводом в оборот архивных данных интересна для исследователей, работающих в области географии, экономики, строительства и регионального развития. Полученные в ходе исследования данные могут оказаться полезными для анализа развития других регионов и городов в послевоенный период.

Жилищная проблема, строительство, г. Горький, инфраструктура, послевоенное восстановление, архивные документы.

Академик архитектуры А.В. Иконников отмечал парадокс исследования советской архитектуры: чем ближе мы подходим к сегодняшнему дню, тем меньше знаем об истории советской архитектуры. По моему мнению, данное утверждение также справедливо и для изучения нашей недавней истории развития города. Мы очень быстро принимаем изменения в городской ткани застройки, хотя поначалу они могут нам не нравиться, и только оглядываясь в прошлое, увидев наш город на старых фотоснимках, в кино или газетных репортажах, мы можем остро ощутить произошедшие изменения. Город постоянно меняется, и для проведения анализа планировочных решений г. Горького необходимо понимать, на каком основании они были приняты. Для этого следует обратиться к историческим источникам и изучить, в каком состоянии была инфраструктура города после Великой Отечественной войны. Источниковой базой исследования выступают архивные материалы. Хронологические рамки охватывают период с конца 1920-х (с первой пятилетки) до середины 1950-х гг. Цель работы – сформировать наиболее полную картину развития города Горького после Второй мировой войны. Результаты исследования помогут понять исторически сложившиеся проблемы и определить перспективы развития г. Нижнего Новгорода в настоящее время.

Главной особенностью обозначенного этапа является то, что советскому народу заново пришлось создавать материально-техническую базу строительства, которая была полностью уничтожена во время Великой Отечественной войны. В результате Второй мировой войны и эвакуации промышленности в г. Горький были привезены многие заводы и предприятия, но в то же время сложилась очень тяжелая ситуация с городской инфраструктурой, это привело к необходимости ее быстрого развития и расширения, чтобы удовлетво-

рить потребности новых жителей и расширившихся предприятий.

Хотя в военное время подчеркивалось единство фронта и тыла, а послевоенная риторика прославляла единство общества, от внимания простых граждан не ускользало различие в подходах к восстановлению и развитию городов. Города, пережившие колоссальные разрушения, например, Киев, Минск, Сталинград, восстанавливались в особом порядке, ином, чем тыловые города, испытывающие социальные проблемы перенаселенности, недостатка инфраструктуры и необходимости повышения качества жизни в условиях недостатка материалов и средств. О серьезности и длительности данной проблемы свидетельствует то, что в 1965 г. член партии из Горького Н.С. Насокин в письме Л.И. Брежневу выразил свое разочарование послевоенным развитием своего города. Хотя во время войны г. Горький не был прифронтовым городом, в письме особо подчеркивался вклад города и его жителей в военные действия. Используя риторику равноправия жертв военного времени, Н.С. Насокин задался вопросом, почему его город все еще находится в плохом состоянии, в то время как многие другие решили свои проблемы. «Участвуя в Великой Отечественной войне, я проделал путь по России-матушке и повидал много городов и местечек. После войны я побывал, благодаря работе и отдыху, во многих городах, переживших войну, и мне становится стыдно за родной город». Даже разрушенные и пострадавшие от боевых действий города, которые он видел, имели асфальтированные дороги, благоустроенные парки, хороший общественный транспорт, и их люди жили хорошо. Н.С. Насокин отмечал, что среднедушевая жилая площадь в г. Горьком составляла 5,1 м², из них 460 тыс. м² жилой площади приходилось на ветхое жилье, из них 180 тыс. м² – в аварийных зданиях, а

67 тыс. человек проживало в бараках и подвалах [7, с. 498]. Эти статистические данные были призваны продемонстрировать, что послевоенная реконструкция не принесла жителям г. Горького достаточных для решения проблем результатов.

Действительно, после войны в г. Горьком сложилась очень тяжелая ситуация с городской инфраструктурой. В предвоенные годы шло развитие города невиданными темпами, г. Горький стал одним из крупнейших индустриальных и культурных центров страны. Вместе с промышленным развитием увеличивалось и население города, увеличивая нагрузку на городские сети и требуя большого количества мест для размещения. За предвоенные пятилетки было построено 1 миллион 100 тысяч м² жилья, т.е. в короткий срок был построен почти второй такой же город, каким был Нижний, где в 1913 г. имелось всего 1 миллион 400 тысяч м² жилой площади [2, с. 4]. К сожалению, несмотря на все усилия властей, проблему обеспеченности жильем и социальными объектами в годы первых пятилеток решить не удалось.

Городским властям приходилось решать проблемы имеющимися у них средствами, примером может служить протокол № 31 от 07.09.1946 г., ряд решений которого свидетельствует о принятии экстренных мер для восстановления городского хозяйства. Решением № 1005 от 07 сентября 1946 г. директорам ряда Горьковских заводов («Красное Сормово» т. Рубинчику, «им. Сталина» т. Еяну, «им. Орджоникидзе» т. Агаджанову и др.) в соответствии с распоряжением Совета министров СССР от 17 августа 1946 г. было поручено: отремонтировать силами и средствами предприятий трамвайные вагоны, изготовить запасные части, инструмент и материалы, направить для работы в городском трамвае квалифицированных рабочих, выполнить силами и средствами предприятий работы по достройке и оборудованию трамвайного вагоноремонтного завода [3, с. 5].

Как следует из принимаемых решений, ситуация с состоянием зданий и инженерных коммуникаций складывалась тяжелая, в подтверждение этому хотел бы привести решение № 1014 от 07 сентября 1946 г. «О ходе ремонта жилого дома № 7 по ул. Перовской в Ленинском районе, находящееся в ведении фабрики им. 1 Мая». Директору фабрики указывалось на недопустимое отношение к жилому фонду фабрики в части его сохранения и правил эксплуатации. Отмечалось, что дом в течение долгих лет не ремонтировался, в результате крыша, чердачные перекрытия, печи, плиты, наружные стены и перегородки имеют большой процент износа (Там же, с. 10).

Решение № 1042 обязывало ряд организаций и предприятий города произвести в 1947 г. оштукатуривание и архитектурное оформление фасадов принадлежащих им зданий по проектам, согласованным с главным архитектором города [3, с. 25]. Под жилье передавались любые доступные площади. Решением № 1020 под общежитие для рабочих Горремстройтреста передавался пустующий барак инфекционной больницы № 2 (Там же, с. 11).

Но даже в таком тяжелом положении можно найти и положительные стороны. После войны были пересмотрены планы по сносу части башен кремля

(как предполагал генплан 1937 г.) и начата работа по восстановлению всего комплекса. Решением № 1026 отдел по делам архитектуры, который возглавлял тов. Журавлев, обязывался составить технический проект, сметно-финансовый расчет на работы по реставрации Кремля с разбивкой по очередям выполнения. Для обследования Кремля, определения объема и характера работ по реставрации создавалась комиссия под руководством тов. Журавлева – главного архитектора города [3, с. 16].

В пятилетнем плане восстановления г. Горького на 1946–50 гг. одно из центральных мест занимает новое жилищное строительство и восстановление жилого фонда.

Планом было предусмотрено построить за пятилетие и ввести в эксплуатацию новой жилищной площади 350 тыс. м², это в 2 раза больше, чем за предыдущее пятилетие [2, с. 6]. Жилищное строительство в соответствии с планом должны осуществлять почти все предприятия и ведомства города. Наибольший прирост был предусмотрен по заводу имени Молотова – 116 тысяч м², по заводу «Красное Сормово» – 30 тысяч м². Райсоветы должны построить 10 тысяч м², из них 4250 м² в Свердловском районе, 1750 м² в Куйбышевском и 1250 м² в Ждановском районах. Учитывая тяжелое положение с жилищной площадью в г. Горьком и в целях быстрейшего ввода в действие новых домов, при отводе участков для строительства стремились предельно сократить снос существующего жилого фонда, используя для застройки, прежде всего, имеющиеся свободные площадки (Там же, с. 7).

Итоги строительства в 1946 г. – первом году пятилетки – были далеки от планируемых. Так, в 1946 г. предприятия и ведомства города должны были выстроить свыше 200 домов с жилой площадью в 57 тысяч м². Однако выстроено всего 58 домов – введено в эксплуатацию 22 тыс. м² новой жилой площади, что составляет 38 % от плановых. Причиной такого низкого выполнения плана называли то, что руководители предприятий и некоторые министерства, имеющие в городе строительные организации, совершенно недостаточно занимались восстановлением своей строительной базы, отделов капитального строительства. Также отмечается нерациональный подход к подготовке строительных материалов, малая механизация процесса строительства (Там же, с. 8).

Наряду с новым жилищным строительством, одной из важнейших задач являлось восстановление существующего жилого фонда и его благоустройство. Отмечалось, что крыши многих домов находятся в плохом состоянии, к тому же многие из них давно не окрашивались. Для решения данного вопроса исполком горсовета организовывал постройку завода по изготовлению кровельного железа. Перед работниками жилищного хозяйства стояла задача не только хорошо отремонтировать дома, но и правильно организовать их дальнейшую эксплуатацию, провести борьбу с разрушением жилищ нерадивыми квартиросъемщиками.

Также шло развитие коммунально-бытовых предприятий, требовалось провести большие работы по реконструкции городского водопровода. Были восстановлены и запущены: резервная фильтровальная

станция в Сорновском районе, проведены значительные работы по капитальному ремонту существующего водопровода, начато строительство новой фильтровальной станции в нагорной части города. Отдельно уделялось внимание на ремонт существующих и строительство новых общественных бань и прачечных, открытие новых парикмахерских.

Горисполком активно проводил политику партии на местах. Так, для выполнения постановления Совмина СССР № 807 от 24 февраля 1949 г. «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих», исполком регулярно принимал решения о выделении земельных участков под сады [4, с. 15]. Причем в решении № 411 от 30.09.1952 г. конкретизируются условия предоставления участков: размер предоставляемого участка 500 м² рабочему или служащему, где в семье нет участков; в течение 3-х лет полностью освоить личным трудом или трудом членов семьи отведенные им участки под сад и посадить фруктовые деревья и ягодные кустарники по проекту, утвержденному Сельхозотделом Горисполкома; возведение капитальных построек на участках под сад воспретить. Постройка будки легкого типа может проводиться с разрешения Сельхозотдела Горисполкома, размером не свыше 9 м² [5, с. 28].

Исполком выделял дополнительные материалы для обеспечения процесса строительства, контролировал ход строительных работ в городе, участвовал в благоустройстве города (Там же, с. 2–34).

Также наглядно роль Горисполкома в развитии города и реализации политики государства демонстрирует решение № 400 от 30 сентября 1952 г., где в соответствии с постановлением Совмина СССР № 1198 от 03 сентября 1952 г. «О мерах помощи городскому хозяйству города Горького» принят ряд решений. В том числе организация работы по строительству школы на 960 мест в Ленинском районе, составление проектно-сметной документации на строительство школы на 440 мест в Ждановском районе. Отделу по делам искусств было поручено обеспечить составление проектно-сметной документации по приспособлению помещений под театр кукол и под театр комедии (Там же, с. 2).

В 1952 г. была начата надстройка школы № 1 по Минина и Пожарского в Свердловском районе. Строительство Автозаводом на пл. Минина и Пожарского дома для мединститута осуществлялось взамен сносимого для строительства жилья вблизи Автозавода [5, с. 33]. Автозаводу им. Молотова отводился в бесспорное пользование земельный участок в пос. Строителей по ул. Западной, квартал № 16 под строительство 3- и 4-этажных каменных жилых домов (Там же, с. 34). Застройщик был обязан разработать проект застройки квартала, предусмотреть размещение в первых этажах домов торговых помещений и помещений бытового обслуживания по согласованию с исполкомом Автозаводского райсовета, построить асфальтированную дорогу по ул. Западной от ул. Таврической до соединения с асфальтовым шоссе дворовой улицы, обеспечить дома всеми видами инженерных коммуникаций и уличными благоустроенными подъездами. Проект застройки и очередность согласовывались с отделом по делам архитектуры.

Решение № 404 от 30 июля 1952 г. «О ходе ремонта лечебных учреждений» Исполкома Горсовета свидетельствует, что строительство велось с большими трудностями, отмечается что ремонт лечебных учреждений в городе проходит неудовлетворительно, из ассигнованных на ремонт 3900 тыс. руб. на 01 сентября 1952 освоено только 67 %. В других решениях того периода указывалось на недостатки в области капитального строительства (долгие сроки разработки проектной документации, сроки отвода земель) [5, с. 17].

Важным и знаковым моментом для г. Горького в данный период является возобновление внимания к истории и памятникам архитектуры в нашем городе: согласно решению № 414 от 07 октября 1952 г. о ходе выполнения решения Исполкома Горсовета от 10 октября 1950 г. № 574 «О мерах улучшения охраны и содержания памятников культуры» в 1951 г. было отремонтировано 9 памятников архитектуры на сумму от 700 тыс. рублей и 22 дома, имеющие историческое значение. Было принято решение продолжить работу по выявлению и паспортизации памятников прошлого г. Горького, при этом уделить особое внимание выявлению мемориальных квартир виднейших деятелей литературы, искусства, науки и техники. Был отправлен запрос в командование Горьковским военным округом об освобождении башен Кремля: Пороховой, Кладовой, Никольской, Коромысловой от занимающих их воинских частей с передачей этих зданий в ведение отдела по делам архитектуры и о проведении в 1953 г. капитального ремонта (наружного и внутреннего) исторического памятника-здания (бывший кадетский корпус), в котором родился П.Н. Нестеров (Там же, с. 57).

Важной вехой, которая свидетельствует о ситуации, сложившейся в городе на конец первого послевоенного десятилетия, можно считать «Проект постановления Совета министров СССР и докладную записку Совета министров РСФСР о мерах по улучшению жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства в г. Горьком» [6].

В обнаруженном проекте постановления приводится отчет Совета министров РСФСР и Горьковского областного комитета КПСС о состоянии жилищно-бытовых условий населения в г. Горьком.

В отчете сказано: «За годы пятилеток промышленность города получила большое развитие. Построены крупнейшие в стране автозавод им. Молотова, предприятия радиотехнической и оборонной промышленности. Значительно расширен Сорновский судостроительный завод. Однако в течение всего времени имело место серьезное отставание жилищного, культурно-бытового и коммунального строительства от уровня развития промышленности, потребностей населения» (Там же, с. 1).

Согласно приведенной в отчете статистике, по сравнению с дореволюционным временем количество населения в городе увеличилось в 5,9 раза, а жилой фонд увеличился только в 3,6 раза. Средняя норма жилой площади на одного человека составляла всего 4,3 м². Из 3044 тыс. м² обобщественной жилой площади – 57 % находилось в деревянных, щитовых и каркасно-засыпных домах. Жилой фонд местных советов в количестве 1042 тыс. м² на тот момент состоял

в основном из деревянных, дореволюционной постройки домов, 509 строений, принадлежащих местным советам города, находились в аварийном состоянии (площадь 42 тыс. м²). В неудовлетворительном состоянии находились водопроводная и канализационная сети города, резко отстающие от возросших нужд населения. Реки Волга и Ока в районе г. Горького, по данным отчета, были загрязнены хозяйственно-фекальными сточными водами, поступающими из вышележащих населенных пунктов области и города, сточными водами промышленных предприятий, содержащих вредные и ядовитые вещества.

В результате перенаселенности, неудовлетворительного водоснабжения, загрязненности рек, а также неудовлетворительного состояния жилого фонда в г. Горьком сложилось крайне неблагоприятное состояние с инфекционными заболеваниями.

Однако министерства и ведомства, предприятия которых находились в г. Горьком, проводили жилищное строительство совершенно в недостаточных размерах. Так, за годы пятой пятилетки было построено и введено в эксплуатацию только 366 тыс. м² жилой площади, и установленный план ввода был выполнен на 73 % [6, с. 2].

Все это свидетельствует о том, что министерства автомобильной, оборонной, судостроительной, радиотехнической промышленности, общего машиностроения и министерство путей сообщения не уделяли должного внимания вопросам жилищно-бытовых условий рабочих предприятий, расположенных в городе.

Вместе с тем, необходимо отметить, что строительные организации Министерства строительства СССР и Министерства городского и сельского хозяйства РСФСР, расположенные в г. Горьком, имели недостаточную мощность и не обеспечены были строительными материалами и трубами.

В городе создано совершенно недопустимое положение со строительством из-за отсутствия гравия, бутового камня, извести и других материалов, которые с большими трудностями завозились из других областей. Производство железобетонных деталей для сборного строительства не было налажено.

В городе слабо решались вопросы обеспечения населения госпитализацией. Недостаточна была сеть детских учреждений. В школах всеобщая в третью смену занимались 4,6 тыс. учащихся.

По результатам отчета Совет министров РСФСР вместе с областными организациями подготовил и принял постановление о мерах помощи г. Горькому.

Одновременно Совет министров СССР решил обязать заинтересованные министерства и ведомства СССР, предприятия которых расположены в г. Горьком, принять меры к увеличению объема жилищного и коммунально-бытового строительства, а также к увеличению строительства лечебно-профилактических учреждений и школ.

В подготовленном постановлении Совет министров СССР отмечает, что в г. Горьком создано исключительно тяжелое положение с обеспечением населения жильем, водоснабжением, обслуживанием банями, прачечными, городским транспортом, лечебными и культурными учреждениями. Это явилось результатом того, что жилищное и культурно-бытовое

строительство и благоустройство города значительно отстали от темпов развития промышленности и роста населения [6, с. 4].

В целях улучшения обслуживания населения г. Горького, Совет министров СССР постановил обязать министерства черной металлургии СССР, нефтяной, радиотехнической промышленности, электростанций, путей сообщения, авиационной, станкостроительной, судостроительной промышленности, транспортного машиностроения, оборонной промышленности, транспортного строительства, промышленности мясных и молочных продуктов СССР, легкой промышленности, высшего образования построить своими силами и средствами в г. Горьком в 1957 г. 155 тыс. м² жилой площади и в 1958 г. – 214 тыс. м². Было установлено, что 30 % жилой площади во вновь вводимых жилых домах предоставляется для переселения рабочих и служащих, проживающих в аварийных бараках. Горьковскому горисполкому, министерствам и ведомствам, имеющим жилой фонд в г. Горьком, было разрешено использовать 20 % средств, выделяемых на капитальный ремонт жилфонда, на строительство новых жилых домов для переселения в них жильцов из аварийных домов, не подлежащих из-за ветхости капитальному ремонту.

В справке о ходе выполнения данного постановления было указано, что исполком Горьковского городского Совета депутатов трудящихся провел значительную работу по обеспечению выполнения решений, указанных постановлением. В частности, в 1957 г. было введено в эксплуатацию 7700 м² жилой площади вместо 3000 м², указанных в постановлении, и изготовлено сборных брусчатых стандартных домов площадью 4400 м². Выделенные в 1957 г. средства в сумме 15 млн рублей на проведение мероприятий по благоустройству г. Горького освоены полностью. За счет этих ассигнований осуществлены дорожные работы на площади 510 тыс. м², установлено около 4 тысяч осветительных точек, проведены работы по озеленению города и другим видам благоустройства. Также полностью были освоены средства, выделенные Советом министров РСФСР на текущее содержание объектов благоустройства в размере 12 млн руб.

Одним из способов решения жилищной проблемы стал метод «народной стройки». В ноябре 1956 г. Горисполком принял решение № 211 «О строительстве экспериментальных жилых домов с малометражными квартирами с трудовым участием будущих квартиросъемщиков». Предложение о возможности построить собственными силами дом для своих семей появилось у рабочих Горьковского автозавода, когда они строили в одном из подшефных хозяйств коровники. Еще в 1954 г. рабочие обратились с этой инициативой к директору завода Н.И. Строкину. Он выделил им строительные материалы, и в мае 1955 г. началось строительство одноэтажного 24-квартирного дома на улице Рабочей. Его возводили сами будущие жильцы после работы и в выходные. К концу года дом был готов. Другие рабочие также захотели построить себе квартиры таким образом. Начинания рабочих были поддержаны, и Горьковский архитектор Ю.Н. Бубнов разработал проект типовых одноэтажных и двухэтаж-

ных домов с отдельными квартирами, в каждой из которых, кроме комнат, имелась своя кухня [7].

Начиная с 1956 г. такие дома начали строить и рабочие других Горьковских заводов. Вскоре данный метод подхватили во всей стране, благодаря энергии первого секретаря обкома КПСС Н.Г. Игнатова. Весной 1957 г. проекты 8- и 16-квартирных домов, разработанные специалистами Горьковского горпроект под руководством Ю.Н. Бубнова, были разосланы в крупнейшие города СССР. Начинания горьковчан одобрил первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, приехавший в город в апреле 1957 г. В июне того же года в Горьком прошла Всесоюзная конференция по строительству домов методом «народной стройки». Вскоре после нее, 31 июля 1957 г., вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР». В нем было особо отмечено «огромное значение» начинаний горьковчан «как начала всенародного движения за скорейшее улучшение жилищных условий, как пример высокой социалистической сознательности» [1].

Можно сказать, что обращение внимания на сложившуюся проблему в г. Горьком на союзном уровне, в сочетании с инициативой в улучшении своих жилищных условий и преобразении города, исходившей от самих жителей, привлекло в город значительные средства, которые были направлены на исправление ситуации. Для города и его жителей это время стало началом резкого изменения ткани города, впослед-

ствии было начато строительство новых микрорайонов и освоение городом новых территорий.

Из исторического анализа следует, что государство и Коммунистическая партия играли активную роль в управлении строительной отраслью в г. Горьком. Наглядно прослеживается процесс создания жизнеспособной социально-экономической структуры, способной решать широкий круг технических и социальных проблем строительной отрасли города. Становится видно, как полуразрушенная и устаревшая строительная отрасль становилась новой мощной отраслью народного хозяйства. Опыт решения масштабных задач в условиях ограниченных средств как никогда актуален для нашей страны и города в частности.

Литература и источники

1. Анисимов, С. Народная стройка: горьковский метод строительства жилья «своими силами», инициатором которого был ГАЗ / С. Анисимов // День города. Нижний Новгород. – 2020. – 21–27 октября (№ 86). – С. 8.
2. Шульпин, А. М. Пятилетний план восстановления и развития городского хозяйства города Горького на 1946–1950 гг. / А. М. Шульпин, Н. А. Котельников. – Горький : Горьковское издательство, 1947. – 44 с.
3. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 78. Оп. 6. Д. 138а.
4. ЦАНО. Ф. 78. Оп. 6. Д. 614а.
5. ЦАНО. Ф. 78. Оп. 6. Д. 687.
6. ЦАНО. Ф. 78. Оп. 6. Д. 992а.
7. Dale, R. Divided we Stand: Cities, Social Unity and Post-War Reconstruction in Soviet Russia, 1945–1953 / R. Dale // Contemporary European History. – 2015. – № 4 (24). – P. 493–516.

A.E. Kudryavtsev

DEVELOPMENT OF THE URBAN ENVIRONMENT AND INFRASTRUCTURE OF THE CITY OF GORKY IN THE POST-WAR PERIOD (1945–1957)

The study is based on the documents from the Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (CANO) and examines the process of post-war reconstruction of the city of Gorky and the condition of the city's economy and infrastructure in the first post-war years. The article deals with the problem of determining common approaches to the restoration and development of rear cities. The article provides an overview of the condition of the city's housing stock, engineering and road networks and a list of measures taken by the city authorities to overcome the difficulties. The article analyses and introduces the archival data and can be interesting for researchers working in the fields of geography, economics, construction and regional development. The data obtained by the author can be useful for analysing the development of other regions and cities in the postwar period.

Housing problem, construction, the city of Gorky, infrastructure, post-war restoration, archival documents.

В.А. Саблин
Вологодский государственный университет

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИВОТНОВОДСТВО НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ: ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ.
Проект 23-28-00860 «Автохтонные факторы создания Вологодского молочного бренда
в ретроспективе развития животноводства на Европейском Севере России в XX–XXI веках»*

В статье рассматриваются вопросы развития скотоводческой отрасли крестьянского хозяйства на Европейском Севере России во второй половине 1920-х гг. Отмечается, что восстановление крестьянской экономики в середине 1920-х гг. не сопровождалось качественными изменениями в ее структуре и связях с внешним миром. поголовье скота достигло максимальных величин в 1926 г. и более не увеличивалось. На численность стада оказывала влияние налоговая политика и начавшаяся коллективизация. Однако основу снижения составляли производственные факторы, вымывание ремонтного молодняка, кормовая база, климатические условия и др. В статье отмечается дисбаланс темпов роста численности скота и крестьянских дворов, что приводило к снижению обеспеченности хозяйства скотом. Попытки улучшения луговых площадей и травосеяние приводили к незначительным результатам. Животноводство обеспечивало потребительские и производственные надобности крестьянской семьи региона и в очень малой степени соответствовало планам властей по модернизации экономики.

Крестьянский двор, коллективизация, скотоводство, структура стада, кормовая база, луговодство, травосеяние.

В данной статье автором поставлена цель выявить основные изменения и определить тенденции крестьянского животноводства по завершении восстановительных процессов на Европейском Севере России (Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии, Карельская АССР, АО Коми). При этом автор исходит из ранее обозначенных им выводов о том, что завершение восстановительных процессов в животноводстве крестьянского двора в северной деревне не приводило к качественным изменениям в структуре отрасли. С большой долей осторожности можно говорить о едва намечившейся к середине 1920-х гг. экономической дифференциации северной деревни, которая в основе своей смогла лишь восстановить и укрепить серьезно подорванные натуральные основы производства.

Вплоть до 1929 г. численность поголовья скота в регионе не отличалась стабильностью и сохранялась на уровне 1925–1926 гг., когда в крестьянских хозяйствах был достигнут определенный максимум количества скота [18, с. 112–113]. Приняв за 100,0 % размер стада в 1926 г., можно получить следующую динамику его эволюции: 1926 г. – 100,0 %, 1927 г. – 97,8 %, 1928 г. – 105,6 %, 1929 г. – 98,5 %. В Карелии – 1926 г. – 100,0 %, 1927 г. – 110,4 %, 1928 г. по отношению к предшествующему году – 111,3 %, 1929 г. по отношению к 1928 г. – 80,5 % [2, с. 121]. Примерно в таких же коэффициентах выглядело изменение численности скота на Европейском Севере в оценках ЦСУ: 1926 г. – 100 %, 1927 г. – 92,3 %, 1928 г. – 109,2 %, 1929 г. – 92,0 % [12, с. 156–161].

В ряде причин, вызывавших замедление темпов роста поголовья скота, основу составляли производственные факторы. Более детальный их анализ будет представлен ниже, но, тем не менее, одну из них необходимо назвать сейчас. Дело в том, что сокращение поголовья скота (кроме лошадей) в 1929 г. в большей степени было мотивировано факторами внеэкономического порядка – начавшейся коллективизацией и политикой раскулачивания деревни, что неизбежно приводило к общему снижению продуктивности сельскохозяйственного производства более состоятельных крестьянских дворов. В 1930 г. количество скота сократилось еще более значительно. Данный вывод находит подтверждение в итоговых материалах весеннего учета скота, проведенного в главном животноводческом округе Северного края – Вологодском – в 1929–1930 гг. Специальный учет скота в Вологодском округе был инициирован краевым статистическим отделом, который преследовал цель выяснить изменения в количестве скота, произошедшие в начальный период коллективизации. Учету подверглись как коллективные, так и индивидуальные хозяйства. Важно подчеркнуть, что весенняя перепись 1929 г. и мартовский учет скота 1930 г. проводились по одной и той же методике, что позволяет сопоставить данные за два года и сделать аргументированные выводы. В среднем по округу перепись скота охватила 10,9 % индивидуальных крестьянских дворов [19, с. 128–135].

В снижении темпов роста поголовья скота, несомненно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что в

1926/27 г. в стране была проведена реформа сельскохозяйственного налога, в основу которой было положено обложение совокупного дохода (включая доходы от животноводства) крестьянского хозяйства [20, с. 3–48]. Не сложно предположить, что, стремясь снизить фискальный гнет, крестьянин традиционно прибегал к убою скота или, нередко, к утаиванию от налоговых и учитывающих органов объектов обложения.

Определив общую направленность динамики поголовья скота, посмотрим, в каком направлении эволюционировала его структура. Наметившаяся тенденция роста удельного веса поголовья крупного рогатого скота, начиная с 1928 г. постепенно затормаживалась [18, с. 112–113]. С 1927 г. в структуре стада снижается доля овец. Поголовье мелкого скота, в первую очередь свиней, возросло с 4,6 % в 1926 г. до 5,6 % в 1929 г. С некоторыми колебаниями обнаруживался рост удельного веса тяглового скота с 13,3 % в 1926 г. до 15,5 % в 1929 г. Отмеченные колебания не меняли общей характеристики крестьянского стада второй половины 1920-х гг. – его основу составлял крупный рогатый скот и лошади.

В структуре конского стада на протяжении второй половины 1920-х гг., включая критический 1929 г., наблюдалось устоявшееся и вполне благоприятное соотношение молодняка и взрослого скота. Число рабочих лошадей на протяжении 1926–1929 гг. в Северном крае несколько превышало 80,0 %, оставшееся количество приходилось на молодняк и жеребят, что при всех условиях обеспечивало ремонт стада. В АО Коми в 1928 г. даже наблюдался процесс некоего омоложения конского поголовья. Нерабочие лошади и жеребята составляли в области 26,9 % от численности поголовья [13, с. 23, 24, 58, 59].

В стаде крупного рогатого скота преобладающее положение занимал взрослый скот – 57,14–60,72 %. Значительное повышение поголовья коров в стаде свидетельствовало об одном – стадо принимало более молочное направление. В то же время в структуре стада крупного рогатого скота сложился определенный дисбаланс. Постоянное увеличение числа коров в стаде происходило за счет ремонтного молодняка, прежде всего телят и подтелков. Неоправданно высоким с точки зрения воспроизводства стада было сокращение поголовья бычков младших возрастов. В совокупности все это свидетельствовало об определенном неблагополучии молочного животноводства.

Аналогичные выводы можно сделать применительно к поголовью овец и свиней. Учитывая общее снижение поголовья данных видов скота к концу 1920-х гг., уменьшение доли ремонтного молодняка свидетельствовало о постепенном нарастании кризисных явлений в данной отрасли крестьянского хозяйства. Замедление роста поголовья скота во второй половине 1920-х гг. при одновременном увеличении численности крестьянских хозяйств сказалось на обеспеченности скотом крестьянских дворов. В 1926 г. в регионе в среднем на хозяйство приходилось 1 голова тяглового скота (в том числе 0,83 рабочих лошади), 2,87 головы крупного рогатого скота, в том числе 1,74 коровы, 3,11 головы мелкого рогатого скота (овец и коз), 0,32 головы свиней. Наиболее обеспеченными скотом (в первую очередь, рабочими ло-

шадьми и коровами) оказывались хозяйства Вологодской губернии, традиционно отличавшиеся развитой сельскохозяйственной специализацией [3, с. 56–63].

В 1927/28 г., по сравнению с 1926 г., в регионе обеспеченность крестьянских хозяйств скотом уменьшилась [17, с. 174–183].

Рост численности крестьянских дворов в Вологодской губернии за 1924–1927 гг. в большинстве посевных групп оказывался выше темпов роста поголовья скота, приходившегося на эти посевные группы. Адекватный рост был присущ лишь VI и VII посевным группам (от 4,1 до 8,1 дес.), отчасти – VIII группе (с посевом свыше 8,1 дес.) [16, с. 6–8; 25, с. 2–4].

Данное обстоятельство дает основание утверждать, что по завершении восстановительных процессов произошедшая во второй половине 1920-х гг. перегруппировка поголовья скота по посевным группам в целом не свидетельствовала об улучшении обеспеченности тягловым и крупным рогатым скотом основной массы крестьянских хозяйств. В абсолютном большинстве дворов, в хозяйстве по-прежнему содержалась одна лошадь и одна корова. Только в VIII посевной группе преобладали двухлошадные и многокоровные (трех- и четырехкоровные) дворы.

Основу крестьянских хозяйств АО Коми и Северо-Двинской губернии в 1924–1928 гг., так же как и в Вологодской губернии, составляли однолошадные и одно- и двухкоровные дворы. Причем если в АО Коми доля однолошадных и двухлошадных дворов несколько возросла за счет сокращения хозяйств, не имевших рабочего скота, то в Северо-Двинской губернии, наоборот, снизилась за счет возрастания удельного веса безлошадных дворов [4; 6].

Характер обеспеченности крупным рогатым скотом, прежде всего коровами, соответствовал выявленной тенденции: в структуре дворов также преобладали одно- и двухкоровные дворы, причем их удельный вес несколько снижался за счет возрастания доли бескоровных и четырехкоровных хозяйств. В Северо-Двинской губернии удельный вес последних в 1927 г. увеличился по сравнению с 1924 г. с 2,4 % до 5,1 %.

Наряду с организационно-производственными факторами основной причиной медленного роста поголовья скота в регионе являлось состояние кормовой базы, основу которой составляло сено с естественных кормовых угодий (заливные и суходольные луга, лесные, полевые сенокосы и болотные сенокосы). Качество лугового фонда на Европейском Севере традиционно считалось высоким. Между тем в 1920-е гг. сенокосные угодья во всех северных губерниях более чем на половину состояли из низких по качеству лугов. Наиболее продуктивные заливные луга располагались в поймах рек Северной Двины, Печоры, Мезени, Онеги, Вычегды, Сухоны и Юга. В Северо-Двинской губернии на их долю приходилось лишь 27,0 % кормовой площади [6].

Лучше обстояло дело в Архангельской губернии. Здесь, по данным 1927 г., на долю заливных лугов приходилось 47,4 % всего лугового фонда. При внешней схожести природно-климатических условий, в которых развивалось крестьянское хозяйство Карелии и Архангельской губернии, карельская деревня была несравненно хуже обеспечена сеном. Основу кормо-

вой базы в республике составляло сено, получаемое с лесных и болотных пожен (около 66,0 % всех луговых угодий). В 1927–1929 гг. в Карельской АССР на долю заливных лугов приходилось лишь 26,0–26,4 % всей площади сенокоса. Причем более 60,0 % заливных сенокосов составляли менее качественные «осочные» сенокосы [1, с. 150; 21, с. 154].

В отличие от пашни, расширение сенокосных угодий происходило крайне медленно. По подсчетам автора, за период с 1925/26 по 1928/29 гг. луговая площадь в Архангельской губернии увеличилась (за счет расчисток, распашек неудобий, осушения болот и др. мелиоративных работ) с 188 400 га до 194 700 га или на 3,3 %, составляя в 1929 г. 104,1 % к уровню 1917 г. [14, с. 19; 15, с. 30; 21, с. 154; 22, с. 130; 23, с. 423; 24, с. 128].

В Карелии с 1927 г. по 1929 г. площадь лугов возросла (главным образом за счет лесных и болотных лугов) всего лишь на 5133,58 га или на 2,3 %.

В конечном итоге низкие темпы роста луговой площади неизбежно сказались на уровне обеспеченности ими крестьянских дворов. Если в середине 1920-х гг. кормовая потребность наличного стада крестьянского скота сполна обслуживалась естественной кормовой площадью вместе с продуктами, даваемыми экстенсивным полеводством (в силу чего крестьянин не ощущал потребности в дополнительном получении корма за счет сеянных на пашне трав), то уже к концу 1920-х гг. сложился ощутимый дисбаланс луговой площади и площади пашни. Для рациональной организации сельского хозяйства оптимальным считалось соотношение пашни и сенокоса как 100 : 150. В 1924/25 г. в Северо-Двинской губернии в мелкопосевных хозяйствах данная пропорция равнялась 100 : 132, а для крупнопосевных – 100 : 135, т. е. выглядела сравнительно удовлетворительной [11, с. 18].

Ситуация стала меняться к концу 1920-х гг. Более быстрые темпы роста пашни в Северо-Двинской губернии изменили в худшую сторону отмеченную пропорцию, и в 1927 г., например, она равнялась лишь 100 : 81,7 [7].

Относительное расширение стада неминуемо вызывало, с одной стороны, – улучшение качества естественных лугов, с другой стороны, – необходимость в искусственном производстве кормов. Урожайность лугов постепенно увеличивалась, но все же оставалась крайне низкой, не превышая в течение всех 1920-х гг. в среднем 20 ц сена с 1 га луговой площади. Следует подчеркнуть, что при экстенсивном характере лугового хозяйства на Европейском Севере продуктивность лугов находилась в прямой зависимости от погодных условий. Особенно неурожайным был 1926 год, что наиболее ярко проявилось в Архангельской губернии и привело к сокращению продуктивности [15, с. 29].

Крайне плохие погодные условия наблюдались и в 1928 г. Понизились валовые сборы зерна, но еще более неудовлетворительно обстояло дело с урожаем естественных трав.

Не случайно, что во второй половине 1920 гг. абсолютно во всех регионах Европейского Севера площадь под посевами однолетних и многолетних трав постепенно увеличивалась, но даже в Вологодской

губернии, отличавшейся наиболее зрелыми формами полевого травосеяния (по сравнению с 1900–1910 г. в 1927 г. площадь сеяных трав в губернии увеличилась с 0,03 % до 5,4 % посевных площадей), крестьянское хозяйство постоянно испытывало затруднения с фуражом и сильными кормами. Как отмечалось в экономическом обзоре сельского хозяйства Вологодской губернии за 1928 г., «естественные кормовые ресурсы только по Вологодскому и Кадниковскому уезду на 1928/29 год не обеспечивают животноводство кормами свыше чем на 2 000 000 пуд сильного корма. Несмотря на ряд усилий, которые губерния в течение ряда лет направляла в целях подведения кормовой базы под продуктивное животноводство, ... вышеупомянутые два уезда только с большим напряжением сводят свой кормовой баланс» [9].

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что восстановление довоенного поголовья скота на Европейском Севере, довольно значительно пострадавшего за годы I-й мировой и Гражданской войн, сопровождалось соответствующим восстановлением структуры и половозрастных пропорций стада.

Восстановление поголовья скота, достигнутое к середине 1920-х гг., значительно не изменило производственные характеристики крестьянских дворов. Абсолютные показатели восстановления и роста численности скота не находили адекватного преломления в конкретном крестьянском дворе. Наблюдался процесс постепенного усреднения крестьянских хозяйств по количеству голов скота на двор, что вполне объяснимо, учитывая тенденцию масштабного увеличения численности крестьянских дворов, которая значительно опережала темпы восстановления скота.

Вторая половина 1920-х гг. отличалась постепенным ростом поголовья. Уровень обеспеченности крестьянского хозяйства рабочим скотом оказался довольно высоким, хотя преобладающим типом дворов в регионе оставался однолошадный двор. По условиям Европейского Севера данный тип двора был наиболее экономичен и соответствовал характеру полеводства. Нагрузка рабочей лошади, которая определялась количеством обрабатываемой ею пашни или сенокосов, с каждым годом возрастала, достигнув в 1928 г. 2,78 га посева (101,1 % нагрузки за 1916 г.), или 3,85 га пашни (97,8 % нагрузки 1916 г.) при существовавшей норме 3,94 га на рабочую лошадь [6]. В АО Коми, по сведениям за 1928 г., наблюдалась даже своего рода «перенасыщенность» крестьянских дворов тягловым скотом [5].

Несколько иная ситуация имела место в отношении крупного рогатого и других видов скота. Во второй половине 1920-х гг. наблюдалось снижение темпов прироста поголовья и даже определенная стагнация. По-прежнему среди крестьянских хозяйств преобладали однокоровные и двухкоровные дворы. По причине снижения удельного веса и качественных параметров ремонтной части в целом замедлились темпы обновления стада. В основе обозначившейся тенденции лежали факторы экономического порядка, и прежде всего ухудшение кормовой базы. В 1929 г. статистика зафиксировала катастрофическую убыль практически всех видов скота, что было связано в большей степени с внешними по отношению к кре-

стьянскому двору факторами и, прежде всего, начавшейся коллективизацией деревни и раскулачиванием.

В итоге на протяжении второй половины 1920-х гг. животноводство обеспечивало потребительские и производственные надобности крестьянской семьи и в очень малой степени соответствовало планам властей по модернизации экономики.

Источники и литература

1. Автономная Карельская социалистическая республика. Ежегодник. Вып. III. 1928. – [Петрозаводск] : Изд. Стат. упр., 1929. – [2], XXIV. – 271 с.
2. Автономная Карельская социалистическая советская республика. Ежегодник. Вып. IV. 1929. – [Петрозаводск] : Изд. Стат. упр., 1931. – [2], VIII. – 219 с.
3. Город Котлас и его роль в развитии народного хозяйства Северного края : материалы специальных экономических обследований. – Ленинград : Северо-Двинская губ. Плановая комиссия, 1929. – 220,63, III с.
4. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 105. Оп. 3. Д. 353. Л. 28, 29.
5. ГААО. Ф. 105. Оп. 3. Д. 353. Л. 29.
6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 142, 143.
7. ГАВО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 121.
8. ГАВО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 102.
9. ГАВО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2084. Л. 125.
10. ГАВО. Ф. П–1853. Оп. 13. Д. 79. Л. 131.
11. Дербенев, А. Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1923–24 году на основе изучения его бюджета / А. Г. Дербенев ; под редакцией зав. Губстатбюро А. А. Манакова и чл. президиума Губплана А. Н. Бачурихи-на Сев.-Двинск. губплан, Сев.-Двинск. губстатбюро. – Великий Устюг : Б. и., 1925 (тип. изд. «Сов. Мысль»). – 58 с.
12. Животноводство СССР. Динамика скотоводства. Кормовая база. Мясной баланс. – Москва : Планхозгиз, 1930. – 258 с.
13. Животноводство СССР за 1916–1938 гг. : статистический сборник / Центр. упр. народнохозяйств. учета Госплана СССР; под ред. И.В. Саутина. – Москва ; Ленинград : Госпланиздат, 1940. – 218 с.
14. Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1927–28 год / Архангельск. губплан. – Архангельск : тип. т-ва «Призыв» им. т. Склепина, 1928. – 62, [1] с.

V.A. Sablin

PEASANT ANIMAL HUSBANDRY IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 1920S: DEVELOPMENT PARAMETERS

The article was prepared with the financial support of the RGNF. Project 23-28-00860 “Autochthonous factors of the Vologda dairy brand creation in retrospect of the development of animal husbandry in the European North of Russia in the 20–21 centuries”

The article deals with the development of the cattle-breeding branch of the peasant economy in the European North of Russia in the second half of the 1920s. It is noted that the restoration of the peasant economy in the mid-1920s was not accompanied by qualitative changes in its structure and relations with the outside world. The number of livestock reached its maximum values in 1926 and did not increase any more. The size of the herd was influenced by the tax policy and the beginning of collectivization. However, the basis of the decline was production factors, washing out herd replacements, fodder, climatic conditions, etc. The article reveals an imbalance between the growing rates of the livestock and the number of peasant households, which led to a decrease of livestock in the farms. The attempts to improve meadow areas and grass planting were not significant. Animal husbandry provided the consumer and production needs of peasant families in the region and to a very small extent corresponded to the plans of the authorities to modernize the economy.

Peasant household, collectivization, cattle breeding, herd structure, fodder base, meadow farming, grass sowing.

15. Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1928–29 год. / Архангельск. губплан. – Архангельск : тип. т-ва «Призыв» им. т. Склепина, 1928. – 56 [1] с.

16. Материалы к XVI Вологодской губернской конференции ВКП (б). – Вологда : Типо-лит. акц. о-ва «Северный печатник», 1927. – 98 с.

17. Материалы по районированию Северного края: описание края, его округов и районов / Плановая комис. Сев. Края. – Архангельск : [б. и.], 1929. – 183 с.

18. План сельскохозяйственной производственной компании на 1929/30 год / Сев. краев. земел. управление – Архангельск : тип. из-ва «Правда Севера» им. т. Склепина, 1930. – 135 с.

19. Пушкарев, В. К итогам мартовского учета скота в Вологодском округе / В. Пушкарев // Хозяйство Севера. – 1930. – № 4–5. – С. 128–135.

20. Саблин, В. А. Сельскохозяйственный налог в Вологодской деревне в годы нэпа. (Анализ налоговых кампаний 1921/22 – 1929/30 гг.) / В. А. Саблин // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. – Вологда, 2001. – Вып. 2. – С. 3–48.

21. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1927 год: с прил. территориальных итогов Приполярной переписи 1926 года, сведений о посевных площадях, урожае хлебов, картофеля и сена и о количестве скота в 1928 году / Архангельский губ. стат. отд. – Архангельск : Изд. Архгубстатотдела, 1929. – XII, 111, 350, [2] с.

22. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1925 год: с прил. предварит. сведений о посевных площадях, количестве скота и ожидаемом урожае в 1926 г. / Арханг. губ. стат. бюро. – Архангельск : Архгубстатбюро, 1926. – X, 80, 272 с.

23. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917–1924 годы / Арханг. губ. стат. бюро. – Архангельск : Архгубстатбюро, 1925. – XXXV, [1], 703, [1] с.

24. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год: с прил. сведений о посевных площадях, количестве скота, урожае хлебов и трав в 1927 г. и показателей роста Арханг. губ. – Архангельск : Архгубстатбюро, 1927. – X, 90, 277, [2] с.

25. Цифровые данные о расслоении деревни в Вологодской губернии (по распространенным данным весенних выборочных обследований губстатотдела). – Вологда : ВКП(б) Вологодский губернский комитет, 1927. – 8 с.

Н.С. Смирнова

Вологодский государственный университет

ПРИХОДСКАЯ ОБЩИНА ШАПШЕНСКОГО НИКОЛАЕВСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА КАДНИКОВСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Данное исследование является продолжением ранее опубликованной статьи на тему: «История развития Шапшенского Николаевского православного прихода Кадниковского уезда Вологодской губернии» и рассматривает приходское сообщество изучаемой церкви. В статье анализируется количество жителей в сравнении с соседними волостями, численность дворов, возрастной, материально-финансовый и сословный состав, а также причины отсутствия прихожан.

Николаевский православный приход, Шапшенская волость, Никольский погост, приходское сообщество (община).

Целью данной статьи является проведение небольшого микроисторического исследования по изучению приходского сообщества в жизнедеятельности отдельно взятого прихода. Научная новизна исследования заключается в проведении анализа и систематизации материалов фондов Государственного архива Вологодской области: фонда «Вологодской духовной консистории» и фонда исповедных ведомостей, которые впервые вводятся в научный оборот [1; 2].

Использовались такие методы исследования, как: нарративный, позволяющий последовательно описать этапы развития приходской жизни; структурный (институционально-аналитический), предполагающий выявление различных групп приходского сообщества; функциональный, включающий исследование направлений в деятельности приходского сообщества; сравнительно-исторический, изучающий проблемы и факты в сравнительном анализе.

Николаевский приход возвышался на Никольском погосте села Шапша Кадниковского уезда Вологодской губернии, а первая деревянная церковь, построенная в 1762 году, освящена в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Каменная холодная церковь, построенная в 1769 году, была освящена во имя Святого Николая Чудотворца. В течение своей продолжительной, почти двухвековой деятельности, храм стал устойчивым духовным центром Шапшенской волости среди населения округа, и отразил традицию почитания на Руси Николая Чудотворца, покровителя торговли, ремесла и путешествий (рис. 1).

Шапшенская Николаевская церковь входила в 3-й благочинный округ (всего в 3-м благочинном округе находилось 17 церквей) и являлась в Шапшенской волости единственной приходской церковью сначала на 30 деревень, а с 1916 года – на 32 [6, с. 97, 221]. Лишь 22 января 1913 года появилась одна приписная церковь: «освящена в честь Успения Божьей Матери, устроена при реке Вондашь и деревне Шемякина в 7 верстах от приходской церкви. Часовен же – 16» [1, оп. 4, д. 550, л. 194].

Рис. 1. Никольская церковь (слева, каменная), колокольня (посередине), Богородице-Рождественская церковь (справа, деревянная) (XIX в.)

Источник: Соборы.ру. Народный каталог православной архитектуры // режим доступа: <https://sobory.ru/photo/217030>

Существование малой и большой зоны приходского пространства определяло жизнедеятельность Николаевского приходского сообщества. В малую зону входили собственно два храма, колокольня, кладбище и церковные здания (амбар, богадельня, церковно-приходская школа и т.д.), обнесенные церковной оградой. Именно на этой территории велась активная приходская жизнь. К большой зоне относились часовни и приписные церкви, тем самым включая большую часть жителей в разнообразные формы приходской жизни. Таким образом, сельские жители, даже в силу своей удаленности от эпицентра приходской жизни, оставались участниками богослужебной деятельности прихода.

Крупные размеры Николаевского сельского прихода, многолюдность не могли не отразиться на его духовной жизни. Устанавливались тесные духовные связи священников с прихожанами. Так, изучение истории одного прихода волей-неволей помогает выявить важный пласт истории села в целом, увидеть в ней роль и место изучаемого прихода. Подобное исследование позволяет уяснить и особенности уклада жизни православного села, ценности ориентиры и традиции воцерковленных сельчан.

Приходское сообщество (прихожане) в том или ином округе образовывали так называемую приходскую общину. Община решала основные вопросы церковно-приходской жизни и являлась главным действующим лицом [5, с. 250]. Данный тип приходского строя получил распространение на Севере (Там же, с. 251).

Приходское сообщество расселялось на широком пространстве Шапшенской волости и соседствовало с общинами Ильинско-Азлецкого и Флоро-Лаврского Кумзерского приходов (Азлецкой и Кумзерской волостей). В отличие от них, прихожане Николаевской церкви проживали на расстоянии средней дальности. Отдаленные деревни (6–10 верст) составляли всего 33 % от общего их числа, а близлежащие 66,7 %. В дореформенный период все деревни являлись собственностью одного или нескольких помещиков: Батуриных, Остолоповых, Окуловой, Скуратова, Шаманского и т.п.

По численности населения Николаевский Шапшенский приход находился примерно на одном уровне с близлежащими сельскими приходами Кадниковского уезда. Незначительным было отставание соседнего Флоро-Лаврского, разница между ними составляла 5 % (табл. 1).

Таким образом, во второй половине XIX века наблюдался постоянный численный прирост населения приходов. Эта же картина прослеживалась и на примере Николаевского прихода за более длительный период с середины XIX – до начала XX вв. В таблице 2 использованы материалы клировых ведомостей, отражающие изменения в численности населения через 5–20 лет. За период с 1850 по 1916 гг. общая численность прихожан выросла в 1,7 раза. Как видно из таблицы, в общей массе приходского населения Николаевского храма чуть более половины приходилось на женскую ее часть, которая составляла в 1860 году от 51,2 % до 54,7 % в 1905 году, уменьшался разрыв к 1916 году до 53,9 %. Во многом эта тенденция связана с отсутствием прихожанина по причине прохождения военной службы. В целом приходское сообщество было неоднородно по возрастному принципу. «Каждый третий прихожанин относился к младшей возрастной группе – до 15 лет» [3, с. 29]. «Половину прихожан, как правило, составляли взрослые люди, самостоятельные и семейные. Из этой возрастной группы формировался и приходской актив» (Там же, с. 30). Эта картина характерна для населения Вологодской епархии.

Крестьянские семьи всегда были многочисленными. На протяжении 1850–1864 гг. численность семьи не менялась и составляла «по 4 души на двор одного мужского пола» [1, оп. 4, д. 453, л. 295; д. 460, л. 264; д. 462, л. 312; д. 470, л. 265].

Из таблицы 3 видно, что с 1864 по 1916 г. двор становился менее многолюдным, из-за разрушения патриархальной семьи. Таким образом, мы видим увеличение дворов в 2,2 раза. Это было связано, во-первых, с ростом количества населения, которое увеличилось в 1,7 раза, во-вторых, происходил распад патриархальной семьи.

Население прихода было представлено следующими сословиями: духовенство, военные и отставные солдаты, крестьяне.

Основной прирост населения приходился на крестьянскую массу, что мы наблюдаем из таблицы, при общем числе населения, равном 100 %. В исследуемый период средняя доля крестьянского населения в приходском сообществе колебалась от 80,9 % до 94,2 %. До реформы 1861 года в приходе проживали только помещичьи крестьяне. Реформа 1861 года перевела крестьян из помещичьих в сельских обывателей, что отражает общероссийскую действительность раскрепощения. Резкое падение значения крестьянского населения в общей приходской массе наблюдалось только в 1895 году (с 90 % в 1885 году до 84,3 % крестьян – 3454 человека), причем это ни в коей мере не связано с явлениями отходничества, так как это не характерно для данной волости. Частично это объяснялось ростом удельного веса семей отставных военных. Особенно динамична шкала прироста «военного населения» (с 4,6 % до 18,3 %). Нельзя не заметить характерное сокращение числа лиц духовного звания и населения, с ними связанного (с 1,7 % до 0,8 %). Во многом это связано с ухудшением материального положения клира в данном приходе и уменьшением численности штатов (в 1917 году диаконская и псаломническая вакансии отсутствуют, так как штатная диаконская вакансия закрыта, а псаломщик отозван на военную службу) [2, оп. 1, д. 1193, л. 37]. Уменьшение количества прихожан в 1916–1917 гг. связано, по данным исповедных ведомостей за эти годы, с Первой мировой войной, так как мужское население было мобилизовано в армию, а некоторые даже находились в плену. В источниках читаем: «Крестьянин Феофан Куликов 24-х лет был в плену, крестьянин Алексеев Николай 25-ти лет был убит на войне» (Там же, оп. 1, д. 1194, л. 40 об.). Также в 1916 году находились в плену дочь и отец крестьяне Меркулаевы (Там же, оп. 1, д. 1194, л. 42 об.). А в 1917 году псаломщика Димитрия Комарова 35-ти лет отозвали на военную службу (Там же, оп. 1, д. 1193, л. 37).

Особое место в приходской жизни занимала материально незащищенная группа, находящаяся, как правило, на содержании местного попечительства или приюта или кормящаяся «доброхотным подаянием». Как правило, ее представителями являлись сиротствующие и вдовствующие лица либо священнослужители, ушедшие за штат по состоянию здоровья и нуждающиеся в помощи. Очень часто эта группа присутствовала в качестве заштатного персонала, который родственными узами был взаимосвязан с бывшим или настоящим клиром (сыновья умершего священника, жены и дочери дьякона, дьячка и т.д.).

Эта прослойка приходского сообщества очень немногочисленна. Их возрастная характеристика имела широкие рамки и колебалась в пределах 35–85 лет (не включая детей). К 1850 году она составила 0,1 % (4 человека) от общего числа населения и сократилась к 1917 году до 0,04 % (1 человека), что объяснялось относительно хорошим социальным благополучием населения и наличием приходского попечительства, существовавшим с 1884 года.

Таблица 1

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЧИСЛЕННОСТИ ПРИХОЖАН НИКОЛАЕВСКОГО ХРАМА
С СОСЕДНИМИ ПРИХОДАМИ КАДНИКОВСКОГО УЕЗДА**

Наименование храма	Численность прихожан, чел.		
	1856 г.	1865 г.	1895 г.
Николаевский Шапшенский	2833	3158	4096
Флоро-Лаврский Кумзерский	2994	3310	4215
Азлецко-Ильинский	2767	2023	2600

Рассчитано по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 460. Л. 240, 264, 271; Д. 471. Л. 428, 440, 470; Д. 525. Л. 460, 470, 493 об.

Таблица 2

**ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НИКОЛАЕВСКОГО ПРИХОДА
(1850–1916 гг.)**

Год	Общая численность прихожан	Из них мужчин	Из них женщин
1850	2828	1350	1478
1856	2833	1361	1472
1860	2993	1461	1532
1864	3158	1525	1633
1885	3572	1691	1881
1895	4096	1881	2215
1905	4430	2006	2424
1910	4740	2188	2552
1916	4937	2276	2661

Рассчитано по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 453. Л. 295; Д. 460. Л. 264; Д. 462. Л. 312; Д. 470. Л. 264 об., 265; Д. 508. Л. 420, 421; Д. 525. Л. 493 об.; Д. 538. Л. 684 об.; Д. 543. Л. 384 об.; Д. 550. Л. 205, 205 об.

Таблица 3

ЧИСЛЕННОСТЬ ДВОРОВ И ЛЮДЕЙ В ИХ СОСТАВЕ (1850–1916 ГГ.)

Год	Общая численность	Число дворов	Средняя семья на 1 двор
1850	2828	382	7,4
1856	2833	382	7,4
1860	2993	410	7,3
1864	3158	452	7
1885	3572	683	5,2
1895	4096	715	5,7
1905	4430	750	5,9
1916	4937	833	5,9

Рассчитано по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 453. Л. 295; Д. 460. Л. 264; Д. 462. Л. 312; Д. 470. Л. 265; Д. 508. Л. 421; Д. 525. Л. 493 об.; Д. 538. Л. 684 об.; Д. 550. Л. 205 об.

Таблица 4

СОСТАВ И СТРУКТУРА ПРИХОДСКОГО СООБЩЕСТВА НИКОЛАЕВСКОГО ПРИХОДА (1850–1917 ГГ.)

Год	Состав и структура приходского населения Николаевского прихода			
	Крестьяне		Военные, отставные солдаты	Духовенство
	помещичьи	бывшие помещичьи		
1850	2650 (93,7 %)		131 (4,6 %)	47 (1,7 %)
1860	2819 (94,2 %)		138 (4,6 %)	36 (1,2 %)
1885		3216 (90 %)	327 (9,2 %)	29 (0,8 %)
1895		3454 (84,3 %)	606 (14,8 %)	36 (0,9 %)
1905		3685 (83,2 %)	806 (18,2 %)	29 (0,7 %)
1916		4001 (81 %)	901 (18,2 %)	27 (0,5 %)
1917		2158 (80,9 %)	488 (18,3 %)	21 (0,8 %)

Рассчитано по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 453. Л. 294, 295 об.; Д. 462. Л. 311 об.; Д. 508. Л. 420 об.; Д. 525. Л. 497 об.; Д. 538. Л. 688 об.; Д. 550. Л. 207 об.; Ф. 1063. Оп. 1. Д. 1192. Л. 26; Д. 1193. Л. 37; Д. 1194. Л. 57; Д. 1195. Л. 47.

Таблица 5

ЧИСЛЕННОСТЬ МАЛОИМУЩИХ В ПЕРИОД 1850–1917 ГГ.

Год	Общее число	Число малоимущих
1850	2828	4 (0,1 %)
1860	2993	11 (0,4 %)
1864	3158	12 (0,4 %)
1885	3572	7 (0,2 %)
1895	4096	10 (0,2 %)
1905	4430	5 (0,1 %)
1916	4937	5 (0,1 %)
1917	2667	1 (0,04 %)

Рассчитано по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 453. Л. 293 об.; Д. 462. Л. 309 об., 310 об.; Д. 470. Л. 261 об., 262 об., 263 об.; Д. 495. Л. 695 об., 696 об., 697 об., 698 об.; Д. 508. Л. 417 об., 418 об., 419 об.; Д. 525. Л. 490 об., 491 об., 492 об.; Д. 538. Л. 681 об., 682 об., 683 об.; Д. 550. Л. 203 об., 204 об.; Ф. 1063. Оп. 1. Д. 1192. Л. 1.

**СТРУКТУРА ДОХОДОВ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ШАПШЕНСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ЦЕРКВИ
НА ПРОТЯЖЕНИИ 1850–1916 ГГ.**

Год	Общий доход причта (руб.)	Доход от платы за требы и кружечный сбор		Проценты с капиталов	
		руб.	в % от общего дохода	руб.	в % от общего дохода
1850	557,24	199,31	35,8	–	–
1856	713,10	129,09	18,1	–	–
1864	612,73	107,69	17,6	–	–
1885	1035,37	507,85	49,05	–	–
1895	1075,79	873,12	81,2	26,69	2,5
1905	1015,09	994,77	98	68,64	6,8
1916	2972,45	1362,88	45,9	79,80	2,7

Рассчитано по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 453. Л. 290 об.; Д. 460. Л. 259; Д. 470. Л. 257, 257 об.; Д. 508. Л. 413; Д. 525. Л. 483 об., 484; Д. 538. Л. 672 об., 673; Д. 550. Л. 193, 193 об.

Таблица 7

СООТНОШЕНИЕ СОБСТВЕННЫХ СТАТЕЙ ДОХОДА СВЯЩЕННИКА НИКОЛАЯ СОКОЛОВА НА 1915 ГОД

Наименование статьи	Сумма в руб.	Процентное соотношение
Казенные деньги	294	27,3 %
Кружечный доход	310,80	28,8 %
Молебен по приходу	64	5,9 %
% с банковского капитала	23,97	2,2 %
Арендные деньги	25,80	2,4 %
От скотоводства и хлебопашества	360	33,4 %

Рассчитано по: ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 548. Л. 317 об., 318 об.

Большими полномочиями в приходе обладали церковные старосты. «Он (староста) ведал казной, представлял свою церковь перед государством и органами земского самоуправления. Через старосту крестьянский мир распоряжался церковным имуществом» [3, с. 26]. «Церковный староста – это выборная приходская должность. Это знатный человек» [5, с. 265]. «Ни консистория, ни духовные правления не располагали реальными возможностями воздействия на общину» [4, с. 157]. Реальное влияние на нее оказывал староста. Впервые должность церковного старосты при Николаевском приходе упоминалась в 1884 году. Эту должность исправлял К.Н. Комаров, который прослужил всего один год, так как далее был определен на псаломническую вакансию, вскоре его заменил крестьянин-собственник деревни Борисовской – М.А. Кузнецов [1, оп. 4 д. 508, л. 422 об.]. В 1887 году на смену пришел крестьянин Е.В. Сибиряков (получивший в 1891 году за отличное прохождение должности похвальный лист) (Там же, д. 525, л. 495 об.). С 1903 года старостой являлся крестьянин И.Ф. Дианов (Там же, д. 538, л. 686 об.), в 1909 году им состоял местный крестьянин Н.В. Сергеев (Там же, д. 543, л. 379 об.), а с 1914 года его сменил местный прихожанин М.Ф. Ранилов (Там же, д. 550, л. 203 об.). Одним из значимых мероприятий являлось открытие памятника императору Александру II (рис. 2), на котором присутствовали церковнослужители и прихожане Шапшенской волости. Таким образом, староста играл особую роль в управлении приходскими делами, являлся поверенным прихода, участвовал вместе с причтом в распоряжении имуществом церкви. На эту должность обычно избирались люди опытные и уважаемые.

Обращаясь к вопросу о материальном положении данного прихода, хотелось бы отметить, что в источнике за 1850 год указано: «На содержание священно-церковнослужителей постоянного оклада не получается,

банковых билетов или свидетельства, с коим бы можно было получить проценты в пользу клиров, а равно в пользу церкви, нет. Содержание священно-церковнослужителей средственное» [1, оп. 4, д. 538, л. 672 об.], то есть за счет собственного труда. Уже с 1856 года и далее штатный персонал получал годовое жалованье из государственной казны.

Рис. 2. Открытие памятника императору Александру II

Источник: Соборы.ру. Народный каталог православной архитектуры // режим доступа: <https://sobory.ru/photo/217030>

Доходы сельского клира можно классифицировать следующим образом:

1. Доходы государственного происхождения («казенные деньги»).
2. Доходы от финансово-хозяйственной деятельности (доходы от земледелия, аренды хозяйственных построек, проценты от банковского капитала).
3. К числу «добродетельных деяний» прихожан в рассматриваемый период относились кружечные деньги – средства, которые посетители церковью добровольно жертвовали на нужды духовенства или на особо оговоренные цели, опуская монеты в емкости, установленные специально для этого.

Обогащение статей дохода клира приходилось на конец 90-х годов XIX века, когда появился доход от процентов с банковского капитала. Структуру и процентное соотношение названных частей дохода церковного причта показывает таблица 6.

Таким образом, основным источником доходов причта являлась плата за требоисправления и кружечный сбор, причем доля дохода от треб в общем доходе причта за указанный период колебалась.

Раздельно между церковно- и священнослужителями распределялись доходы от земледелия. «Оною землею священно и церковнослужители владеют сами» [1, д. 508, л. 413 об., 413], часто земля сдавалась в аренду, отсюда возникала новая статья дохода – «арендные деньги». Если основной доход распределялся таким образом, что 50 % от общей суммы шло священнику, 20 % – получал диакон (позднее – штатный псаломщик), по 15 % получали дячок и пономарь, то распределение от доходов с земледелия зависело от действительного участия членов клира в нем.

К концу XIX – началу XX вв. основной статьей финансирования как высшего, так и низшего клира являлось казенное содержание, церковная кружка и деньги, получаемые от скотоводства и хлебопашества. Самым малочисленным был доход от процентов с банковских операций.

Сам факт казенного финансирования свидетельствует об относительном материальном благополучии клира (в некоторых богатых городских приходах оно отсутствовало в виду ненужности).

Итак, Николаевский приход по численности населения относился к группе крупных сельских приходов. Это означало, что для прихожан была привычной многолюдная обстановка с соответствующими проявлениями церковной жизни. Сообщество прихожан в основном формировалось за счет крестьянского населения, но также присутствовали и другие сословные категории: военные, отставные солдаты, духовенство. Незначительная часть приходского сообщества относилась к социально незащищенным категориям населения прихода. Каждое звено структуры приходского сообщества имело свои функции и выполняло определенную социальную роль. Взаимодействие всех групп населения прихода было основой нормальной жизнедеятельности прихода.

К положительной динамике относился рост численности приходского сообщества, увеличение числа пожертвований в пользу храма со стороны местного населения, а значит, и улучшение материального бла-

госостояния сообщества. В рассматриваемый период падало число малоимущего населения, обогащалось внутреннее убранство храмов, появлялись новые источники дохода приходского бюджета. Религиозное самосознание граждан находилось на высоком уровне (не посещали исповедь у святого причастия только военные по отлучке), что являлось результатом и продуманной политики власти по отношению к приходам, и деятельности церковного клира, и получало ответную, положительную реакцию прихожан.

Большие изменения в жизнедеятельности Николаевского Шапшенского прихода происходили после 1917 года. Приход утратил статус юридического лица, из его ведения изымалось право на образовательную деятельность, на заключение актов гражданского состояния, право на владение имуществом. Таким образом, деятельность прихода замыкалась на осуществлении религиозной практики и заботах о содержании церковного здания и имущества. В течение 1918–1935 годов со стороны властей шло постепенное наступление на права прихода. В связи с передачей всех расходов на содержание храма религиозной общине, возникали материально-финансовые трудности. Наконец, в самой приходской общине происходили необратимые социальные изменения – снизилась доля средней возрастной группы, формирующей актив и занимающейся содержанием храма, началось медленное старение приходской общины, увеличился удельный вес социальных категорий, требующих социальной опеки (вдовых, сирот, нищенствующих и др.). Все эти процессы вели к свертыванию жизнедеятельности и прекращению существования прихода в 1935 году вместе с закрытием храма. История существования Николаевского прихода была прервана надолго, однако в настоящее время идет восстановление храма.

Источники и литература

1. Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). – Фонд 496. Вологодская духовная консистория.
2. Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). – Ф. 1063. Фонд исповедных ведомостей.
3. Камкин, А. В. Православная церковь на Севере / А. В. Камкин. – Вологда, 1992. – 162 с.
4. Пулькин, М. В. Сельский храм / М. В. Пулькин // Север. – 1995. – № 8. – С. 149–160.
5. Стефанович, П. С. Приход и приходское духовенство России XVI–XVII веков / П. С. Стефанович. – Москва : Индик, 2002. – 352 с.
6. Церковно-исторический атлас Вологодской области. – Вологда : Древности Севера, 2007. – Т. 1. – 256 с.

N.S. Smirnova

PARISH COMMUNITY OF SHAPSHENSKY NIKOLAEVSKY ORTHODOX PARISH, KADNIKOVSKY UYEZD, VOLOGDA PROVINCE

The study continues the previously published article “The History of the Development of Shapshensky Nikolaevsky Orthodox Parish of the Kadnikovsky Uyezd in the Vologda province”, and examines the community of the parish. The article considers the population in comparison with the neighboring volosts, the number of households, the population age, material, financial and strata distribution, as well as the reasons for the absence of parishioners.

Nikolaevsky Orthodox Parish, Shapshenskaya Volost, Nikolsky Pogost, parish community.

А.С. Столетова
Вологодский государственный университет,
Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н.В. Верещагина,
Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

«ИНДУСТРИАЛЬНАЯ» ТЕМАТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ВОЛОГЖАН 1920–1970-Х ГГ.

В статье показано, как на родине «деревенской прозы» – в писательском сообществе Вологодской земли – была развита «индустриальная» тематика творчества. Приводятся наиболее значительные произведения и имена литераторов, работавших в городской и промышленной стилистике. Автор приходит к выводу, что государственные задачи и трудовая направленность социальной жизни советских граждан определили особый вес печати производственного плана. Однако для вологодского литературного актива фабрично-заводские сюжеты не стали популярными и не нашли широкого отражения в художественном тексте.

Вологодская писательская организация, производственная тематика, «городская проза», рабочая повседневность, производственный социум, мировоззрение.

Рабочий – выше звания нет!
Он всюду всеми узнаваем.
Он высшей радости поэт –
Всего творец, всему хозяин¹.

Период 1920–1970-х гг., рассматриваемый в данной статье, взят к изысканиям не случайно. Именно в это время обозначилась активная фаза индустриального развития региона и расширения производственной инфраструктуры. В 1920-е гг. в городе появились электростанции, работали Вологодская швейная фабрика (1918 г.) и завод «Красный пахарь» (1923 г.), переименованный в 1930 г. в машиностроительный завод «Северный коммунар». В 1935 г. (на базе Главных мастерских Северных железных дорог, основанных в начале XX в.) был образован Вологодский паровозовагоноремонтный (впоследствии – вагоноремонтный) завод. В середине 1950-х гг. начинает свою историю Череповецкий металлургический комбинат. В конце 1960-х гг. в Вологде разместились подшипниковый, «Электротехмаш», оптико-механический заводы, а также трикотажная фабрика. В середине 1970-х гг. был построен и введен в эксплуатацию новый комплекс зданий оптико-механического завода. Кроме того, в области довольно динамично воздвигались предприятия лесопромышленного комплекса, легкой и пищевой индустрии. Безусловно, писатели не могли обойти тему строительства технических объектов и рабочего класса.

В данной статье поставлена цель составить обзор творчества авторов, тяготеющих к производственной и городской тематике, что в разрезе хозяйственного развития страны 1920–1970-х гг. являлось одним из самых востребованных жанров. К сожалению, вновь в стороне остается вопрос общественного восприятия и

читательского интереса, что связано с необходимостью дальнейшего поиска источников по данной проблеме.

Один из ведущих вологодских поэтов 1920–1930-х гг. Б.С. Непеин написал стихи о северной пятилетке, опубликованные в «Красном Севере», в 1930 г.:

Пятилетка!..
От печорских быстрин
До размытых порогов Онеги,
С ледников Беломорья
До кубинских топких равнин
Разметавшийся край –
Под дождями, туманом и снегом –
Маяком зажигает заводских поселков огни [14, с. 3].

Отметим, что Б. Непеин – один из организаторов (совместно с А. Пестюхиным, известным под псевдонимом Ольхон; М. Серебрянским, В. Ситовым) и активный участник литературной группы «Борьба» (1925 г.), концентрирующейся вокруг газеты «Красный Север», примкнувшей к Российской ассоциации пролетарских писателей и проводившей работу по выявлению и выдвижению писателей из рабочих масс [13, с. 3]. Как писал Ю. Дюжев: «Группа “Борьба” с момента своего существования до июня 1926 г. проводила политику московского “Перевала”. В июне 1926 г. в “Борьбе” произошел раскол. Новый состав правления присоединился к Всероссийской ассоциации пролетарских писателей, а те, кто продолжал симпатизировать платформе “Перевала”, влились в новую группу, получившую название “Спайка”. Так в Вологде возникли две литературные группировки – “Борьба” и “Спайка”. В правление первой из них вошли Б. Иванов, П. Смуров, Б. Непеин, в бюро второй – А. Пестюхин, А. Тарасов, Н. Романов, Н. Гладилев, А. Козлов. Активным участником “Борьбы” являлся К. Коничев» [6]. Группа «Спайка» выпустила в 1926 г. «Северный альманах», но просуществовала недолго.

¹ Стихи М. Дудина, С. Орлова. Цитируются: Меркурьев В. Хвала тебе, рабочий человек! // Красный Север. 1975. 9 декабря; Пузатиков А. Его величество рабочий класс // Новые рубежи. 1971. 7 мая.

В 1927 г. после отъезда в Москву А. Пестюхина, группа распалась. Часть ее членов вернулась в «Борьбу» и продолжила работу в ней [13, с. 3].

В конце 1929 г. был создан Северный край. Центр литературной жизни переместился в Архангельск, где был основан Северный оргкомитет Союза советских писателей, начал выходить журнал «Звезда Севера», объединивший литературные силы и бывшей Вологодской губернии. В Вологде действовали писательские объединения, начинающие прозаики и поэты группировались вокруг «Красного Севера», многотиражной газеты «Тяговик» Вологодского паровозоремонтного завода.

Как известно, труд был объявлен «основным героем книг» пролетарских авторов. В соответствии с пафосом социалистического строительства писатели создавали книги об индустриализации и коллективизации страны. Вологжане – А. Яшин («Песни Северу», 1934 г.), К. Коничев («Тропы деревенские», 1929 г.), А. Тарасов («Будни», 1929 г.; «Отец», 1934 г.; «Анна из деревни Грехи», 1936 г.) и др. – тяготели к описанию преобразований на селе и деревенских будней, психологии человека.

Во время тяжелых испытаний для страны А. Яшин, К. Коничев, С. Орлов, А. Тарасов, Н. Задумкин, одержимые светлой верой в будущее, охваченные идеей защиты Родины, в т.ч. малой, отправились на фронты Великой Отечественной войны. Совмещая выполнение боевых задач с корреспондентской работой, писатели проводили агитационную деятельность, слагали стихи, очерки, поэмы, вели дневники, восторженно воспевая труд и дух советских граждан [22; 30].

В послевоенное время, и в особенности в «оттепельное», складывались литературные объединения, а вместе с тем и художественные направления, связанные с описанием героики трудовых будней. Главные события писательской жизни региона происходили в Вологде. А некоторая демократизация и либерализация политического уклада породила авторские поиски новой парадигмы литературного изложения, публикации статей и произведений, сыгравших роль возбудителей общественного мнения [24; 29]. Кроме того, в 1950–1970-е гг. наблюдался взлет «деревенской прозы» (А. Яшин, В. Белов), но развивалась и «тихая» лирика (Н. Рубцов, О. Фокина, А. Романов), «городская» проза (В. Астафьев). И если «деревенская проза» показывала традиционный ритм работ (деревенский «лад»), мудрость крестьян, живущих с природой в одном темпе, чутко реагирующих на ложь и фальшь, а в последствии, отойдя от поэтизации детства и природы, фиксировала осознание великой утраты, неустроенности повседневной жизни и беззащитности сельских жителей, а также бытовые, эстетические проблемы, то «городская проза» («философская», «интеллектуальная») оказалась связана с просветительской традицией, интерпретацией индивидуального сознания, нравственности, внутреннего мира человека.

В начале 1930-х гг. как певец рабочего класса развил свое творчество А.А. Сухарев. Он остался верен теме рабочего заводского человека и в 1950–1960-е гг. [27]. Данную тематику поддерживал поэт А. Романов. Например, в 1950 г. он писал о мастере цеха:

Как всегда, в ворота заводские
Входит мастер, приподняв картуз,
Будто перед ним сама Россия
В грохоте, в огнях, в мельканье блуз.
Он идет уверенно и гордо,
Отдает он пропуск торопясь.
На груди у сердца – Красный орден,
И светлей нигде не встретишь глаз [17, с. 3].

Об инженере:

Инженера ждали, как гостя,
Председатель и речь берег.
А приехал он как-то просто
На подводе под вечерок.
Как взглянули – ахнули наши,
И как будто каждый подросток;
Да ведь это, ребята, Маша!
Из Москвы – и в родной колхоз!
Все село землячку встречало:
Посадили за красный стол,
Поднесли стакан для начала
Деревенской браги густой.
Что сказать землякам на это?!
И без браги уже хмельна.
Погодите – электросветом
Все деревни зальет она! [18, с. 3]

В 1954 г. автор продолжил «цеховую» форму изложения и сопроводил ее патриотической направленностью:

...И мастер руки жмет
Молодым котельщикам, как братьям:
«Вот, ребята, ваш родной завод.
Встретить вас в котельном цехе рад я
Будьте же в труде достойны тех,
Кто прошел Европу в сорок пятом
И вернулся снова в этот цех» [16, с. 78].

Погрузившись в данную идею, В. Богданов в начале 1960-х гг. размышлял о ежедневных трудовых подвигах, трепетном отношении к рабочей деятельности:

...Я пришел сегодня к сталеварам,
К людям, огрубевшим у огня...
Разошлась бригада – скоро выпуск,
Скоро хлынет золото в ковши.
Вот и кран стальной махиной выполз
И на помощь людям зашел.
А они с волнением влюбленных
В этот миг готовы не дышать,
Ведь сейчас их плавка, как ребенок,
Будет делать самый первый шаг... [1, с. 70]

Журналист А. Сушинов в 1955 г. писал о заводском саде:

...Лопаты с плеч – и бережно, как клад,
Несут друзья в руках к машине рошу,
Чтоб шум листвы на заводскую площадь
Перенести и сделать чудо-сад.

Труд не пропал. Пройди на наш завод.
Кругом аллеи, свежие газоны.
Мы дышим чистым, солнечным озоном,
И скоро в клумбах роза зацветет [31, с. 3].

Чувствуется писательское вдохновение, отрадное наслаждение наступившими индустриальными реалиями, но и тяготение к традиционной деревенской символике («Березовая Слободка»²). В данной связи важ-

² См.: Сушинов А.И. Березовая Слободка. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1968. 63 с.

но принять во внимание, что Вологодский край – северная территория с большим количеством деревень. И городское пространство, как и производственно-городские сюжеты, в художественном творчестве для данной местности до 1970-х гг. были не столь популярными концептами. Местные писатели и поэты часто обращались к традиционным темам, таким как природа, народные обычаи и крестьянская жизнь. В то время как фабрично-заводские сюжеты, несмотря на их важность в контексте индустриализации, не нашли широкого отражения в литературе Вологды того времени. Так или иначе все профессии и специализации оказывались связанными с деревней, колхозом, лесопунктом и производством, развитым на селе. Да и большинство литераторов родились и выросли в деревне. Как писал В. Гура, «в автобиографиях писателей старшего поколения встречаешь строки: “сын грязовецкого крестьянина”, “усть-кубинский батрак”, “родился в семье рабочего обувной фабрики”, “из семьи крестьянина деревни Анциферова Курья что по Никольщине”, “двенадцатилетним мальчиком поступил учеником слесаря на артиллерийский завод”» [5, с. 3].

Специфика творчества вологжан обоснована. Однако течение жизни формировало запрос на развитие индустриальной тематики в творчестве писателей. Так, на вечере-встрече с главным редактором литературно-художественного и общественно-политического журнала «Октябрь», писателем Ф.И. Панферовым и членами редколлегии – литературными критиками В.В. Фроловым и В.В. Дементьевым, вологодскими поэтами С.В. Викуловым, А.А. Романовым, А.А. Сухаревым, прошедшей в Вологде в 1958 г., было подчеркнуто, что жизненный материал – преобразования, которые произошли в деревне, в рабочей среде, в интересах людей, их мировоззрении, должен демонстрироваться в произведениях. «Взять Череповецкий металлургический завод. Разве это не материал для романа? А как этот завод влияет на всё окружающее – разве это не источник для создания произведений?», – пояснял Ф.И. Панферов [8, с. 4].

Во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. был полностью раскрыт талант С. Викулова [23], А. Яшина [21], В. Белова [28], В. Тендрякова [26], В. Коротаева, А. Романова, Н. Рубцова [25]. Проявили себя Н. Угловский и И. Тихонов. В 1959 г. в Москве вышла книга стихов Игоря Васильевича Тихонова – «Северянка». Рабочая биография поэта определила содержание его творчества – романтика нелегкого труда рабочего человека и протест лирического героя против тунеядцев. К 1960 г. работу над романом «Искры не гаснут» закончил И. Бодренков. Это произведение о рабочем классе, о строительстве металлургического завода в Вологодской области. Критик В. Гура отзывался об этой публикации, как не до конца удавшейся, но сам прихот этой книги о героике и буднях современности считал знаменательным [4, с. 2]. Образ строителя и металлурга волновал в начале 1960-х гг. череповчан: поэта В. Богданова, токаря металлургического завода В. Козлова, шихтовщика мартеновского цеха Э. Смирнова, рабочего Ивлева, написавшего серию очерков об искателях и новаторах [2, с. 4].

Анализируя работу Вологодской писательской организации (основана 25 июля 1961 г.) в апреле 1966 г. и

рассуждая об ответственности мастеров художественного слова согласно идеологическим задачам, поставленным XXIII съездом КПСС, секретарь отделения Союза писателей А.А. Романов в статье, размещенной в газете «Красный Север», в основном популяризировал произведения на деревенскую тематику, говорил он и об описании жизни молодежи, комсомольских работников, современности. «Все наши литераторы, вступив в пору творческого лета, начинают работать серьезно, старательно», – высказывался А. Романов [19, с. 7]. В статье В. Козлова о деятельности проведенного в обкоме КПСС совещания вологодских писателей совместно с работниками облисполкома, обкома комсомола, печати, радио, книготорга, секретарей парткомов предприятий, секретарей по идеологической работе райкомов КПСС и даже художников и артистов, опубликованной в «Красном Севере» в мае 1966 г., вновь была обозначена актуальная повестка: задачи областной писательской организации в свете решений XXIII съезда КПСС. Здесь, во вступительном слове, А. Романов отмечал: «К сожалению, недостатков в работе писателей много. Главный из них – нет произведений о рабочем классе, хотя это богатейшая для художника нива» [9, с. 4]. Подчеркивалось, что требованием времени были книги на производственную тематику.

Тем не менее, в конце 1960-х – 1970-е гг. жизнь вологодских литераторов продолжала довольно активно развиваться. Так, в апреле 1969 г. состоялась встреча с участниками пятого Всесоюзного совещания молодых писателей – А. Петуховым и критиком В. Оботуровым. Анатолий Петухов участвовал в работе семинара, которым руководил С. Залыгин. Произведения и критические статьи вологжан получили высокую оценку. Продолжались традиционные встречи старших товарищей для помощи начинающим авторам. В 1969 г. В. Астафьев, В. Белов, А. Романов, В. Дементьев, Н. Рубцов, В. Гура участвовали в обсуждении рукописей молодых поэтов – Юрия Надточего, Германа Александрова и Нелли Старичковой [33, с. 4]. Те же старшие авторы выступили руководителями разговора о литературе в 1970 г. на очередном семинаре с 20-ю начинающими литераторами различных профессий: столяр, слесарь, комсомольский работник, журналист. Московский гость собрания С.Н. Марков отмечал: «вологодский край не скудел талантами, в глубине России созрел и рос новый отряд самобытных писателей» [32, с. 4]. Были выделены имена В. Ширикова и В. Шарыпова. Оба – студенты Литературного института им. Горького. Первый писал о жизни городских жителей, второй – увлекался деревенской тематикой. Отмечалось, что Н. Шишов, рабочий по профессии, подготовил рукопись стихов для детей. Также подчеркивалось, что печать серьезной работы лежит на стихах Н. Старичковой и З. Пичугиной (Там же).

В 1973 г. газета «Коммунист» представила значительную по объему статью о начинающих череповецких авторах, опубликованных в журнале «Север». Подчеркивалось, что все они приходили в литературу с «горячих точек» Северной Магнитки, ее строительства. Именно они участвовали в сооружении металлургических агрегатов и процессе становления рабо-

чих коллективов. Автор публикации С. Викулов обращал внимание на творчество А. Хачатряна (заочника Литературного института, известного на череповецкой стройке, бывшего и мастером, и прорабом), его повести «Точное время» и «Мой сват», рассказы Ю. Тарыничева о заводской жизни, очерки о доменщиках Л. Жигарева [3, с. 3].

«Если говорить обобщенно об изданных произведениях, то все они – о родном крае, о его людях, о любви к отеческой земле. С их страниц слышны голоса наших современников – тружеников полей и заводов», – отмечал ответственный секретарь Вологодской писательской организации А. Романов в 1971 г. [20, с. 27]. «Нас всех питает одна “малая родина” – наша вологодская земля», – обозначил писатель С. Багров в 1974 г. во время «круглого стола», ведущим которого выступил критик Ал. Михайлов, а участниками – члены Вологодской писательской организации [15]. «Рабочая гордость Вологодчины – Череповецкий металлургический завод, с ним писателей связывала испытанная дружба», – писал В. Коротаяев в «Литературной газете» в 1975 г. [11, с. 3].

20 апреля 1976 г. в Доме политического просвещения состоялось отчетно-выборное собрание Вологодской писательской организации. По охвату членов оно было более чем масштабно, что есть свидетельство общественного внимания к деятельности писателей-вологжан. Участниками выступили Л.Д. Славолубова, И.Д. Полуянов, В.П. Астафьев, В.И. Белов, О.А. Фокина, В.А. Оботуров, А.А. Романов, С.В. Чухин, а также В.Л. Шириков (редактор газеты «Вологодский комсомолец»), Н.К. Старшинов (редактор альманаха «Поэзия» издательства «Молодая гвардия»), А.А. Бобров (заведующий отделом поэзии еженедельника «Литературная Россия»), Л.В. Урушева (главный редактор Северо-Западного книжного издательства), В.А. Устинов (заведующий отделом поэзии журнала «Север»), заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС А.М. Веселов и др. В работе собрания принял участие секретарь обкома КПСС В.А. Жуков [7, с. 4]. В этом же году ответственный секретарь Вологодской писательской организации В.В. Коротаяев в статье, опубликованной в «Красном Севере», делился с читателями новостями из литературной жизни. Так, говоря о деятельности В. Белова, он упоминал, что, помимо исследования деревенской тематики, за основу произведений брался также городской материал. В пример можно привести вышедшие к этому времени повести «Моя жизнь» (о противостоянии деревенского и городского образа жизни), сборник «Воспитание по доктору Споку». Акцентировалось внимание на имени В. Ширикова и его книге «Пятое время года», привлекая внимание оригинальностью героя – жителя рабочей окраины [10, с. 2].

Резюмируя, отметим, что 1970-е гг. – время напряженной творческой работы для писателей-вологжан. Литературная организация пополнилась новыми членами – это В. Оботуров и С. Чухин. В.П. Астафьев за повести «Перевал», «Последний поклон», «Кража», «Пастух и пастушка» (в произведениях затрагивают проблемы становления личности) был отмечен Государственной премией РСФСР им. Горького за 1975 г. В 1976 г. была издана повесть

«Царь-рыба» В. Астафьева, отражающая, с одной стороны деревенскую направленность, но с другой – философские размышления о совести и духовном оскудении человека. В начале 1970-х гг. В. Белов написал юмористическую повесть «Целуются зори» (1973), демонстрирующую этюды из городской жизни, которая была экранизирована в 1978 г. [7, с. 4]. В 1974 г. в Вологде была издана книга «Гвардейцы труда: очерки о вологжане – Герое Социалистического Труда». В частности, в ключе рассматриваемого нами вопроса интересен очерк о машинисте бумагоделательной машины Сухонского целлюлозно-бумажного комбината В.А. Барашкове. Здесь множество размышлений о труде, его смысле, научно-техническом прогрессе, общественных интересах и нравственных принципах и т.д. [12]. Продолжая очерковую тему, назовем книгу о людях Череповецкого металлургического завода – «Бег огня», написанную Л. Славолубовой в 1975 г. [7].

Завершая сказанное, отметим, что для творчества писателей-вологжан рассматриваемого периода характерна одна общая черта – все они были крепко связаны с трудовой жизнью города, области, страны. Литераторы работали напряженно и активно. Их творчество значительно в разрезе исследования региональной хозяйственной жизни, в т.ч. с точки зрения становления художественного наследия «индустриальной» тематики. Однако, несмотря на то, что фабрики и заводы играли важную роль в экономической и социальной судьбе Вологды, они не стали центральной темой для местного литературного сообщества. Фабрично-заводское, промышленное и городское направление творчества в обозначенный период зародилось, но скорее развивалось точечно и нестабильно, находясь в стадии становления. В то же время важно отметить, что производственный эпос отразил развитие мировоззренческих основ, традиций и бытийных устоев граждан данной эпохи. Он фиксирует размышления о советской действительности, а также демонстрирует направленность государственных идеологических концептов, но и душевных порывов литераторов, зачастую тонко чувствующих и ощущающих событийный ряд современной им вехи своеобразно и самобытно. С этой точки зрения литература данной сферы может послужить источником для разработки черт сознания и поведения, ценностных ориентиров, закладываемых и формирующихся в социальной среде производственного социума России. Что касается содержательной стороны, то в литературных произведениях в духе общероссийских тенденций воспевалось укрепление социально-трудовой дисциплины, наставничество во время производственных заданий, благосклонное отношение к государственным инициативам, коллективистские идеалы, принципы равенства и товарищества, идеи общественного блага, такие качества личности и психолого-поведенческие характеристики, как добросовестность, дисциплинированность и самопожертвование. Тогда как частнособственнические интересы, злоупотребления и злободневные явления жизни изобличались и решительно осуждались.

В конечном итоге укажем, что вологодское литературное поле советского периода представлено не только известными писателями-деревенщиками, но и

писателями-заводчанами, писателями рабоче-промышленной сферы.

Литература

1. Богданов, В. В цехе / В. Богданов // Север: литературно-художественный сборник Вологодского отделения Союза писателей РСФСР. – Вологда, 1963. – С. 70.
2. Викулов, В. Литературный Череповец / В. Викулов // Вологодский комсомолец. – 1962. – 24 октября. – С. 4.
3. Викулов, В. Череповчане в Севере / В. Викулов // Коммунист. – 1973. – 5 мая. – С. 3.
4. Гура, В. Жизнь и вологодские писатели / В. Гура // Красный Север. – 1960. – 5 февраля. – С. 2.
5. Гура, В. Форум писателей-вологжан / В. Гура // Красный Север. – 1964. – 15 ноября. – С. 3.
6. Дюжев, Ю. Так начиналось... / Ю. Дюжев // Север. – 1969. – № 7. – С. 116–119 // ВОУНБ. Проект «Память Вологды». Вологда. Советский Период. – URL: https://www.booksite.ru/vologda_sovet/1917-1929_181.html (дата обращения: 31.10.12). – Текст : электронный.
7. Кибардина, А. Писатели отчитываются [С отчетно-выборного собрания Вологодской писательской организации] / А. Кибардина // Красный Север. – 1976. – 22 апреля. – С. 4.
8. Кибардина, А. Разговор о литературе и жизни / А. Кибардина // Красный Север. – 1958. – 19 сентября. – С. 4.
9. Козлов, В. Разговор о творческой работе / В. Козлов // Красный Север. – 1966. – 13 мая. – С. 4.
10. Коротаев, В. Дела наши / В. Коротаев // Красный Север. – 1976. – 4 апреля. – С. 2.
11. Коротаев, В. У светлых родников / В. Коротаев // Литературная газета. – 1975. – 10 декабря. – С. 3.
12. Котов, М. Открытое письмо товарищу / М. Котов // Гвардейцы труда. – Вологда, 1974. – С. 19–24.
13. Непеин, Б. Первая литературная поросль / Б. Непеин // Красный Север. – 1981. – 22 июля. – С. 3.
14. Непеин, Б. Стихи о Северной пятилетке / Б. Непеин // Красный Север. – 1930. – 2 февраля. – С. 3.
15. Радости, заботы и огорчения молодых: «Круглый стол» в Вологде. – Беседу провел критик Ал. Михайлов с членами Вологодской писательской организации. // Литературная Россия. – 1974. – 25 октября (№ 43). – С. 17–18. – URL: https://www.booksite.ru/vologda_sovet/1964-1985_184.html (дата обращения: 31.10.2024). – Текст : электронный.
16. Романов, А. В цехе / А. Романов // На родных просторах : литературно-художественный сборник. – Вологда, 1954. – С. 78.
17. Романов, А. Здравствуй, Новый трудовой! / А. Романов // Красный Север. – 1950. – 1950. – 1 января. – С. 3.
18. Романов, А. Инженер / А. Романов // Красный Север. – 1950. – 17 сентября. – С. 3.
19. Романов, А. Ответственность писателя / А. Романов // Красный Север. – 1966. – 10 апреля. – С. 7.
20. Романов, А. Свет писательского слова / А. Романов // Политическая информация. – 1971. – № 10. – С. 25–27.

21. Столетова, А. С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера : монография / А. С. Столетова ; Министерство науки и высшего образования РФ, Вологодский государственный университет. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 143 с.

22. Столетова, А. С. Военные дневники и письма писателя А. Я. Яшина как документы эпохи / А. С. Столетова // Вопросы истории. – 2019. – № 12 (4). – С. 21–33. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201912Statyi92

23. Столетова, А. С. Деятельность писателя С. В. Викулова в аспекте развития вологодской литературной школы периода 1950–1960-х гг. / А. С. Столетова // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 3. – Т. 24. – С. 74–78.

24. Столетова, А. С. Идеологическая кампания против писателя А. Я. Яшина, инспирированная властью в первой половине 1960-х гг. / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2019. – № 1 (12). – С. 47–50.

25. Столетова, А. С. Образование и деятельность Вологодской писательской организации в 1950–1960-е гг. [Электронный ресурс] / А. С. Столетова // Вопросы территориального развития. – 2013. – Вып. 1 (1) (эл. журнал). – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1313/full> (дата обращения: 31.10.2024). – Текст : электронный.

26. Столетова, А. С. Общественные горизонты и мировоззренческие позиции писателя В. Ф. Тендрякова (на примере очерка «Падение Ивана Чупрова») / А. С. Столетова // Новые исторические перспективы. – 2020. – № 3. – С. 99–106.

27. Столетова, А. С. От станка к писательскому столу: о творческом пути поэта А. А. Сухарева / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2024. – № 3. – С. 30–35.

28. Столетова, А. С. Русская деревня в жизни и творчестве В. И. Белова в 1960-е гг. / А. С. Столетова // Вопросы истории. – 2018. – № 12. – С. 111–119. – DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201812Statyi03.

29. Столетова, А. С. Трансформация социалистического мировоззрения писателей-деревенщиков и идеологическая основа остросоциальных произведений о крестьянском укладе жизни Русского Севера / А. С. Столетова // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 135–139. – DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-4-135-139.

30. Столетова, А. С. Советский писатель на фронте: военная дорога А. Я. Яшина / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2021. – № 4 (23). – С. 35–39.

31. Сушинов, А. Для заводского сада / А. Сушинов // Сталинская молодежь. – 1955. – 18 июня. – С. 3.

32. Сушинов, А. Расти новым талантам / А. Сушинов // Красный Север. – 1970. – 18 марта. – С. 4.

33. Сушинов, А. У вологодских литераторов / А. Сушинов // Красный Север. – 1969. – 15 апреля. – С. 4.

A.S. Stoletova

“INDUSTRIAL” THEMES IN THE FICTION TEXT OF VOLOGDA WRITERS IN THE 1920–1970S.

The article shows how the “industrial” theme in creative writing was developed in the writers’ community of the Vologda region, the homeland of “village prose”. The most significant works and names of the writers who worked in the urban and industrial styles are given. The author comes to the conclusion that the government tasks and labor-focused social life of Soviet citizens determined the special topics of the production plan. However, for the Vologda literary activists, factory and plant plots did not become popular and were not widely involved in the literary text.

Vologda Writers’ Organization, industrial topics, “urban prose”, workers’ daily routine, industrial society, worldview.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБСУЖДАЕМ МОНОГРАФИЮ

УДК 82.09

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

М.В. Догаева

Ростовский-на-Дону филиал ВГИК

О.Р. Миннуллин

*Донецкая государственная музыкальная академия им. С.С. Прокофьева,
Донецкий государственный университет*

ПЕРИПЕТИИ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТОВ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА В ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАНИЯХ (о монографии Л.В. Егоровой «Издать и перевести невозможное: из истории “Колымских рассказов”»)

В статье предложен критический обзор монографии Л.В. Егоровой, посвященной первым публикациям произведений Варлама Шаламова в иностранных изданиях, сложностям публикации произведений за рубежом и перипетиям, связанным с редактурой авторского текста. Исследователь проводит детальный анализ оригинального текста рукописей писателя, публикаций в «Новом журнале» под редакцией Романа Гуля и сборника произведений Шаламова, изданного Михаилом Геллером. Также в книге Л.В. Егоровой предложено внимательное прочтение перевода колымской эпопеи на английский язык, осуществленное Джоном Глэдом, содержащее стремление воссоздать подлинную атмосферу авторского мировосприятия и глубокое понимание художественного почерка русского писателя.

Варлам Шаламов, «Колымские рассказы», Л.В. Егорова, «Новый журнал», трудности перевода, стилистические правки, Джон Глэд.

Монография Л.В. Егоровой «Издать и перевести невозможное: из истории “Колымских рассказов”» [3] представляет собой обширное и глубокое исследование истории первых публикаций произведений Варлама Шаламова за рубежом. В книге предложен последовательный анализ редактуры его произведений издателями эмигрантских журналов, а также филологическое погружение в тонкости художественного переложения лагерной эпопеи на английский язык. Исследователь проникает за завесу тайн судьбы шаламовских рукописей: передача текстов за рубеж, самовольство редакторских правок, трудности перевода... Особо ценным и филологически увлекательным является внимательный разбор первого масштабного перевода «Колымских рассказов» на английский язык, который открыл творчество автора для британских и американских читателей.

Автор исследования тщательно прослеживает нюансы вариативности шаламовских текстов, обнаружившиеся при первых публикациях в «тамиздате» и повлекшие последующие стилистические и смысловые изменения в переводах. Таким образом, книга Л.В. Егоровой – это еще и своеобразный путеводитель в мир языка колымской эпопеи Шаламова. В монографии предложен конкретный лингвостилистический анализ отдельных рассказов, представлена широкая текстологическая база для дальнейших исследований иностранных публикаций писателя.

Книга «Издать и перевести невозможное...» состоит из четырех глав. Первая посвящена редактированию произведений Шаламова Р. Гулем в «Новом

журнале», во второй – речь идет о редакции М. Геллера, в третьей – о переводах Джона Глэда, в четвертой главе сформулированы некоторые перспективные задачи шаламовской текстологии.

Первая часть исследования знакомит читателя с подлинно шпионской историей передачи рукописей В. Шаламова за границу. Здесь предложено столь необходимое в работах подобной направленности погружение в контекст. На страницах книги появляются имена Кларенса Брауна, Джеймса Биллингтона, Сиднея Монаса, всех тех, кто, возможно, был причастен к отправке рукописей писателя за рубеж. Л.В. Егорова воспроизводит сложности, сопутствующие этому процессу, передает фактически детективную атмосферу, в которой развиваются события. «Далее последовала сцена из второразрядного триллера. Я вышел из подъезда в обычно пустой двор жилого квартала. На всех четырех углах стояло по человеку в плаще» [1, с. 443], – так вспоминает Кларенс Браун момент, когда Н.Я. Мандельштам вручила ему некоторые рукописи, которые необходимо было вывезти из СССР. Л.В. Егорова воссоздает картину жизни писателя и страны в целом в ту эпоху, погружает читателя в экзистенциальное ощущение человека этого, надо думать, безвозвратно ушедшего времени. Это становится своеобразной «настройкой» для восприятия дальнейшего текста исследования.

Главное же внимание в этой части работы справедливо уделено редакторской переработке авторского оригинала, которым злоупотреблял первый издатель шаламовских рассказов Роман Гюль. Анализируя

правки, которые он внес в исходные тексты Шаламова, исследователь приходит к неутешительному выводу о совершённом насилии над текстами писателя, искажении его стиля, художественного и философского замысла. Достоверно неизвестно, почему издатель не только пренебрегает последовательностью рассказов, установленной самим автором (Шаламов, как не единожды подчеркивает Л.В. Егорова, был тогда еще жив!), но позволяет себе и значительные текстологические правки. Автор монографии указывает на «самовольство» Р. Гуля, предполагая, что подобная свобода его действий является попыткой адаптации сложного и самобытного текста писателя для неподготовленного зарубежного читателя. Оправдывает ли это редактора? Однозначного ответа на этот вопрос нет.

С одной стороны, для редактора «Нового журнала» проза Шаламова, по слову автора монографии, оказалась «непреодолимым стилистическим барьером». Л.В. Егорова приводит воспоминания И.П. Сиротинской, указывающие на реакцию самого писателя на подобное «самоуправство»: Шаламов, по свидетельству Сиротинской, был «очень недоволен, он был просто в бешенстве» [3, с. 27]. Р. Гуль, действительно, не просто изменил установленную очередность рассказов, но и значительно исказил их смысловую наполненность, неоправданно пропуская значительные части рассказов, трансформируя пунктуационную картину шаламовского текста. Примерами здесь служат рассказы «Сентенция», «Посылка», «Кант», «Сухим пайком» и др. Л.В. Егорова проводит подробное сопоставление собрания сочинений Шаламова и публикаций «Нового журнала» для яркой демонстрации внесенных правок. Аналитик категорична в оценке работы первого издателя Шаламова за границей.

С другой стороны, справедливый гнев ученого и читателя можно несколько смягчить: история (провидение?) в тот конкретный момент судьбы «Колымских рассказов» – у книги, как и у человека, конечно, есть своя судьба – «выбрала» Р. Гуля. Так или иначе, им было сделано немало на ухабистом пути Шаламова к читателю. Хорошо ли, плохо ли, но он выполнил свою важную миссию в популяризации наследия автора колымской эпопеи, но публикации «Колымских рассказов» в «Новом журнале» стали вехой в судьбе книги.

Вторая глава исследования посвящена редакции текстов В. Шаламова М. Геллером, состоявшейся после передачи ему прав на издание Р. Гулем в 1974 году. Л.В. Егорова подчеркивает: «Геллер был первым, кто написал конструктивную критическую статью о “Колымских рассказах”» (Там же, с. 83). Подобное уточнение уже в достаточной мере характеризует эту публикацию как более удачную, художественно осмысленную, целостную и соответствующую авторскому замыслу, ведь именно М. Геллер издает «Колымские рассказы» книгой, не разрывает полотно повествования на мелкие отрывки. Редактуре М. Геллера в исследовании справедливо воздается должное. Понимание М. Геллером того, что «Колымские рассказы» – событие не только большой художественной силы, но «прежде всего свидетельство», которое так же, как факт искусства, нельзя подправлять на свое усмотрение, определило более деликатное, а где-то близкое к пиететному отношение к текстам писателя.

Л.В. Егорова обращается к многочисленным воспоминаниям людей, причастных к публикациям и переводам В. Шаламова, в том числе М. Геллера. Так, автор приводит его слова о том, что ссылка была даже не адом: «В аду наказывают грешников, в аду мучаются виновные. Ад – торжество справедливости. Колыма – торжество абсолютного зла» [2, с. 8]. Это позволяет глубже погрузиться в мир писателя и верно сориентироваться в системе философских и художественных координат его творчества. В отличие от своего предшественника, М. Геллер хорошо чувствует особенности текста Шаламова, его глубокую философичность и поэтичность прозы писателя. Об этом ярко свидетельствует вступительная статья издателя, обзор которой сделан в монографии Л.В. Егоровой.

В исследовании последовательно излагается и осмысливается история издания лондонской книги рассказов, очередность циклов, основанная на хронологическом и биографическом принципах. Структура, предложенная М. Геллером, не полностью повторяет авторский замысел, однако на фоне самовольной редакторской логики Р. Гуля, его расположение выглядит понятным и оправданным. Отдельная часть второй главы посвящена статье М. Геллера «Полнос лютоости: Варлам Шаламов», которую тот включает в свою книгу «Концентрационный мир и советская литература». Это попытка осознать целостную картину «лагерной» прозы как культурного феномена и вписать в ее парадигму творчество писателя.

При этом основное внимание исследовательницы, как и в первой части работы, сфокусировано на трансформации текста в издании. Например, в «Прокураторе Иудеи» М. Геллер иначе трактует концовку. В публикации: «через семнадцать лет после распятия Понтий Пилат забыл имя Христа», тогда как у В. Шаламова звучит именно «забыл Христа». Эти, на первый взгляд, незначительные правки на самом деле существенно влияют на структуру текста, его восприятие, а в конечном счете и на целостный смысл произведений писателя. Рассматриваются и изменения в названиях рассказов: М. Геллер издает «Причал в аду» наперекор исходному «Причал ада», «Надгробное слово» превращается в «Эпитафию». Л.В. Егорова стремится выяснить причины подобных подмен, определить все источники, которые использовал М. Геллер, определить, обращался ли он к переводам, присутствует ли в его публикации цитирование «по памяти».

Третья глава книги посвящена переводам Джона Глэда. Как и предыдущие части исследования, она открывается небольшой биографической справкой о жизни самого переводчика, содержащей подробности о том, что подтолкнуло его к знакомству с «Колымскими рассказами» и переводу такого сложного текста. Джон Глэд был славистом, работал над творчеством русскоязычных писателей, что и вводит его в круг советских писателей-эмигрантов. Одним из крупнейших его исследований становится книга «Беседы в изгнании: русские писатели за границей». Отсюда и интерес к запрещенной в Советском Союзе литературе, стремление познакомить с ней западного читателя.

Л.В. Егорова указывает, что Джон Глэд после первого знакомства с рассказами В. Шаламова почувствовал в них силу истинного искусства, отсюда его

трепетное отношение к стилистике текста при переводе. При этом очевидно, что Джон Глэд в качестве первоисточника использовал и редакцию Р. Гуля в «Новом журнале», и публикацию М. Геллера, при этом старался сохранить подлинный авторский стиль, невероятным чутьем угадывая то, что действительно хотел сказать писатель и что порой было искажено редакторами. Джон Глэд переводит отсутствующие у Р. Гуля «Ночью», «Инжектор», «Магию» и другие, исправляет «Рауш-наркоз» Гуля на истинную шаламовскую «Шоковую терапию».

Л.В. Егорова показывает, что именно благодаря стараниям Джона Глэда состоялась первая публикация «Колымских рассказов» в России. Опираясь на личные беседы с супругой Джона Глэда, Ларисой, Л.В. Егорова подробно повествует о неутомимой работе энтузиаста по знакомству американского читателя с «Колымскими рассказами», в том числе о поисках подходящего издательства. Глэд способствовал и выходу произведений Шаламова на Родине: с инициативой скорейшей публикации уже в перестроечное время, в 1987 году, переводчик обратился к главному редактору «Нового мира» Сергею Залыгину. Не прошло и года, как на страницах этого журнала появилась подборка «Колымских рассказов».

Исследователь представляет читателю подробный сопоставительный анализ текста собрания сочинений В. Шаламова и переводов Джона Глэда, особенно уделяя внимание наиболее труднопереводимым местам, метафорам и жаргонизмам. Так, она приводит в качестве одного из примеров рассказ «Кант», где кант – легкая, не столь изнурительная работа, которая у Джона Глэда превращается в «pushover job» – более нейтральный, но более доступный англоязычному читателю вариант, жаргонное «лоб» (рослый) – в более мягкое «husky man».

В другом случае исследователь констатирует несоответствие перевода повествования о действительных реалиях жизни заключенных на Колыме. Так, две ложки каши неожиданно превращаются в «meat and vegetables» (мясо и овощи) у Глэда, что естественно было просто невысказано в условиях существования в сталинском лагере. Различия в общей картине звучания оригинала и перевода обусловлены еще и синтаксической разностью языков: емкое хлесткое «Надо быстрее!» (экономия сил заключенными ощущается у В. Шаламова даже в таких деталях) превращается в грамматически верное, но слишком растянутое «You'll have to work faster» у Глэда (рассказ «Одиночный замер»).

При этом Л.В. Егорова отмечает, что Джон Глэд не стремится передать такие бытовые реалии лагерной жизни, как «заклопленность», «завшивленность», эти слова вместе со всем предложением исключаются из перевода. Монография дает представление о том, какая громадная и глубокая работа с текстами рассказов была проведена Глэдом. Несмотря на то что некоторые отдельные предложения были упущены, переводчик старается работать с текстом бережно, подбирает наиболее точные языковые соответствия, эквивалентные выражения, дает краткие пояснения для англоязычных читателей, чтобы те смогли понять истинную суть текста и его смысла.

В заключительной части книги Л.В. Егорова формулирует актуальные задачи для современного шаламоведения: необходимость создания комментированного академического издания собрания сочинений писателя по-русски (по типу англоязычного издания Дональда Рейффилда, но более полного, детального и точного); создание открытого виртуального архива рукописей Шаламова, ввиду неумолимого ветшания оригиналов этих рукописей; размышляет о насущных проблемах текстологии произведений колымской эпохи. Например, в собрании сочинений 2013 года редакторы регулярно переправляли выразительное шаламовское тире, которое для писателя не столько специально-пунктуационный, сколько интонационно-смысловый знак, художественно-стилистически связывающий его письмо с линией советского авангардизма. Исследовательница советует вернуть устраненные тире на их законные места. По справедливому мнению Л.В. Егоровой, неточное цитирование Шаламовым чужих произведений в названном собрании сочинений также переправлялось неоправданно (например, цитата из тютчевского «Цицерона» в рассказе «Шерри-бренди»). Деформированная цитата – одна из характерных примет «лагерной прозы».

Монографическое исследование Л.В. Егоровой – это масштабная сопоставительная текстологическая работа, заключающая в себе ретроспективный анализ зарубежных публикаций текстов В. Шаламова, как на русском, так и на английском языках. Стремление определить первоисточники изданий, переводов произведений писателя позволяет воссоздать историю знакомства с его рукописями за рубежом, степень правок исходного текста и перипетии его бытования. Подробный лингвостилистический анализ дает возможность погрузиться в мельчайшие детали текста, увидеть то, каким образом может меняться контекст от, казалось бы, незначительных пунктуационных и синтаксических изменений. После прочтения монографии отчасти становится понятным негодование, выраженное писателем в скандально-известном «покаянном письме» 1972 года, его сложное отношение к «тамизадту». Всё это позволяет охарактеризовать книгу Л.В. Егоровой как полезную и для исследователей творчества писателя, и для того широкого круга читателей, которые интересуются «лагерной прозой», «тамиздатом» и, вообще, судьбами писательских рукописей в литературной жизни XX столетия.

Литература

1. Браун, К. Воспоминания о Н. Я. Мандельштам и беседы с ней / К. Браун ; перевод с английского В. Литвинова // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / составитель П. Нерлер. – Москва : АСТ, 2015. – С. 434–483.
2. Геллер, М. Я. Предисловие / М. Я. Геллер // Шаламов В. Т. Колымские рассказы. – London : Overseas Publications Interchange, 1978. – С. 5–16.
3. Егорова, Л. В. Издать и перевести невозможное: из истории «Колымских рассказов» / Л. В. Егорова. – Вологда : ВоГУ, 2024. – 251 с.
4. Егорова, Л. В. «Колымские рассказы» В. Шаламова в переводах Дж. Глэда и Д. Рейффилда / Л. В. Егорова // Вопросы литературы. – 2022. – № 1. – С. 90–104.

M.V. Dogaeva, O.R. Minnullin

**PERIPETIES OF PUBLICATIONS OF VARLAM SHALAMOV'S TEXTS IN FOREIGN EDITIONS
(on L. Egorova's monograph "To Publish and Translate the Impossible: From the History of *Kolyma Tales*")**

The article offers a critical review of the monograph by L.V. Egorova, dedicated to the first publications of Varlam Shalamov's works in foreign editions and the difficulties of their publication and the vicissitudes connected with editing the writer's text. L.V. Egorova conducts a detailed analysis of the original text of the writer's manuscripts, the publications in the *New Review* edited by R. Gul and the collection of Shalamov's works published by M. Geller. L.V. Egorova carefully investigates the translation of the *Kolyma* epic into English, done by John Glad who tried to recreate the true atmosphere of the writer's worldview and a deep understanding of the literary style of the Russian writer.

Varlam Shalamov, *Kolyma Tales*, L.V. Egorova, "The New Review", translation difficulties, stylistic corrections, John Glad.

Н.С. Зелезинская

Белорусский государственный университет

НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ КАК ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ:

Л.В. Егорова. «Издать и перевести невозможное:

из истории «Колымских рассказов»» Вологда: ВоГУ, 2024. 251 с.

В статье даны обзор содержания и оценка результатов монографического исследования профессора Вологодского государственного университета д.ф.н. Егоровой Людмилы Владимировны «Издать и перевести невозможное: из истории «Колымских рассказов»», освещающего неизвестные страницы судьбы рукописи Варлама Шаламова за рубежом. Отмечается актуальность и новизна исследования, выявляется его место в критической литературе о творчестве В. Шаламова. Статья фокусируется на методологии исследования, в основу которого положена категория непереводимости, воспринимаемая и оперируемая Л.В. Егоровой не столько как проблема переводоведения, сколько как способ обращения к сопоставляемым текстам на разных лингвистических и экстралингвистических уровнях. Удерживая внимание в рамках данного подхода, статья уделяет особое внимание текстологическому и сравнительно-сопоставительному анализу, выявляющему и объясняющему расхождение оригинала «Колымских рассказов» и их опубликованных журнальных версий в редакциях Р.Б. Гуля и М.Я. Геллера и в первом англоязычном переводе Джона Глэда, а также контекстуальному анализу, с помощью которого Л.В. Егорова проблематизирует бытование рукописи В. Шаламова за рубежом. Отмечается стремление автора монографии осознать перипетии рассказов и в свете широкой философской проблематики: эстетики исчезновения, теории релятивности и субъективности истины, категорий ностальгии и эскапизма, культурной чувствительности эпохи.

В. Шаламов, «Колымские рассказы», Джон Глэд, Р. Гуль, М. Геллер, художественный перевод, непереводимость, текстологический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, контекстуальный анализ.

Литературоведение конца XX – первых десятилетий XXI вв. переживает острый интерес к произведениям на стыке беллетристики и литературы факта: мемуаристике, воспоминаниям, (авто)биографическому роману, в том числе – к лагерной прозе. Этот фокус внимания формируется в дискурсе культурной, социальной и исторической памяти, объединившем сегодня все гуманитарные науки. Лагерная проза также актуализирована в современном сознании эстетикой исчезновения как «локальной тематикой катастрофического исторического опыта», так и теорией чувственности в условиях практик и политик тоталитарных режимов, задающей локальный концепт «без вести пропавшего» [5, с. 170–172]. Эстетика исчезновения сопряжена с проблематикой релятивности и субъективности истины, с концептами видимости и кажимости, ностальгии и эскапизма, с ощущениями утраты, потерянности, отсутствия, сокрытия, обнаружения и уничтожения как следствием фундаментальной потери ориентации. Если же верить в то, что история разворачивается циклично, то самоочевидны причины обращения к жизни и творчеству писателей, объединенных общим «мертвым домом» [7, с. 34]: Леонида Бородина, Сергея Граховского, Юлия Даниэля, Юрия Домбровского, Владимира Дубовки, Анатолия Жигулина, Петра Пелегошки, Казимира Свѣтки, Варлама Шаламова, Даниила Шумука. Как бы то ни было, любые теории интерпретации прошлого, работая как мифотворче-

ство, помогают нам примириться с историческими (обычно трагическими) событиями и перейти к определению себя в текущем моменте и представлении о себе в будущем.

Таким образом, бурное развитие шаламоведения в последние десятилетия видится не как феномен, вещь в себе, но как часть общего движения гуманитарной мысли. И вместе с тем не может не впечатлять, как много было сделано за два-три десятилетия благодаря усилиям Ф. Апановича, Е.В. Волковой, Н.В. Ганущак, М.В. Головизнина, В.В. Есипова, Е.Ю. Михайлик, И.П. Сиротинской, С.М. Соловьева, Л.Г. Юргенсон и других ученых. Обращает на себя отдельное внимание безостановочная исследовательская и просветительская работа в родной писателю Вологде. В 2024 г. вышла монография профессора Вологодского государственного университета Л.В. Егоровой, посвященная истории и текстологическим проблемам первых русскоязычных публикаций «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова за рубежом и их первому переводу на английский, выполненному Джоном Глэдом. Связь двух тем гораздо теснее, чем может показаться на первый взгляд: согласно научной гипотезе автора, в основе отклонений переводного текста от оригинала лежит некорректная работа с вывезенной за границу рукописью Шаламова на предыдущих этапах, а именно при отборе материала и его редактировании Р.Б. Гулем и М.Я. Геллером для русскоязычных изданий – нью-йоркского «Нового журнала» (1966–1976)

и лондонского «Overseas Publications Interchange» (1978) соответственно.

Монография структурирована согласно логике выполнения / оценки перевода. На первом – предпереводческом – этапе решаются две задачи. Первая – рассмотреть литературные контексты, необходимость чего обусловлена не только релевантностью информации и необходимостью ввести непосвященного читателя в курс дела, но и недостаточной степенью ее проработанности в уже имеющейся литературе по творчеству Шаламова. Здесь важна **хронология всех этапов** (вывоза рукописи из СССР, редатуры, издания на русском языке, переводов и издания на иностранных языках, в частности, английском), **уточнение роли всех «действующих лиц этой истории»** (В.Т. Шаламова, Р.Б. Гуля, М.Я. Геллера, Дж. Глэда, К. Брауна, Дж. Биллингтона, А. Дремова, М.М. Карповича, С. Монаса, И.П. Сиротинской, А. Солженицына и многих других), поскольку о них существует подчас превратное представление. Рассказ о них «представляется необходимым для понимания как целостной картины, так и статуса каждого из участников происшедшего» [1, с. 7], **историко-политические контексты** (в частности, связь (не)публикаций рассказов на Родине с «оттепелью», поскольку, с одной стороны, знание современного читателя искажено мифами, связанными с этим периодом, с другой – неоднородность этого периода объясняет логику событий и решений).

Вторая задача – текстуальная. В ходе сопоставительного анализа Л.В. Егоровой были выявлены расхождения текста «Колымских рассказов» в собраниях сочинений, подготовленных И.П. Сиротинской, и изданного в «Новом журнале» текста на всех языковых уровнях: замена и перестановка слов, изменение пунктуации (которая ведет к потере интонационного рисунка прозы Шаламова), частичное выведение разговорной, диалектной, ненормативной, жаргонной, окказиональной лексики, трансформация синтаксических конструкций, опущения слов и предложений, работа с отдельными рассказами вне задуманных Шаламовым циклов – «всё ведет к тому, что Гуль нарушает контекстуальную коннотацию, разрушает стилистическую полифонию» (Там же, с. 38), а нередко приходит и к искажению денотативных значений. При чтении примеров не оставляет ощущение, что редактор стремится скрыть глубину авторской мысли, загнать «Колымские рассказы» в стандарт лагерной прозы (как она ему субъективно видится): исчезают размышления, отступления и реалии, действенный уровень повествования перекрывает концептуальный, а лагерный мир герметизируется из-за оборванных интертекстуальных связей, порезанных атрибутированных цитат и даже вычеркнутых сравнений из сфер, находящихся вне лагерного дискурса. Например, в рассказе «Сентенция» Л.В. Егорова отмечает исчезновение абзаца, уводящего мысль за бытовую повседневность («Нам не было дела до диалектического скачка перехода количества в качество. Мы не были философами. Мы были работягами, и наша горячая питьевая вода этих важных качеств скачка не имела» (Там же, с. 123)), но именно такие вещи специфичны у Шаламова и выделяют его из традиции лагерной

прозы, свойственной, например, А. Солженицыну. Л.В. Егорова отмечает «нацеленность Гуля на гладкость повествования», «его приверженность традиционному реалистическому письму – не “новой прозе”» [1, с. 62] и то, что, согласно Я. Клоцу, «для Гуля, эмигранта первой волны, “новая проза” Шаламова “оказалась непреодолимым стилистическим барьером”» (Там же). Несомненно, повлияло на оценку художественных достоинств текстов «Колымских рассказов» и восхищение прозой Солженицына, с которой Гуль и ровнял Шаламова. Рассказы не «соответствовали» заданному «образцу» «Архипелага ГУЛАГА», которому свойственны толстовская эпичность, мифологичность, психологический анализ, описательность, обстоятельность и недискретность. Отсюда редакторское искоренение из «Колымских рассказов» фрагментарности, многозначности, потока сознания, вставок из другого регистра, интонационных перебивок, что привело к стилистической нивелизации и «к разрушению не только поверхностной, но и глубинной структуры текста» (Там же, с. 227).

Нельзя, конечно, отрицать и профдеформацию, развившуюся у главного редактора ввиду «длинного периода единоначалия». «На мне лежит буквально все: и переписка с авторами, и правка рукописей (Вы же знаете, что многие рукописи нужно доводить до какого-то “литературного уровня”, и это самая проклятая работа)» (цит. по: [2, с. 87]). Проблема несправедности «отсутствующего» советского писателя за границей, впрочем, не является частным вопросом. Та же участь возста и последующей публикации без ведома автора постигла, например, автобиографический роман «Крутой маршрут» (1967, 1975–1977) Евгении Гинзбург. С другой стороны, и в произволе по отношению к «Колымским рассказам» Гуль не был одинок: Михаил Яковлевич Геллер, при всех имеющихся в исследовании оговорках, исходил из ситуации исчезновения автора и в целом поддерживал редакторскую политику Гуля. Л.В. Егорова отмечает, что под редакцией М.Я. Геллера оригинальный текст «Колымских рассказов» был изменен в значительно меньшей степени, чем Р.Б. Гулем, тем не менее, стратегия Геллера отражает его **дуалистическую позицию** по отношению к текстам Шаламова: высоко оценивая мастерство прозаика, Геллер, вместе с тем, поддерживает установки Р.Б. Гуля как в отношении авторского права, так и в отношении неизбежности правок в изданиях для зарубежной целевой аудитории, что проявляется непосредственно в тексте. «В некоторых случаях редакции Гуля и Геллера совпадают (с учетом видения того, что и как правил Гуль) и расходятся с вариантом Собрания сочинений» [1, с. 119]. Л.В. Егорова отдает должное стремлению Геллера сохранить авторский стиль (редактор высоко оценивал художественный уровень «Колымских рассказов»). В монографии процитированы выдержки из докладов, книг и бесед Геллера, говорящих о его стремлении к наибольшей полноте издаваемой книги (все же **не полноте замысла автора**, а полноте *свидетельства* советского «подземного мира», что явно переносит акцент с субъекта на объект). Не обойдено вниманием в монографии и значение деятельности Геллера как автора первой конструктивной критической работы о

«Колымских рассказах». Таким образом, достаточно дуалистична и оценка исследователем роли Геллера в «шаламавиане». Но при этом конкретика наблюдений и выводов у Людмилы Владимировны сочетается (как всегда!) с большим тактом. «Правка Романа Гуля воспринимается особенно фантазмагорично...» [1, с. 65], – пишет она о произволе редактора рукописи и том ущербе, который он нанес автору, произведению и читателю. Здесь логика монографии упирается в необходимость постановки вопроса о степени идентичности рукописи, переданной «за кордон», и рукописи, оставшейся в Советском Союзе. Этот вопрос всплывает на с. 119: «Не имели ли дело публикаторы и переводчик – в этом и других случаях – с вариантами рассказов? Ответ может дать только дополнительное текстологическое исследование» и на с. 136: «К Гулю же могла попасть неокончателная машинопись». Это не праздные вопросы, поскольку они не только переходят и в основную часть исследования, представляющую собой сравнительно-сопоставительный анализ перевода Джона Глэда с исходниками, но и резонируют в самом главном вопросе: **по какому тексту перевел Глэд?**

Во-первых, в 1978 году переводчик получил книгу непосредственно из лондонского издательства Overseas Publications Interchange. Можно предположить, что ее он и перевел.

Во-вторых, Глэд впервые познакомился с «Колымскими рассказами» публикациям в «Новом журнале», что выясняется из его докладов и книг.

В-третьих, в переводе Глэда вышли рассказы, отсутствующие в этих двух источниках, что предполагает наличие третьего. И действительно, к концу 70-х появились новые публикации в изданиях «Посев» и «Грани», а также иноязычные издания¹.

Как доказывает Людмила Владимировна, переводчик работает то с текстом в редакции Гуля, то в редакции Геллера, очень редко – по изданиям тех же лет в журналах «Грани» и «Посев», то демонстрирует не совсем понятную близость к собранию сочинений, изданному в России по рукописи Шаламова. Именно редакция Гуля становится основным источником: в случае присутствия одного и того же рассказа в двух редакциях, переводчик обращает к «Новому журналу», а к Геллеру – в случае отсутствия рассказа в «Новом журнале», в случае опущения Гулем предложения, и то не всегда, а только если это значительно искажает или затемняет смысл (показано на примере рассказа «Сентенция»). На страницах монографии разворачивается расследование, и результаты его себя совершенно оправдывают: предварительно проделанная работа приводит к совершенно новому уровню обращения к переводным текстам и адекватной оценке их качества.

Немаловажным фактором влияния является, конечно, и переводческая позиция, ясно очерченная самим Глэдом на конференции в Праге в сентябре 2013 г.

¹Для приближения к пониманию целостной картины было бы продуктивным пристальное чтение всех изданий русского зарубежья, публиковавших Шаламова: «Вестник русского студенческого христианского движения» (с 1974 г. – «Вестник русского христианского движения»), «Посев», «Грани», «Русская мысль», «Синтаксис», «Стрелец».

в докладе «Художественный перевод: теория и практика последнего запретного искусства (на материале “Колымских рассказов”):»:

Переводчик-художник, в отличие от переводчика газетной статьи, не может ограничиваться чистым плагиаторством, когда на корню вырезается сама среда – язык, – в которой обитает произведение. Провести такое хирургическое вмешательство – все равно, что удалить звуки из музыки или краски из живописи.

Но переводчики упорно исходят из ложной презумпции автоматического переноса качества оригинала на его иноязычный слепок. <...>

Банальное, казалось бы, выражение «искусство перевода» фактически таит в себе крамольный вызов литературному истеблишменту, который в лице своей практически бесчисленной агентуры литературоведов и критиков отказывает переводчику в праве соучаствовать в художественном процессе (выделено мной. – Н. З.). Они настаивают на тождестве перевода и оригинала вместо приблизительно-го равенства.

Взгляд «максималистов» в отношении художественного перевода сводится к тому, что, по возможности, нужно сохранить максимум от оригинала, – «работает» художественно такой перевод или нет. <...> Художественный перевод должен следовать своим законам. Художник, чтобы он был художником, должен творить, а не механически копировать отдельные части оригинала без учета новой, уникальной системности [1, с. 113].

Позиция переводчика, по существу, сводится к вольному переводу как прагматически более соответствующему идейной, художественной и эстетической составляющей оригинала.

Зная о позиции переводчика и об ограничениях, наложенных источниками на перевод, Л.В. Егорова переходит к системным и окказиональным переводческим решениям. Каждому из 55 рассказов отведен собственный подраздел, которые вкуче позволяют составить представление не только о высоком качестве перевода на синтаксическом, лексическом, фразеологическом, текстовом уровнях, но и о передаче особенностей шаламовской просодии, сохранении образности и своеобразия эмотивного пространства оригинала, авторских модальностей и атмосферы в художественном мире «Колымских рассказов». В высоких оценках с Людмилой Владимировной солидарны многочисленные читатели и специалисты, чьи мнения ею кропотливо собраны из разрозненных источников. Однако отметим, что автор монографии более избирателен, чем, скажем, упомянутый в книге принц Чарльз, эпитетами «отличные», «превосходные», «мастерские», «достойные» Л.В. Егорова награждает исключительно переводы, выполненные по Геллеру.

Л.В. Егорова указывает и на отдельные недостатки, не зависевшие от источника: сокращения, неоправданные модуляции на лексическом уровне, ошибочный перевод некоторых реалий, непереданные коннотационные значения антропонимов и др. Определенные ошибки, что теперь не удивляет, созвучны гулевским редукциям. Так, в примере, приведенном

на с. 118, исчезает упоминание Достоевского, в примере на с. 122 – Лоуренс как автор словосочетания, т.е. происходит то же сужение контекстов, что и в редакции Гуля. Общий вывод Л.В. Егоровой – у Глэда она не носит систематический характер.

Стилистическая нейтрализация в переводах Глэда также присутствует. Зачастую она объясняется лакунами в языке и чаще – в прогнозируемом уровне фоновых знаний английского читателя, иногда – в нежелании перегружать текст экзотизмами. Но есть и малообъяснимые решения, как, например, замена клички Ручкин (у инвалида без руки) на его фамилию. Перевод кличек – одна из наиболее простых ономастических задач для переводчика, и для Глэда, искусно превратившего Утробина-Угробина в *Nurder-Murder*, предложить что-то вроде *Handy* не составило бы труда. В рассказе «Бизнесмен» снова появляется герой с такой «кличкой-приметой» (ее давали каждому, у кого был какое-то повреждение верхних конечностей, как объясняет Шаламов). Переводчик не переводит ее как говорящее имя собственное, а использует объяснительный перевод, который следует сразу за объяснительным переводом данного лагерного феномена: «His name was “Ruchkin”; there were a lot of Ruchkins in camp. “Ruchka” means hand in Russian, and so “Ruchkin” became a common nickname. If they called you Ruchkin, that meant your hand was injured, not that your teeth were knocked out» [1, с. 151]. В новом переводе Рейфилда, кстати, стоит идеальное *Handyman*. Текст в два раза короче и в разы эстетичнее.

Обращает на себя внимание еще одно неверное ономастическое решение Глэда, касающееся имени главного героя «Колымских рассказов» (как мы знаем, тут наблюдается вариативность, и все варианты обладают широким семантическим радиусом). Имя Крист, во-первых, аллюзивно по отношению к имени Христа, во-вторых, выдуманно. Отношения *Christ* – *Chris* Джона Глэда, как и шаламовской пары Христос – Крист можно определить как частичную омонимию, но проблема в том, что вряд ли англоязычный читатель увидит в антропониме аллюзивность: имя *Chris* как раз достигло пика популярности в 70–80-е гг. и его аллюзивность была давно стерта, в отличие от окказионального Крист Шаламова. *Mikhail Lunin*, а также спорадическое добавление и опущение отчества не добавляют доверия к антропонимам Глэда (Там же, с. 184, 185). На наш взгляд, перевод антропонимов относится к системным ошибкам переводчика, проигнорированным Л.В. Егоровой.

«Творческая» позиция автора не всегда оправдывает себя: некоторые «улучшения» вызывают только недоумение (Я еще не успел промерзнуть, как машина начала тормозить – мост. *By the time our truck began to brake, I had virtually turned to ice.* «По-видимому, так колоритнее для читателя?» – иронично комментирует Л.В. Егорова (Там же, с. 158)).

Наиболее успешно свобода переводчика проявляет себя в синтаксических трансформациях. Проза Шаламова ритмично «дышит», сохраняет стилевую индивидуальность, демонстрирует широкий диапазон от лагерной лексики до высокого стиля, от функционального канцелярита до печальной иронии философской терминологии. Что касается реалий, стратегия

Глэда состоит в постоянном обращении к транскрипции с описанием, к комментарию непосредственно в тексте, реже – в сноске:

Пояснена фамилия Кривошей:

Приземистый, коротконогий, с толстой багровой шеей, слившейся с затылком, Павел Михайлович недаром носил свою фамилию.

Krivoshei's name meant “crooked neck” in Russian, and he was a stocky, short-legged man with a thick red neck that was all apiece with the back of his head. His name was no accident [1, с. 193].

Впрочем, прибегает Глэд и к опущениям. Так, в «Зеленом прокуроре» пропадают атрибутированная аллюзия на «Капитанскую дочку» и название бухты Провидения (Там же, с. 191).

Размышления на тему отсутствующего в переводе² в монографии соотнесены с понятием непереводимости, или, как в названии монографии – более амбивалентным «невозможности». На страницах исследования непереводимое/невозможное обретает три значения. Во-первых, непереводимое как непереуведенное – не ухваченное как целое, поданное читателю фрагментарно, вне соответствия с авторским замыслом. Субъективная редакция, произвольная выборка, насильственные опущения и модуляции, долгий путь к англоязычному читателю... Эту полувековую непереведенность Шаламова исследователь ощущает и проговаривает особенно болезненно, напрямую связывая литературные мотивы с биографическими: работа в стол и замалчивание на Родине, нарушение авторских прав за рубежом, присвоение гонораров³.

«Вторая» непереводимость – сложность шаламовского словаря, лагерной и бытовой лексики. Как пишет Кэтрин Браун (уже касательно нового рейфилдского перевода «Колымских рассказов»), *The current volume and its forthcoming companion will more than double the amount of Shalamov's work available in English, in Donald Rayfield's clear, idiomatic and sound translation (though no translator's English could render the roughness of блатной жаргон [criminal slang])* [4].

В третьем значении непереводимое связывается с экстралингвистическими факторами. Не будем много говорить о тех простых примерах неточно либо неверно переданных реалий, какие всегда найдутся в переводном художественном тексте (у Глэда, например, ложная этимология названия поселка «Ягодное» от фамилии главы НКВД, транскрибированное (!) стихотворение о Колыме – естественно, понятно читателю только слово *Kolyma* – или смешное превращение «красного уголка» в *lounge*, а пушкинской «мышью беготни» – в *nit-picking*). Гораздо больший интерес – на стыке переводоведения с психолингвистикой и когнитивистикой – представляют собой от-

² Глэд снимает и/или компенсирует стилистически окрашенную морфологию. Иногда опускаются не только слова и предложения, а целые абзацы и даже страницы, особенно это касается сборника «Графит», что, впрочем, может быть отнесено на счет произвола издателя. Недаром в предисловии Джон Глэд отмечал, что книга содержит лишь подборку рассказов Шаламова: «This book contains only a selection of Shalamov's stories» – как мы понимаем, не по вине переводчика [1, с. 107].

³ См. Александр Ригосик. «С ним обращались, как с мертвым...» // Варлам Шаламов сайт <https://shalamov.ru/authors/223.html>

меченные Л.В. Егоровой ситуации/случаи, когда язык позволяет найти соответствие, но переводчик не считает их введение нужным/возможным/адекватным. Приведенные примеры показательны:

– Геллер и Глэд не могут написать слово Бог с маленькой буквы, как в рукописи [1, с. 143].

– Джон Глэд вычеркивает «ненужную» Вологду: «Иркутск был моей Вологдой, моей Москвой. Irkutsk was my Moscow» (Там же, с. 145).

– У Шаламова сказано: *Впереди был лагерь, сзади – тюрьма. Это был «мир в дороге»*. «Перевод на английский язык “мира в дороге” требует выбора: *мир* – *world* (мир, вселенная, общество) или *peace* (мир, покой, спокойствие, тишина). Оба переводчика выбирают второе слово» (Там же, с. 200–201).

Благодаря многоуровневой интерпретации непереводимости Людмиле Владимировне удалось показать, что при некачественном исходном тексте, который был в распоряжении у Джона Глэда, переводчику удалось создать высокохудожественный текст, и англоязычный читатель, наконец, познакомился с выдающимся писателем. Этот факт не остался без общественного внимания: первая из книг вошла в пятерку лучших переводов 1981 года (второй, по некоторым свидетельствам, помешали опечатки).

Изданный текст монографии – как айсберг: напечатаны гипотезы, ход «расследования», выводы и необходимые доказательства, но вся огромная работа, проделанная исследователем, остается в черновиках как избыточная в готовой книге. А это не только полнотекстовое сопоставление трех русскоязычных версий и одной англоязычной, но и работа с рукописью, и анализ перевода Рейфилда, о чем дает представление краткий – как приложение – последний раздел «О справочном аппарате». Выводы монографии о произволе и предвзятости Романа Гуля, о концептуальной редукции авторского замысла в большей или меньшей мере коснувшейся обеих русскоязычных

зарубежных редакций, об ограниченности возможностей переводчика, работавшего не с оригиналом, и о высокой степени адекватности первого перевода «Колымских рассказов», сделанные со всей корректностью, логически и текстологически обоснованы и однозначны. Работа Людмилы Владимировны представляет собой прекрасный пример того, как тщательно проделанная текстологическая работа, представляющаяся многим вещью в себе, выводит исследователя на уровень прагматики и аксиологии, становится психологическим расследованием и этическим этюдом.

Литература

1. Егорова, Л. В. Издать и перевести невозможное: из истории «Колымских рассказов» : монография / Л. В. Егорова. – Вологда : ВоГУ, 2024. – 251 с.

2. Скарлыгина, Е. Ю. Роман Гуль и третья русская эмиграция / Е. Ю. Скалыгина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 81–90.

3. Шаламов, В. Собрание сочинений в шести томах + том 7., доп. / В. Шаламов ; составитель, примечание И. Сиротинской. – Москва : Терра–Книжный клуб, 2005.

4. Brown, C. Tales from the Gulag: Kolyma Stories: Volume One by Varlam Shalamov (Translated by Donald Rayfield). New York Review Books. 741 pp. / Literary Review. – Oct. 2018. – Accessed: <https://literaryreview.co.uk> Date of access: 10.07.2024.

5. Documentary Prose and the Role of the Reader: Some Stories of Varlam Shalamov // In Commitment in Reflection: Essays in Literature and Moral Philosophy, ed. Leona Toker. – New York : Garland, 1994. – P. 169–193.

6. Shalamov, V. Kolyma Tales / V. Shalamov ; transl. by J. Glad. – New York : Norton, 1980. – 223 p.

7. Thun-Hohenstein, F. “Document of the Soul:” Varlam Shalamov’s Documentary Writing in a Contemporary Context / Thun-Hohenstein, F. // Documentary Aesthetics in the Long 1960s in Eastern Europe and Beyond. Series: Studies in Slavic Literature and Poetics. – Vol. 67. – P.31–51. – DOI: https://doi.org/10.1163/9789004686427_003

N.S. Zelezinskaya

UNTRANSLATABILITY AS A RESEARCH PARADIGM:

Ludmila Egorova. “To Publish and Translate the Impossible: From the History of *Kolyma Tales*”: Monograph. Vologda, Vologda State University, 2024. 251 p.

The article reviews the monograph “To Publish and Translate the Impossible: From the History of *Kolyma Tales*” by Professor Ludmila Vladimirovna Egorova, Vologda State University. The monograph covers the unknown pages from the history of Varlam Shalamov’s manuscript abroad. The article emphasises the relevance and novelty of the study and reveals its place in the critical literature devoted to V. Shalamov’s work. The article focuses on the methodology of the monograph research, which is based on the category of untranslatability, perceived and operated by L.V. Egorova as a way of approach to the texts being compared at different linguistic and extra-linguistic levels rather than a problem of translation studies. This approach helps pay special attention to textual and comparative analysis, which reveals and explains the discrepancies between the original *Kolyma Tales* and its journal versions edited by R.B. Gul and M.Ya. Geller as well as the first translation into English by John Glad. It also provides contextual analysis, which helps L.V. Egorova examine the existence of V. Shalamov’s manuscript abroad. The author of the monograph seeks to understand the vicissitudes of the short stories in the light of broad philosophical issues: the aesthetics of disappearance, relativity and subjectivity of truth, the categories of nostalgia and escapism, and the cultural sensitivity of the epoch.

V. Shalamov, *Kolyma Tales*, John Glad, R. Gul, M. Geller, translation of fiction, untranslatability, textual analysis, comparative analysis, contextual analysis.

А.А. Сеничева

Вологодский государственный университет

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ: ВИЗУАЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В КНИГЕ Л.В. ЕГОРОВОЙ

В статье рассматриваются визуальные решения и семантические коды в оформлении и анализе книги Л.В. Егоровой «Издать и перевести невозможное: из истории “Колымских рассказов”». Особое внимание уделяется визуальному акценту в названии и его роли в создании модуса загадки и драматизма. Исследуется сопоставление оригинальных текстов В.Т. Шаламова с редакциями и переводами, а также анализируется, как эти изменения влияют на «душу текста».

В.Т. Шаламов, «Колымские рассказы», семантический код, перевод.

Паратекстуальные решения печатного издания играют важную роль в восприятии и интерпретации текста. Уже в названии книги Л.В. Егоровой «Издать и перевести невозможное: из истории “Колымских рассказов”» [1] наблюдается использование визуального акцента: приставка «не» выделена красным цветом. Это привлекает внимание читателя к модусу загадки, создавая ощущение неразрешимого противоречия. Противопоставление понятий «возможное» и «невозможное» заложено уже в заглавии работы, что усиливает драматизм и интригу, подчеркивая ключевую тему книги. Это противопоставление задает тон дальнейшему исследованию, в котором Егорова выступает как литературоведческий детектив, раскрывающий сложные аспекты переводов и редакций «Колымских рассказов». Визуальный элемент в названии книги становится первым шагом к погружению в глубокий анализ текста и контекста.

В качестве фона обложки Даниила Заботина был выбран черновик рассказа «Шерри-бренди». Смысловая структура этого произведения значительно обогащает паратекстуальные смыслы. «Шерри-бренди» представляет одну из вариаций мифа о смерти Осипа Мандельштама. Ключевой образ рассказа – умирающий поэт. Шаламов, будучи не только прозаиком, но и поэтом, передает в своих текстах особое поэтическое ощущение мира. Это своеобразный диалог поэта с поэтом, где на первый план выходят вечные вопросы о смысле и предназначении творчества. Герой находится в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Если смерть воспринимается на бытийном уровне, то жизнь в рассказе «была вдохновением, именно вдохновением» [6, т. 1, с. 103]. Рассказ становится метафорой судьбы интеллигенции и поэтов в сталинских лагерях, ставит акцент на смысл существования творческого человека, что отражает позицию самого Шаламова: «Он думает не для стихов, а для своей души. А когда душа и жизнь помимо него оказываются стихами, музыкой, картиной, это не зависит от его воли, это воля мира, какой-то части мира,

захотевшей говорить его языком» [2, с. 324]. Таким образом, обложка – это не просто визуализация пограничных понятий (жизнь/смерть, возможное/невозможное), а графическое воплощение культурного диалога о силе творчества, его предназначении, роли поэта и работе его бессмертной души, что усиливает и углубляет восприятие текста, делает акцент на непрерывности и трансцендентности творческого акта.

Эффект размещения портрета Шаламова в разрыве страницы кажется также неслучайным: изображение не полного портрета, а лишь глаз отсылает к известному афоризму «глаза – зеркало души». Метафорический уровень ассоциаций обогащается, и читатель вновь улавливает отсылку к природе отражения: души в тексте, писателя в переводах, автора в слове, личности в истории. Образ зеркала семантически связан со способностью смотреть и видеть. Всмотриваться не только в структуру, а пытаться разглядеть суть, нечто большее за привычными визуальными объектами.

Известный персонаж Мигеля де Сервантеса Дон Кихот проводит размышления о ремесле переводчиков, сравнивая их труд с фламандским ковром, рассматриваемым с изнанки: «хоть и видишь фигуры, они все же затуманены покрывающими их нитями, и пропадает вся окраска и гладкость лицевой стороны» [5, с. 353]. Этот метафорический образ четко иллюстрирует сложность передачи глубинных смыслов и эстетических особенностей оригинала в переводе. Парадоксально, что именно знаменитый рыцарь печального образа рассуждает о невозможности адекватного перевода. Перевод, как и подвиги самого Дон Кихота, представляет собой стремление к идеалу, которое всегда сопровождается неизбежными искажениями и потерями.

В этом плане «Колымские рассказы» можно назвать уникальным случаем, поскольку первое их издание за границей подверглось достаточно грубой редакции со стороны Р.Б. Гуля. И хотя это не является переводом, адаптированным на другой язык, скор-

ректированный текст представляет собой ту самую фламандскую «изнанку».

Исследования издательского опыта и переводов «Колымских рассказов» Шаламова можно сравнить с поисками «души культуры» по Шпенглеру: эти рассказы воплощают в себе результат переработки опыта конкретной исторической эпохи. «Колымские рассказы» были созданы в определенных условиях, без которых они бы никогда не появились, и являются результатом глубокой переработки опыта конкретного исторического ландшафта, пережитого автором «каждой порой кожи, каждым нервом своим» [6, с. 148].

Рассказы представляют собой яркое проявление «души культуры», воплощенной в тексте, и являются свидетельством «сокровенной, страстной борьбы за утверждение идеи против сил хаоса, давящих извне, против бессознательного, распирающего изнутри, куда силы эти злобно стянулись» [7, с. 264]. Благодаря своей установке на документальность, художественный мир «Колымских рассказов» обретает «глубоко символическую и почти мистическую связь с протяженностью, с пространством, в котором и через которое она (душа) ищет самоосуществления» (Там же, с. 264).

Анализ, который проводит Л.В. Егорова, – не просто исследование переводов, а попытка осмыслить ту самую «душу культуры» – душу текста. Основным методом ее исследования/расследования является сопоставление, которое позволяет выявить, как душа покидает или сохраняется в тексте при переводе. Сравнивая переводы с оригиналом, Егорова позволяет нам глубже понять и ощутить талант Шаламова, его мастерство в передаче «одушевления» текста.

Парадоксально, но следя за исчезновением души из художественного целого, мы наблюдаем обратный эффект обогащения образа – попытку осмыслить, что делает произведение одушевленным. Исследуя утраты и изменения, мы начинаем лучше понимать и ценить подлинную природу текста, его внутреннюю силу и культурную значимость. Именно через этот процесс критического анализа и сопоставления Егорова раскрывает глубинные слои произведений Шаламова, делая их доступными и понятными для широкой аудитории, одновременно сохраняя их уникальность и аутентичность. Это позволяет нам не только увидеть, но и почувствовать, как «душа» культуры проявляется и сохраняется в литературном наследии. В этом смысле автор выступает не просто фиксатором подвига, но соответствует литератору нового типа (по Ю.М. Лотману) – «исследователь, которому необходимо соединить широкое владение самостоятельно добытым эмпирическим материалом с навыками дуктивного мышления, вырабатываемого точными науками» [3, с. 100].

Первая часть книги посвящена сравнительному анализу первого издания «Колымских рассказов» в нью-йоркском «Новом журнале». Литературоведческий детектив проявляется на уровне структуры текста. Автор знакомит нас с контекстом, фиксируя возможные варианты попадания текста Шаламова Гулю. Для каждого из возможных «литературных агентов» составляется краткое досье, включающее годы жизни, место работы, образование, факты биографии и вер-

сию передачи текста. Отличительной чертой жанра детектива является сосредоточение сюжетного зерна на разгадывании тайны и мотивов преступления. В данном случае перед нами развернутый состав «преступления» – видоизменения / ухода души из текста в редакции Гуля.

Следуя за анализом Егоровой, можно обозначить несколько главных выводов об особенностях текста Шаламова. Во-первых, это единое целое цикла, нарушенное вопреки вектору авторской мысли. Во-вторых, это «особый семантический код», где знаки препинания отражают «внутренний смысл» [1, с. 30]. Ю.М. Лотман подчеркивает важность глубинного анализа произведения, когда знаковая единица не равна сама себе и выходит за рамки означаемого: «понятие “текст” для литературоведа оказывается значительно более сложным, чем для лингвиста» [4, с. 131]. Монография демонстрирует, как редакторские правки Гуля искажают исходный замысел Шаламова, изменяя семантический код текста. Это особенно явно в изменении использования знаков препинания, которые у Шаламова выполняют не только грамматическую, но и семантическую функцию, помогая читателю уловить внутренние смыслы и эмоции.

Кроме того, изменение вектора повествования указывает на фундаментальные различия в подходах Шаламова и Гуля к описанию быта. Шаламов создает микрокосмос, в котором каждое описание быта насыщено глубоким символизмом и отражает более широкие философские и культурные контексты. Гуль, напротив, снижает этот уровень до простого бытописания, лишая текст его «души».

Сравнительным отражением редакции Р. Гуля становится редакция М.Я. Геллера, который, несомненно, оценил «преступление» первого редактора и подошел к публикации с точки зрения исследователя. Людмила Владимировна посвящает отдельную главу личности, работе и редакции Геллера. Это дает возможность говорить о зеркальной структуре отражения не только на паратекстуальном и смысловом уровне, но и на структурном уровне книги. Следуя за хронологией событий, мы не просто погружаемся в историю, а невольно вслед за автором постоянно сравниваем семантику текстологических реальностей.

Освальд Шпенглер подчеркивал, что культура является ключевым элементом исторического процесса, в котором проявляется уникальное мировоззрение личности. В этом контексте перевод рассматривается как процесс интеркультурной интеграции, где каждый этап существования произведения находит отражение в его переводах. Переводы становятся неотъемлемой частью жизненного цикла текста, отображая его адаптацию и трансформацию в различных культурных контекстах.

«Колымские рассказы» Варлама Шаламова имеют сложную историю, включающую многочисленные переводы и редакции. Первые значительные переводы на английский язык были выполнены Джоном Глэдом, чья работа основывалась на редакциях Гуля и Геллера. Это создавало трудности при передаче национального колорита и внутренней «души текста». Дональд Рейфилд позднее выполнил полный перевод, сопровождаемый историко-культурным комментарием.

ем, что способствовало более глубокому пониманию произведения. Каждый новый перевод и редакция являются отражением восприятия произведения в различных исторических и культурных условиях, это подчеркивает важность культурного взаимодействия.

В соответствии с делением знаков на условные и изобразительные (по Ю.М. Лотману) «душа текста» в «Колымских рассказах» Шаламова раскрывается через взаимодействие разных типов знаков. Условные знаки представлены на лексическом, грамматическом и фонетическом уровне, где слова передают основные смысловые и эмоциональные аспекты произведения, включая символизм и культурные аллюзии. Изобразительные знаки включают паратекстуальные элементы, такие как визуальное оформление обложки, структурные особенности текста и графические акценты, которые дополняют и усиливают восприятие содержания. Работа Егоровой интегрирует условные и изобразительные знаки, представляя многослойное символическое пространство. Это создает эффект постоянного диалога со временем и обстоятельствами, где биографии редакторов и переводчиков становятся частью биографии художественного текста.

Сравнительный анализ различных фрагментов «Колымских рассказов» создает для читателя ощущение пребывания в пограничном состоянии между «жизнью» и «смертью» автора в контексте редакторских и переводческих интерпретаций. Такой методический подход позволяет выявить очертания «души текста». Литературоведческие исследования утраченного открывают новые перспективы для дальнейших

изучений, не завершая диалог, а продолжая его на разных языках и в разные эпохи.

Литература

1. Егорова, Л. В. Издать и перевести невозможное: из истории «Колымских рассказов»: монография / Л. В. Егорова. – Вологда: ВоГУ, 2024. – 251 с.

2. Емельянова, И. И. Легенды Потаповского переуллка. Б. Пастернак, А. Эфрон, В. Шаламов. Воспоминания и письма / И. И. Емельянова. – М., 1997. – 400 с.

3. Лотман, Ю. М. Литературоведение должно быть наукой / Ю. М. Лотман // Вопросы литературы. – 1967. – № 1. – С. 90–100.

4. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва: Искусство, 1970. – 384 с.

5. Сервантес Сааведра, Мигель де (1547–1616). Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский = El Ingenioso hidalgo Don Quijote De La Mancha: El Ingenioso hidalgo Don Quijote De La Mancha: с прибавлением «Лжекихота» Авельянеды: пер. «Дон Кихота» по изд. «Academia» 1929–1932 гг. под ред. Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова, посвящ. памяти проф. Дмитрия Константиновича Петрова / Мигель де Сервантес Сааведра; подготовил Н. И. Балашов [и др.]. – Москва: Наука, 2003. (Литературные памятники: ЛП / Рос. акад. наук). – 808 с.

6. Шаламов, В. Т. Собрание сочинений: в 6 томах: [+том 7, дополнительный] / В. Т. Шаламов; [составитель, подготовка текста, вступительная статья, примечание: И. Сиротинская]. – Москва: Терра: Книжный Клуб Книговек, 2013.

7. Шпенглер, Освальд (1880–1936). Закат Европы [Текст]: очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер; перевод с немецкого, вступительная статья и примечание К. А. Свасьяна. – Т. 1: Гештальт и действительность. – Москва: Мысль, 1998. – 666 с.

A.A. Senicheva

LITERARY DETECTIVE: VISUAL AND SEMANTIC SOLUTIONS IN L. EGOROVA'S BOOK

The article explores the visual solutions and semantic codes in the design and analysis of L.V. Egorova's book "To Publish and Translate the Impossible: From the History of *Kolyma Tales*". Special attention is paid to the visual emphasis in the title and its role in creating a sense of mystery and drama. The comparison between the original texts of V.T. Shalamov and their edited versions and translations is examined, as well as how these changes affect the "soul of the text".

V.T. Shalamov, *Kolyma Tales*, semantic code, translation.

Е.М. Луценко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Российская академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации*

**«ЧУМА НА ОБА ВАШИ ТЕАТРА»:
ТРАГЕДИЯ ШЕКСПИРА «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»
НА АНГЛИЙСКОЙ СЦЕНЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ**

В статье анализируется рецепция шекспировского творчества в первой половине XVIII века на примере двух адаптаций «Ромео и Джульетты» – Т. Сиббера и Д. Гаррика. Благодаря Гаррику пьеса Шекспира во многом восстанавливает свое оригинальное звучание и возвращается в театральный репертуар, заместив знаменитую адаптацию Т. Овуэя, которая главенствовала на английской сцене более 50 лет. Кроме того, Гаррик намного тщательнее, чем его предшественники, возвращает в текст пьесы петраркистскую образность Шекспира.

Шекспир, Гаррик, «Ромео и Джульетта», перевод, адаптация.

Вопрос о том, почему Гаррик решил показать зрителю свою версию шекспировской пьесы, детально исследован в англоязычном шекспироведении ([1; 2; 10]), однако в России филологические детали этой театральной истории малоизвестны, об истоках адаптации Гаррика «Ромео и Джульетты», если и говорится, то вскользь, и, скорее, в театроведческом контексте. Между тем именно версия Гаррика во многом определила бытование шекспировского сюжета на европейской, а впоследствии и русской сцене XVIII века.

В 1750 году в Лондоне была опубликована эпиграмма, в которой говорилось:

“Well what’s tonight?” says angry Ned,
As up from bed he rouses;
“Romeo again!” and shakes his head;
“Ah, Pox on both your houses!”
(цит. по: [10, p. 196])

«Ну-с, и что у нас сегодня?» – раздраженно спрашивает Нэд,
Едва поднявшись с кровати;
«Опять Ромео!» – сокрушительно качает он головой, –
«А, чума на оба эти театра!»
(Здесь и далее подстрочный перевод мой. – Е. Л.)

Речь шла о нашумевшей постановке «Ромео и Джульетты» Д. Гаррика 1748 года. Главные роли исполнили С. Барри и миссис Сиббер. Однако в 1750 году эти актеры ушли в Ковент-Гарден, где продолжали играть в одноименном спектакле, и Гаррик решил, что будет сам исполнять роль Ромео в Друри-Лейн, театре, которым он тогда руководил.

О состязании двух Ромео сохранилось несколько памятных свидетельств – особенно о том, какой образ создавали на сцене Барри и Гаррик: «Герой театра Друри-Лейн <...> современен, тогда как герой в Ковент-Гардене – воздыхатель Аркадии (the Arcadian wooer). И все-таки те, кто видели, как он [Гаррик] несколько раз нежно беседует со своей возлюбленной,

<...> должны были признать, что он именно тот Ромео, которого сочинил Шекспир» [4, p. 205].

Особенно по-разному исполняли эти актеры ночную сцену в саду Капулетти. Гаррик на цыпочках прокрадывался к балкону, как будто невзначай замечал Джульетту и начинал разговор с ней нежным шепотом, «словно вор в ночи» (Там же, p. 205). Барри, наоборот, бежал к балкону столь страстно и шумно, что имел все шансы разбудить даже самого ленивого слугу Капулетти. Критик из «The Gentlemen’s Magazine» в октябре 1750 года заключал: в Ковент-Гардене он видел спектакль «Джульетта и Ромео», тогда как в Друри-Лейн – «Ромео и Джульетту» (об этом см.: [10]).

Первый спектакль с участием Гаррика в роли Ромео состоялся в тот же вечер, когда пьесе Шекспира играли в Ковент-Гардене. Оба спектакля с успехом шли на сцене двенадцать дней подряд. Лондон бушевал, наблюдая соревнование двух Ромео. Но, судя по процитированной выше эпиграмме в «Daily Advertiser», не всем зрителям нравилось, что «Ромео и Джульетта» надолго вытеснили другие постановки.

Какие шекспировские издания знал Д. Гаррик?

Знал ли Гаррик истинную версию «Ромео и Джульетты»? Да, безусловно. В XVIII веке эта пьеса была опубликована в пятом томе собрания сочинений Шекспира под редакцией поэта и драматурга Николаса Роу. Для этого издания Роу написал первую внятную биографию Шекспира, ввел обязательный список действующих лиц, разделил пьесы на акты и сцены, указал место действия. В Посвящении Роу обещал представить читателю шекспировские тексты, исправленные от ошибок предшествующих изданий, а также прояснить ряд темных мест, сравнив их в нескольких изданиях. Однако эта работа не увенчалась успехом. Так, в основе «Ромео и Джульетты» – текст четвертого Фолио, самого ненадежного из всех, имеющих к этому времени.

Кроме того, в 1725 году вышло в свет восьмитомное собрание сочинений Шекспира под редакцией А. Поупа. «Ромео и Джульетту» Поуп поместил в восьмой том – вместе с «Гамлетом» и «Отелло». В 30–40-е годы один за другим выходят собрания сочинений Шекспира под ред. Л. Теобальда (1733), Т. Хэнмера (1744), У. Уорбертона (1747), которые Гаррику также мог держать в руках. Далее – под ред. С. Джонсона (1765), Эдварда Кейпела, Джорджа Стивенса (1773) и, наконец, самое известное – Эдмонда Мэлоуна (1790).

Известно, что Гаррику исполнял на сцене «Друри-Лейнский пролог» («Drury Lane Prologue», публ. 1747) С. Джонсона, в котором звучит оценка творчества Шекспира. О новаторстве Шекспира и его современности на века Джонсон говорит так:

When Learning's Triumph o'er her barb'rous Foes
First treat'd the Stage, immortal Shakespear toffe;
Each Change of many colour'd Life he drew,
Exhausted Words, and then imagin'd new:
Existence faw him spurn her bounded Reign,
And panting Time toil'd after him in vain...
[9, p. 85]

Когда впервые над своими варварскими врагами
Восторжествовало Знание, на сцене расцвел (гений) бес-
смертного Шекспира.

Шекспир запечатлел каждое движение разносторонней
жизни,

(А когда) ему не хватало слов, он придумывал новые:

Современность видела, что он презирает ее ограничи-
тельное правление,

И запыхавшееся время напрасно тщилось успеть за ним.

Согласно Джонсону, Шекспир презирал законы современности, далеко выходя за ее границы. Думается, это и похвала, и порицание. (Вспомним слова Поупа – Шекспир одновременно и лучший, и худший из всех авторов.) Все, что Вольтер считал недостатками в пьесах Шекспира, Джонсон называл достоинствами. По мнению Джонсона, Шекспир – выше всех авторов, он поэт природы (the poet of nature) (Там же, p. 122).

Итак, Гаррику с успехом исполнял на сцене «Друри-Лейнский пролог» Джонсона. Известно также, что с Гарриком активно сотрудничал и другой знаток Шекспира – Эдвард Кейпел (1713–1781), седьмой редактор шекспировских пьес, начиная с Николаса Роу. Кейпел полагал, что на сцену необходимо вернуть истинные тексты Шекспира, однако Гаррику его убежденности не разделял. О шекспировских ролях Гаррику Кейпел вспоминал не слишком уважительно: с его точки зрения, актер произносил шекспировский текст, не особенно вдумываясь в него. Кейпел, стремящегося к точности и документальности в своих изысканиях, явно смущало желание Гаррику адаптировать шекспировские пьесы под вкусы публики.

Несмотря на то что перед Гарриком было немало изданий подлинного текста «Ромео и Джульетты», для сцены того времени они не подходили. По шекспировскому тексту «Ромео и Джульетту» играли в театре только до Реставрации. (Традиция исполнения шекспировской трагедии после Реставрации восходит

к Томасу Отуэю.) Кроме того, в 1744 году Гаррику посмотрел одну постановку «Ромео и Джульетты», которая, хотя и возмутила его, но заронила в нем идею поставить собственный спектакль.

Адаптация Т. Сиббера

11 сентября 1744 года на сцене театра Хей-Маркет после длительного перерыва впервые была исполнена адаптация «Ромео и Джульетты» Т. Сиббера. Желая привлечь зрителей, Сиббер заявлял, что это первая постановка шекспировской пьесы за последние сто лет, и он имел в виду следующее. После смерти Шекспира пьеса шла на сцене только в 1662 году, после чего ее вытеснила адаптация Томаса Отуэя (1679). «Историю падения Гая Мария» все еще играли на сцене в первой трети XVIII века, один-два спектакля были даны в сезоне 1727 года, а последнее исполнение датировано 1735 годом, где роль Мария-младшего исполняла сестра Т. Сиббера. Всего с 1701 по 1735 год этот спектакль исполняли 31 раз [1]. В «Апологии» Сиббер так вспоминал об этом спектакле: «Пьеса успешно шла в вышеупомянутом театре двенадцать вечеров подряд. Я исполнял роль Ромео к большому удовольствию моих зрителей. Дженни каждый вечер все больше и больше вживалась в роль Джульетты. В зале всегда было много зрителей, и публика была очень учтива» [3, p. 74].

Дженни – дочь Сиббера от первого брака – играла роль Джульетты [1, p. 170]. Роль Кормилицы исполняла тетя Дженни, миссис Чарк. По словам Гаррику, пьеса была «вполне приличная» (tolerable enough), однако сама постановка – отвратительная и постыдная. Игра Сиббера, по мнению Гаррику, – единственное, ради чего стоило смотреть этот спектакль.

Гаррику полагал, что Сиббер опирается на текст Отуэя, что верно лишь отчасти (Там же, p. 171). Сиббер был знаком с пьесой Отуэя, но заимствовал из нее далеко не все [6, p. 167]. Переделка Сиббера совмещала в себе сюжеты «Истории падения Гая Мария», «Ромео и Джульетты» и «Двух веронцев», и, помимо этого, содержала собственные вставки Сиббера.

Пьеса Сиббера была опубликована в 1748 году. Пересказ ее сюжета содержится в «Хронике английского театра» [6]. Однако, на мой взгляд, гораздо важнее посмотреть не на события сами по себе, а на то, как Сиббер переписывает Шекспира, какие мотивировки добавляет к этому сюжету и что из него вычеркивает.

В версии Сиббера «Ромео и Джульетта» начинается с разговора старого Капулетти и Париса о предстоящей свадьбе (у Шекспира – 1, 3). Парис просит руки Джульетты: «I presume to ask, fair Juliet's Love» [3, p. 1]. Интересно, что Сиббер предлагает иную, чем у Шекспира, мотивировку того, почему старый Капулетти торопится выдать дочь замуж. Всею виной происки его врага – старого Монтекки, мечтающего поженить Ромео и Джульетту:

Montague, the ancient Enemy of our House,
Thinking our Power greater, Sir, than his,
Wish'd his Son Romeo, and our Daughter, married;
Which so increas'd the Anger of our Wives,
(Whose Quarrels we are ever apt to join in).

The Rage of civil War, broke out more fiercely;
And may prove fatal to his House or mine [3, p. 2].

Монтекки, старый враг нашего дома,
Думая, что наша власть сильнее, чем его,
Задумал женить своего сына Ромео на нашей дочери,
Что лишь усилило гнев наших жен
(К чьим распрям мы всегда готовы примкнуть).
Неистовство гражданской войны разыгралось еще сильнее
И может стать роковым как для моего дома, так и для
дома моего врага.

Однако эту мотивировку Сиббер заимствует у
Отуэя – из реплики Мария-старшего, противника Мел-
телла:

Because I grew too great for him in Wars,
And serv'd his Country well, he hates me.
Twice Have I already offer'd him Alliance,
And ask'd Lavinia, Marius, for thy Bed [7, p. 6–7].

Из-за того, что я превосхожу его в ведении войны
И преданно служу мой стране, он ненавидит меня.
Дважды я предлагал ему вступить со мной в альянс,
И просил Лавинию разделить с тобой ложе, Мариус.

В первом акте Сиббер оставляет нетронутыми
большие фрагменты текста, связанные с образом Ро-
мео, хотя и не везде точно воспроизводит шекспиров-
ский текст. Так, сохранены разговор Бенволио и ста-
рого Монтекки о меланхолии Ромео, диалог Ромео и
Бенволио, в котором Ромео признается, что влюблен в
Джульетту, а не в Розалину. Бенволио, как и у Шекс-
пира, предлагает ему забыть девушку, доставляющую
столько страданий, однако Ромео непреклонен:

Oh! Juliet, there is Musick in thy Name,
That soft'ning me to Infant Tenderness,
Makes my Heart spring, like the first Leaps of Life [3, p. 7].

О Джульетта! Музыка твоего имени,
Смягчающая меня до нежности младенца,
Заставляет мое сердце биться, подобно первым ударам
сердца.

Первые три строки, процитированные выше, –
прямая цитата из пьесы Отуэя. Музыкальная метафо-
ра частично принадлежит самому Сибберу.

В пьесе Сиббера опущена сцена бала у Капулетти,
хотя в разговоре со священником во втором акте
Ромео признается, что пировал у своего врага. Из ни-
зовых персонажей в первом акте сохранен только об-
раз Кормилицы, она произносит свой монолог-вос-
поминание о прошлом и о своей семье.

В разговоре о предстоящем замужестве Джульет-
та, в отличие от героини Шекспира, сразу отказывает-
ся выйти замуж за Париса, немилого ее сердцу:

If I should love, is that a Fault, in one
So young as I? I cannot guess the Cause, –
But, when you first nam'd Paris for my Love,
My Heart shrunk back, as you had done it wrong (Там же, p. 11).
Если мне суждено полюбить, разве это проступок
Для столь юной девушки, как я? Не знаю, почему,

Но, когда Вы впервые произнесли имя Париса как моего
возлюбленного,
Мое сердце сжалось, как если бы Вы меня обидели.

Монолог Меркуцио о королеве Маб, разговор мо-
лодых людей перенесены из первого акта во второй.

Второй акт начинается сценой в саду дома Капу-
летти. В этой сцене воспроизводится шекспировский
текст с его петраркистской метафорикой. При этом
некоторые строки добавлены из версии Отуэя. Сохра-
нены сцена с братом Лоренцо, монахом, знатоком и
собирателем трав и монолог Джульетты в ожидании
вестей о Ромео. В третьем акте воспроизводится сцена
поединка Меркуцио с Тибальтом и сцена прощания
влюбленных перед изгнанием Ромео. Однако в сцене
с братом Лоренцо Ромео в преддверии изгнания про-
износит фрагмент из монолога Валентина из «Двух
веронцев», в котором называет изгнание мучением и
сравнивает его со смертью [6, p. 168]:

O! thou wilt speak again of Banishment!
Death's more desirable than living Torment?
To die is to be banish'd from myself:
And Juliet is myself, my Life, my Soul,
Unless I be by Juliet in the Night... [3, p. 37].

Четвертый акт начинается сценой прощания Ро-
мео и Джульетты, около 20 строк добавлены из текста
Отуэя [6, p. 168], ряд сцен дается в сокращении.
Убрана сцена с музыкантами. В пятом акте мы видим
Ромео у стен Вероны (а не в Мантуе, как у Шекспи-
ра). В сцене в фамильном склепе Капулетти Сиббер
опирается на текст Отуэя, полностью воспроизводя
ее; заменены лишь имена персонажей [1, p. 174].

Джульетта просыпается перед тем, как умирает ее
возлюбленный. Однако она не сразу узнает Ромео, а
Ромео считает, что оба они уже умерли и обрели бес-
смертие на небесах:

Rom.

She lives, and we shall both be made immortal.
Speak, speak my Juliet, speak some heavenly News,
And tell me how the Gods design to treat us.

Jul.

O! I have slept a long ten thousand Years.
What have they done with me? I'll not be us'd thus?
I'll not wed Paris: Romeo is my Husband,
Is he not, Sir? Me thinks you're very like him.
Be good as he is, and protect me [3, p. 62].

Ромео

Она жива, и мы оба сделались бессмертными.
Говори, говори, моя Джульетта, расскажи мне небесные
новости,
Расскажи мне, как Боги распорядились нами.

Джульетта

О! Я проспала долгих десять тысяч лет.
Что они сделали со мной? Разве меня не используют?
Я не выйду за Париса, мой супруг – Ромео.
Сэр, разве нет? Мне кажется, Вы так похожи на него.
Будьте же таким же, как он, и защитите меня.

Однако земное счастье влюбленных все равно не-
возможно, ведь Ромео уже выпил яд, о чем Джульетта

еще не догадывается. Перед смертью в своих несчастьях Ромео обвиняет злую судьбу, появляется мотив рока:

II Fate no more, my Juliet, now shall part us,
Nor cruel Parents, nor Laws.
Did not Heaven's Pow'rs all wonder at our Loves?
<...>
This World's gross Air grows burthensome already.
I'm all a God; such heav'nly Joys transport me,
That mortal Sense grows sick, and faints with lasting [Dies.]
[3, p. 63].

Ни злая судьба более не разъединит, нас, о Джульетта,
Ни жестокие родители, ни законы.
Разве Силы Небесные не восхищались нашей Любовью?
<...> (Но) буйный ветер мира все крепчает,
И весь я (словно) божество. Такая небесная Радость
увлекает меня,
Что рассудок истлевает, теряя последние силы... [Умирает]

Далее у Сиббера события разворачиваются так же, как и у Шекспира. Джульетта слышит шум и закалывается ножом. Принц, Монтекки и Капулетти выясняют обстоятельства смерти влюбленных. Пьеса заканчивается словами Принца:

Never true Lovers Story did impart
More real Anguish to a humane Heart (Там же, p. 67).

Никогда еще история любви не вызывала
Больше горечи в человеческом сердце.

Версия Дэвида Гаррика: характер правки шекспировской трагедии

В 1747 году Гаррик стал совладельцем Друри-Лейн. Он отвечал за репертуарную политику, а также сам ставил спектакли. Гаррик во многом считается реформатором английского театра. Он выступал против правил классицизма, полагая, что слово не может быть главным действием, актерской игры. Большое значение он придавал и оформлению спектаклей, пригласив работать в театре известного декоратора Филиппа Джеймса Лотербурга. При Лотербурге сцену начали освещать не люстрами, а рампой, и в целом в этот период Друри-Лейн обрел славу одного из самых модных театров.

Благодаря Гаррику пьесы и переделки Шекспира занимали большую часть репертуара театра. Среди самых известных шекспировских переделок Гаррика – «Катарина и Петруччо» (1754), «Буря» (1756), «Зимняя сказка» (1758), «Два веронца» (1772).

Всего при Гаррике в Друри-Лейн шли 24 шекспировские пьесы. Дома у Гаррика была большая библиотека из произведений Шекспира, а также комментарии к ним. Гаррик прославился не только как актер, но и как комментатор Шекспира – его трактовка шекспировских характеров повлияла на дальнейшую их оценку в критике и прессе.

Среди лучших ролей Дэвида Гаррика в шекспировских постановках – Ричард III, Гамлет, Ромео, король Лир, Макбет. Свою шекспировскую карьеру Гаррик начинал в роли Ричарда III, снискав восторженные аплодисменты.

Сценическая версия «Ромео и Джульетты» Гаррика во многом отличалась от пьесы Шекспира. Основ-

ные изменения, внесенные Гарриком в шекспировский текст, связаны с каламбурами, шутками, а также римфованными репликами и монологами. В XVIII веке полагали, что для трагедии лучше всего подходит неримфованный стих [1, p. 174]. Особенно это касалось заглавных персонажей. Поэтому адаптаторы Шекспира переписывали все их реплики белым стихом. Разумеется, текст был тщательно вычищен и лишен всех эротических намеков – в угоду идее невинности любви.

Оказалась сильно сокращена начальная сцена пьесы – шуговая перебранка Самсона и Грегори (строки 6–32), в ней осталось только четыре строки. Монолог Ромео о сути любви в первом акте шекспировской пьесы сокращен на несколько строк.

Гаррик сжимал шекспировский текст, но не менял его, в угоду вкусу он изымал низовые шутки, которые были бы, с его точки зрения, неуместны в театре и плохо восприняты публикой. Как и Аддисон, Гаррик полагал, что каламбуры и игра слов – самая низкая форма остроумия, совершенно не подходящая для трагедии. Поэтому он стремился избавиться от звенящих рифм (jingle), приближая диалоги к большей естественности звучания.

Наибольшим сокращения подвергся первый акт. Из 719 строк Гаррик оставил только 451, добавив при этом 42 своих собственных и иначе скомпоновав события в шести сценах (у Шекспира их было пять) [10, p. 200]. Джульетте 18 лет, а не 14, как у Шекспира. Несмотря на то что реплики Кормилицы сохранены, ряд скабрзностей заменены в угоду общественному вкусу. Однако в целом характеры персонажей не отличаются от шекспировских.

При этом Гаррик был вынужден выбросить из текста все упоминания о влюбленности Ромео в Розалину, подчинившись общественному мнению, а не «из убеждения в неправоте Шекспира» [8, p. <1>].

Во втором акте сокращена сцена в саду – из 189 строк Гаррик вычеркнул 26, 22 из них – из реплик Ромео [10, p. 202]. Стиль облагорожен и еще более приподнят, чем в оригинале. Третий и четвертый акты сильно сжаты, однако ключевые сцены, важные для развития сюжета, сохранены. Сокращения, как правило, касаются рифмованных строк.

Стоит отметить, что к началу пятого акта в 1750 году Гаррик приписал похоронную процессию (The Dirge):

Chorus

Rise, rise!
Heart-breaking sighs!
The woe-fraught bosom swell;
For sighs alone,
And dismal moan
Should echo Juliet's knell.

Air

She's gone, – the sweetest flower of May,
That blooming blest our sight;
Those eyes which shone like breaking day.
Are set in endless night. <...> [8]

Хор

Поднимись, поднимись!
О вздохи, разрывающие душу!
О сердце, удрученное горем!

Ибо вздохи
И унылые стенания
Вторят погребальному звону.

Песня

Она ушла – прекрасный цветок мая,
Цветение (которого) благословляло нас.
Глаза, сиявшие, словно рассвет,
Теперь померкли в вечной тьме <...>

Сохранились свидетельства о том, что в похоронной процессии было задействовано не менее 12 певцов. Музыка к этой сцене написал Уильям Бойс (Boyce) [10, p. 203].

Самое значительное изменение шекспировского текста связано с финальной сценой пьесы. У Шекспира действие яда мгновенно. Если Сиббер полностью следовал за Отуэем, то Гаррик вносит в эту сцену новые мотивы. Ромео, видя, что Джульетта просыпается, забывает о том, что принял яд, так как его охватывает счастье. Джульетта ведет себя так же, как и в версии Отуэя:

I now remember well
Each circumstance – Oh my lord, my Romeo!
Had'st thou not come, sure I had slept for ever;
But there's a sovereign charm in thy embraces
That can revive the dead <...>
Dost thou avoid me, Romeo? Let me touch
Thy hand, and taste the cordial of thy lips –
You fright me – speak... [8, p. 65]

Я теперь хорошо помню
Каждое обстоятельство – о мой господин, мой Ромео!
Если бы ты не пришел, я бы, конечно, спала вечно;
В твоих объятиях есть властное очарование,
Которое может оживить мертвого <...>
Но ты избегаешь меня, Ромео? Позволь мне коснуться
Твоей руки и попробовать тепло твоих губ –
Ты пугаешь меня – говори...

По мнению современников, Барри исполнял эту сцену с большим чувством, в его голосе звучала скорбь, и в самой интонации чувствовался надлом и даже хрип [5]. В этой сцене у Гаррика было гораздо больше психологизма и естественности, чем в версии Отуэя [1, p. 175].

Изменения, внесенные Гарриком, коснулись в основном реплик Ромео [1]. После того как Ромео выпивает яд, Гаррик добавил 75 строк в диалог Ромео и Джульетты, сознательно расширяя сцену прощания влюбленных [10, p. 204].

Томас Дейвис (Thomas Davies), друг Гаррика и его биограф, утверждал, что финал пьесы по своему духу не хуже шекспировского. Сохранилось и другое свидетельство: эффект от этой сцены прекрасно себя оправдал – публику душили слезы (Там же, p. 193). При этом критики ругали миссис Сиббер за то, что она очень быстро поднимается из гроба, и у Ромео почти нет времени выразить свое удивление. Мисс Беллами, напротив, просыпалась медленно, и Ромео вместе с публикой дольше пребывают в немом изумлении.

Гаррик играл роль Ромео на протяжении десяти лет с большим успехом. С 1760 эту роль стал исполнять более молодой актер. В апреле 1761-го Гаррик несколько раз выходил на сцену в роли Меркуцио (Там же, p. 206). Пьеса оставалась в репертуаре Друри-Лейн до 1773 года, но в последние годы жизни Гаррика ее все чаще исполняли как бенефисный спектакль или как спектакль по королевскому указу (command performance). Несмотря на все изменения, сделанные Гарриком, именно Гаррик приблизил «Ромео и Джульетту» к истинному шекспировскому тексту, и именно версию Гаррика играли на английской сцене вплоть до 1845 года.

Литература

1. Branam, G. C. The Genesis of David Garrick's «Romeo and Juliet» / G. C. Branam // Shakespeare Quarterly. – 1984. – Vol. 35, № 2. – 1984. – P. 170–179.
2. Burnim, K. A. David Garrick Director / K. A. Burnim. – Pittsburgh : University of Pittsburgh's Press, 1961. – 234 p.
3. Cibber, Theophilus. Romeo and Juliet, a Tragedy, Revis'd and Alter'd from Shakespear / Th. Cibber. – London, 1748. – 108 p.
4. Cook, W. Memoires of Charles Macklin / W. Cook. – London : Printed for James Asperne, 1804. – 444 p.
5. Hill, John. The actor Or a Treatise of the Art of Playing / J. Hill. – London : R. Griffiths, 1755. – 284 p.
6. Genest, J. Some Account of the English Stage / J. Genest. – Bath, 1832. – 726 p.
7. Otway, Thomas. The history and fall of Caius Marius. A facsimile / Th. Otway. – London : Cornmarket Press, 1969. – 67 p.
8. Romeo and Juliet by Shakespeare with alterations and an additional scene: as it is performed at the Theatre Royal in Drury Lane. – London : Printed for J. and R. Tonson and S. Draper, 1756. – 69 p.
9. Samuel Johnson on Shakespeare / ed. by H. Woudhuysen. – London : Penguin Books, 1989. – 273 p.
10. Stone, G. W. Romeo and Juliet. The Source of its Modern Stage Career / G. W. Stone // Shakespeare Quarterly. – 1964. – Vol. 15, № 2. – P. 191–206.

Е.М. Lutsenko

“A PLAGUE TO BOTH OF YOUR THEATRES”: ROMEO AND JULIET ON THE ENGLISH STAGE OF THE 18TH CENTURY

The article focuses on the reception of Shakespeare's play in the first half of the 18th century. This process is shown with the examples of the two famous adaptations of *Romeo and Juliet* by T. Cibber and D. Garrick. Due to Garrick's efforts, *Romeo and Juliet* returns to the theatrical repertoire, replacing the famous adaptation by T. Otway, which dominated the English stage for more than 50 years. D. Garrick restores Shakespeare's play in such a way that it regains its original imagery.

Shakespeare, Garrick, *Romeo and Juliet*, translation, adaptation.

М.Н. Мотамедния, М.С. Резаи
 Мазандаранский университет, Иран

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДВУХ КУЛЬТУР: РОССИЯ И ИРАН В РОМАНЕ Ю.Н. ТЫНЯНОВА «СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА»

Настоящая работа посвящена российско-иранским отношениям, которые получили свое отражение в русской литературе, и является исследованием исторической памяти России о контактах с иранцами, как с вельможами, так и с простым народом. Эта память неизбежно затрагивает широкий круг исторических и социологических проблем, даже религиозных вопросов, и воплощается в том числе в литературно-художественной форме.

Факт пребывания А.С. Грибоедова в Персии находит отражение и в художественном полотне Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Стремление автора разрешить в романе проблему исторической истины вызывает неоднозначные оценки критиков.

Российско-иранские отношения, литературно-художественная форма, А.С. Грибоедов, Ю.Н. Тынянов, историческая истина.

В 30-е гг. XX в. писатели, наряду с изображением событий революционной эпохи и социалистического строительства, обращаются в своих произведениях и к прошлому страны.

В историческом романе Ю.Н. Тынянова, где идет речь о трагической судьбе и гибели талантливого русского дипломата А.С. Грибоедова, история России оказывается неразрывно связанной с историческим прошлым Ирана.

Пожалуй, «Смерть Вазир-Мухтара» – наиболее известное в русской литературе произведение, связанное с изображением российско-иранских культурных взаимоотношений. Как отмечает А.И. Солженицын, «Роман Ю. Тынянова вырос из глубоких исторических и теоретических исследований. Труд в эту книгу вложен огромный, особенно в персидском материале [5, с. 195].

События, происшедшие с Грибоедовым в Персии при выполнении им важного государственного поручения, гибель в неравном бою во время разгрома религиозными фанатиками русской миссии в Тегеране показаны в романе в сложном психологическом ключе, полны редкого драматизма и эмоционального напряжения.

Тынянов в романе «Смерть Вазир-Мухтара» блистательно описал Тифлис, впервые посетив Грузию уже после выхода книги, и мастерски представил Персию, Тегеран, где никогда не бывал.

Прозаик показывает страну, разоряемую и своими правителями, и выигравшей войну Россией, которая требует выплаты непосильной контрибуции. Широкие картины социально-политической жизни Ирана и России, дипломатических отношений двух государств, осложняемых интригами англичан, деятельности Грибоедова-дипломата, шаха Ирана Фетх-Али, его наследника и фактического правителя страны Аббаса-Мирзы позволяют писателю раскрыть драматическую

противоречивость истории двух стран – России и Ирана.

Автору нельзя не поставить в заслугу использование историко-литературных фактов с той художественной прозорливостью, которая свидетельствует о недюжинных способностях на далеком расстоянии схватывать наиболее рельефные очертания и отделять их от тех штампованных оценок, которые на протяжении десятилетий загромождают собой подлинный лик анализируемых фигур... Подчеркивая «познавательное значение», «познавательную сущность» лучших советских исторических романов, Т.Ю. Хмельницкая видит силу Тынянова-беллетриста в том, что в романе «он дает нам образ эпохи куда шире и глубже, чем в своих очень интересных... историко-литературных исследованиях» [9, с. 42, 44–45].

Видно, что рамки романа выбраны метко: от уже подписанного Туркманчайского мира до гибели Грибоедова. Узость временного интервала при насыщенности драматическими событиями дала писателю возможность сделать роман живым, его сюжет, несмотря на множество отступлений, – динамичным.

Собственно Персии в романе посвящены главы 6–13, однако интересующая нас тема, будучи неразрывно связана в произведении с именем главного героя – Грибоедова, привезшего в российскую столицу Туркманчайский мир, на уровне еще не ясных для читателя воспоминаний, общих, туманно выраженных впечатлений и мимолетных замечаний главного героя проникает на страницы романа много ранее. Первое, что узнает читатель, это приговор, вынесенный главным героем, – «немилая Азия» [6, с. 20]. Вместе с тем, это не столько непосредственное умозаключение Грибоедова, вынесенное из личных впечатлений о стране, сколько выражение тяготящих его отношений с матерью, непростых денежных обстоятельств в семье и т.д. Вот почему «немилая Азия» не мила имен-

но потому, что она «маменькина Персия, будь она трижды проклята» [6, с. 20]. Так впервые оформляется тема, которая в романе приобретет значение лейтмотива – «проклятая Персия».

Дальнейшее свое развитие она получает в эпитафии. Он предпослан 6 главе, вслед за которой приводятся остальные главы о Персии:

Говорят про Персию –

Что богатая.

Она не богатая,

Распроклятая.

Солдатская песня [6, с. 423].

В то же время первая «персидская глава» открывается утверждением, которое оспаривает эпитафия. Выбор эпитафии здесь – несомненное выражение авторской воли и, следовательно, авторской точки зрения. Начало главы (краткость фраз, даже в пределах сложного предложения – минимальность грамматической структуры) создает впечатление об описании как регистрации увиденного, это, надо полагать, точка зрения путешественника, мимолетно замечающего «бледные дороги», «голубые поля с утомленным жнитвом», «красные горы» (Там же, с. 246), т.е. точка зрения героя-дипломата. Следовательно, и утверждение-замечание, открывающее первую «персидскую главу»: «Она не богатая, она не проклятая» (Там же), – принадлежит именно ему.

Если автор, избирая в качестве эпитафии выщипанный фрагмент солдатской песни, присоединяется тем самым к точке зрения фольклорного сознания, смотрит на Персию глазами солдата, подневольного человека (песня – *солдатская*), то герой смотрит на страну, во-первых, взглядом дипломата, т.е. образованного человека с положением, полномочного министра, во-вторых, это взгляд человека, умудренного опытом. Именно Грибоедову, который должен собирать с персиян дань (злополучные *куруры*), как никому известно, что Персия «не богатая». Кроме того, если автору известно, что для героя пребывание в стране станет проклятием всей жизни (завершится его смертью и смертью неродившегося ребенка), то последнему это неизвестно. Как отмечает Б. Эйхенбаум, «весь роман построен на “сопряжении” человека и истории – на извлечении исторического корня из любого эпизода, из любой детали» [11, с. 416]. Для Грибоедова Персия – это рутинная во многом тяготящая его дипломатическая служба. Для героя-дипломата Восток и восточное обращение (обычаи, традиции) уже понятны и привычны, поэтому она «не проклятая», скорее – понятная и потому скучная. Это скука службы умного человека, вынужденного служить под началом не согласующих свои действия бездарных начальников: «...лебеда, щука и рак двигали им» (Там же, с. 283).

Итак, восприятие Персии в романе изначально полисеманлично. Оно усложнено сопереживанием несоответствующих идеологических позиций – автора и героя. Несущий на себе печать проклятия, герой об этом не подозревает, для него Персия «не проклятая». Однако именно так («распроклятая») воспринимает Персию автор, для которого образ страны проецируется сквозь известные ему события (разгром религи-

озными фанатиками русской миссии в Тегеране). Тема неведения и тяготеющего над Грибоедовым персидского несчастья-проклятия еще появится в романе (мы вернемся к этому позднее). Таким образом, автор придерживается концепции, согласно которой «во всяком литературном произведении наличествует последняя смысловая инстанция творящего» [1, с. 76].

Другой лейтмотив, связанный с восприятием Персии глазами русского европейца Грибоедова, обоснован излагаемой в романе концепцией восточного национального характера – так, как он видится Грибоедову. Его точка зрения как дипломата здесь значительно более авторитетна, чем авторская. Наделяя своего героя дипломатическим даром и следуя здесь исторической правде, автор в умозаключениях о национальном персидском (и шире – восточном) характере солидарен со своим персонажем; налицо совпадение точек зрения автора и героя.

Впервые этот лейтмотив оформляется в замечании главного героя – «младенческая Азия» (Там же, с. 46). Он появляется исподволь, в весьма неожиданном контексте: все в жизни главного героя, даже отношения с женщиной, пронизаны неустанным воспоминанием о восточном прошлом (Туркманчайский мир) и мыслями о будущей службе на Востоке – «немилой Азии». Его отношение к Востоку (уже – к Персии) сопоставляется с завоеванием женщины: «Высшая власть и высший порядок были на земле.

Власть принадлежала ему.

Он тупым железом входил в тучную землю, прорезал Кавказ, Закавказье, вдвигался клином в Персию.

Вот он ее завоевывал, землю, медленно и упорно... И наступило полное равновесие – младенческая Азия дышала рядом» (Там же). Азия в романе Тынянова – это пространство битвы, объект завоевательной борьбы, и это же – женщина, более того – женщина с манерами ребенка, дитя, совершающее преступление как бы невинно, отчего безнравственность поступка (мимолетная связь с женой друга в его доме) умалется, как бы снимается с повестки и не обсуждается. Так впервые возникает, а проясняется затем много позже (в «персидских» главах) тема восточной нравственности, иной, не такой, как европейская. (Ее носителем здесь, в Петербурге, выступает Грибоедов; в Персии, напротив, он будет вынужден столкнуться с ее проявлениями со стороны иранцев.)

В шестой главе романа образ «младенческой Азии» получает свое развитие: повествователь смотрит на Иран как на «старую страну», которая «ничего не знает о своей старости, потому что в ней живут люди» (Там же, с. 246). Итак, древняя история Ирана, много более древняя, чем история Российского государства: «...Тегриз существовал уже в восьмом веке, а Тегеран – во время Тамерлана» (Там же, с. 247), не сообщает Персии старости, она «ничего не знает о своей старости», потому что в ней живут люди со специфическим складом характера – «азиатцы», как дети, простодушные в своем лукавстве и жестокие же, как дети. Ф. Корф, посещавший Персию в начале XIX в., так описывал национальные черты персов: «Надо сделать состав из свойств лисицы, кошки и тигра, чтобы получить настоящий персидский характер» [3, с. 178].

Тема иранского национального характера проникает в роман незаметно, первоначально в виде разрозненных замечаний: то как оценка автором поступков главного героя, объясняемых его привычкой к восточному образу жизни (фрагмент 1), то как впечатления последнего от посещения тифлисской бани (фрагмент 2), наконец, как воспоминания о Персии, возникающие у главного героя по дороге в Тебриз (фрагмент 3).

(1) «Так было на Востоке, где торгуются для вида, а между тем высоко ценят каждый час лени и хорошо проведенную ночь. Он привык так жить...» [1, с. 51].

(2) «Бани тифлиские, бебутовские превращают человека в азиатца, отбивают у него всякие скольконнибудь холодные мысли, лишают возраста и вселяют ленивую, как мыльная пена, любовь к себе – и ни теплое, ни холодное, как края бассейна, равнодушие ко всему. Они напоминают любовь очень зрелой женщины и похожи на счастье» (Там же, с. 148).

«...Походка его легкая, танцующая, неожиданно изящная. По этой походке сразу познается персиянин, существо слабое и изнеженное, изящное и скрытное.

...Он приложил руку ко лбу со всею свободою учтивого азиатца. Какое древнее достоинство в осанке и походке у содержателя бань» (Там же, с. 149).

(3) «Азиатская страна, голая ладонь старого человека, волнообразные горы, как мозоли, как следы долгой работы – работы зель-зелэ, землетрясения» (Там же, с. 246).

Анализ приведенных фрагментов позволяет сделать несколько важных умозаключений о концепции иранского национального характера, излагаемой в романе.

Внешность Азии обманчива. Несмотря на то что она кажется старой («голая ладонь старого человека»), сравнивается с трудной работой («мозоли... следы долгой работы»), она молода и ленива (фрагмент три). Три главных критерия являются определяющими в характеристике собирательного образа персиянина: «*Азиатская лень, удобство... да еще персидская важность* – ташаххюсс, – да любовь к игрушечным калейдоскопам – такова *персиянская роскошь*» (выделено нами. – М. М.) (Там же). Эти определения-критерии, собранные воедино в шестой главе, открывающей рассказ собственно о Персии, были отмечены в романе уже ранее: «ценят каждый час лени и хорошо проведенную ночь» (фрагмент 1); «вселяют ленивую, как мыльная пена, любовь к себе... равнодушие ко всему», «персиянин, существо слабое и изнеженное» (фрагмент два). Показательно здесь и вновь возникающее сравнение с женщиной: «напоминают любовь очень зрелой женщины». Комфорт, лень, изнеженность – все, что формирует «азиатскую лень», во-первых; учтивость, «древнее достоинство в осанке и походке» – персидскую важность, ташаххюсс, во-вторых; «персиянская роскошь», в-третьих. Такими главными наблюдениями над сущностью иранского национального характера в романе.

Здесь же подспудно определяется такая черта персидского характера, как лукавство (пресловутая восточная мудрость). Так, указывается, что на Востоке «торгуются для вида»; что восточные бани «похожи на счастье», но только похожи, это такая же види-

мость, как женская любовь, непостоянная по своей природе; что персиянин – существо не только изнеженное, но и «скрытное» (фрагмент два). Как видим, четвертым определяющим качеством персидского характера является скрытность и лукавство по отношению к представителю иной культуры.

Однако в романе последняя черта характера не осуждается, главный герой, выносящий оценки, с которыми солидарен автор-повествователь, воспринимает ее как данность, как свидетельство несхожести двух культур и только. Национальный характер, нравы восточного человека – результат тех обычаев, которые были сформированы веками. Здесь стоит отметить мастерство писателя, столь колоритно передавшего образ восточного человека. Неслучайно Солженицын, анализируя роман «Смерть Вазир-Мухтара», отметил: «Главы о Персии – как будто отдельный совсем другой роман» [5, с. 197]. Позднее устами одного из персонажей-иранцев в форме афоризма озвучивается важная мысль. «Удача как женщина – у нее закрыто лицо» (Там же, с. 198), – говорит Аббас-Мирза. В свете вышесказанного это выражение следует интерпретировать так: как лица восточных женщин скрыты чадрой, скрыты мысли восточных мужчин. Афористичность высказывания – яркий пример восточной манеры излагать свои мысли – также имеет своей природой обычай быть скрытным в лице и мыслях. «Ровная, непрерывная улыбка у него на лице, зубы белые, а кто поймет его глаза?» (Там же). Следует отметить, что тема неизбежности судьбы, рока постоянно присутствует в романе. Для автора эта тема имеет собственное значение. Как отмечает критик Б. Вальбе, «судьба в понимании Тьнянова не имеет никакого отношения к мистике. Судьба – это производное заложенных в человеке качеств и Истории» [2, с. 38].

Высказывание об удаче полно глубокого смысла. Это не только иллюстрация метафоричности восточного языка, даже – не только характеристика национального характера, выражающего склонность к восточной философии, которая получила в мировой культуре понятие восточной мудрости. Оно полно глубокого смысла и в контексте всего романа в целом, как свидетельство авторского знания об участии главного героя. Сегодня удача на стороне Грибоедова, который по условиям Туркманчайского мира вправе требовать выплаты контрибуции, но что будет завтра? «Колесо идет вверх и вниз. *И здесь нечему радоваться*. Удача как женщина – у нее закрыто лицо» (выделено нами. – М. М.) (Там же, с. 37) – такова речь Аббаса-Мирзы, которая развивает уже упомянутую нами ранее тему персидского проклятия, одинаково тяготеющего над служивым (солдатом в эпитафии) и служащим (дипломатом, Вазир-Мухтаром в романе). Главному герою, как следует из контекста, угроза проклятья так и остается неявной: «а кто поймет его глаза?» (Там же).

Близорукость главного героя также обретает здесь символический подтекст. Очки неприличны на лице полномочного министра; Грибоедов снимает их. При въезде российского посольства Персия, в который раз, в романе показана глазами главного героя: «Грибоедов въехал в город Тебриз седьмого октября. Он ехал верхом. Он снял очки, неприличные при сем случае, и

Тебриз казался ему разноцветной колышущейся выветренной глиной» [2, с. 31]. Тынянов постоянно обыгрывает тайный смысл слов: близорукость Грибоедова оказывается символом близорукости представителя чужеземной культуры по отношению к нравам и обычаям другой страны. Каким бы блестящим дипломатом ни был главный герой романа, его знание Востока несоизмеримо мало по сравнению с носителем восточного менталитета; его знания приобретенные – знания персиянина кровные, врожденные.

На наш взгляд, трагедию главного героя следует рассматривать именно в том методологическом ключе, который предлагает имагология. В данном случае понятие имагологии подразумевает учение об образах, являющееся составной частью сравнительно-исторического метода в литературоведении [12, с. 67]. Прежде в плане идеологии этот роман анализировался исключительно с позиций социально-политических отношений двух стран, часто – в свете проблемы мыслящего человека в николаевской России; авторы полагают, что более перспективен путь, при котором события ирано-русской истории будут рассмотрены с точки зрения соотношения двух культур. Т.е. именно в аспекте диалога культур, в данном случае несостоявшегося.

Для русской литературы традиционен взгляд на Восток (в нашем случае – Персию) глазами иностранца, чужеземца. Собственно, иначе быть не может. «Взгляд чужеземца» – этот специфический фокус видения, при котором внимание повествователя обращается на то, что экзотично, – проявляется в подчеркнуто регистрационной манере изложения. Подобную точку зрения Б.А. Успенский называет «внешней» [7, с. 82]. Этот специфический фокус, особая точка зрения в романе отмечены перечислительной интонацией. Например, у Л. Рейснер это «розовые сады, рисовые болота, розовый ветер» (Там же, с. 92). В романе Тынянова *взгляд чужеземца* угадывается в пространственных этнографических отступлениях. И действительно, только представителю иной культуры необходимы подобные пояснения; его роман – сообщение, адресованное читателю, не знакомому с восточными нравами. Эта авторская установка срабатывает очень явственно именно в том, что моделируется тот фокус видения, который мы обозначили как *взгляд чужеземца*.

В романе постоянно подчеркивается инаковость восточных традиций и обычаев, нравов и поведения. Приведем несколько показательных примеров. Так, при разговоре с Грибоедовым его собеседник Аббас-Мирза «сидел неподвижно – ходить по комнате, разговаривая, – обычай европейцев и сумасшедших» (Там же, с. 279). Очень яркое и такое пример: «Ковер в Персии – мебель, и кофейная – газета. Кадий, пришедший сюда, – суровая официальная статья, привлекающая кофе, два старика – статьи забавные, они курят кальяны, один купец – хроника, а другой, потолще, – объявление о товарах» (Там же, с. 329). Здесь в каждом из приведенных примеров все строится на сопоставлении по линии «Восток – Европа»: в Европе, разговаривая, ходят по комнате – на Востоке сидят на ковре; в Европе ковер – украшение, элемент декора – на Востоке это мебель; в Европе читают газеты – на Востоке ходят за новостями в кофейню.

И так далее, и так далее. Параллели можно проводить до бесконечности, но автор, избрав здесь в качестве приема художественного изображения сравнение на основе контраста (антитеза), очень убедительно демонстрирует различие двух культур посредством двух-трех убедительных сопоставлений. То же отметим при описании восприятия Грибоедовым встречи дипломатической миссии в Тегеране: «Их увидели. Заорали глашатаи, музыканты заревели в трубы, засвистали пронзительно, и охнули, как гул зель-зелэ – землетрясения, персиянские барабаны. Над площадью на канатах заплясали с мерным криком плясуны, засеменили, балансируя разноцветными палками. Это они и кричали так мерно и жалобно, когда он подъезжал к воротам. Внизу им ответили топотом и пеньем пехлеваны.

...Черт их возьми с их *царскими встречами*. Это *балаганы масленичные*, ни пройти, ни проехать» (выделено нами. – М. М.) [7, с. 307]. То, что у персов знаменует оказание почестей, царскую встречу, русским культурным сознанием воспринимается как масленичный балаган. Отражение инаковости двух культур, мастерски изображенной писателем, для читателя служит возможностью целостного восприятия каждого эпизода романа. Говоря словами В.Е. Хализева, «слагаемые художественного целого здесь не только контрастируют, сколько дополняют друг друга» [8, с. 289].

Иллюстрацией инаковости двух культур по отношению друг к другу становится в романе столкновение стереотипного представления и реального. Тут вновь проявляется уже известный нам архетип восточного рая – представление о Востоке как стране несметного изобилия. Так, например, дипломат Грибоедов получает выговор за небрежение в истребовании с персиян контрибуции. Аргументом служит именно стереотип, сложившийся в русском сознании веками: «Финик писал ему, что крайне недоволен его действиями. Пусть Аббас сидит в Тебризе, куруров не прощать, *все знают, что Персия страна богатая*, и он изумлен...» (выделено нами. – М. М.) (Там же, с. 283). Корреспондент Грибоедова ссылается не на что иное, как на то, что *все знают*. Тогда как в реальности «персиянским чиновникам и гарему была задержана выдача жалованья. Были срезаны бриллиантовые пуговицы у любимых жен Аббаса» (Там же, с. 282). Сталкиваются две точки зрения: обывательская, основанная на шаблонных представлениях о стране, не известной ее носителю, и точка зрения носителя персидского менталитета. Фактически сталкиваются две культуры. Отметим, согласно концепции автора, представители русской культуры в лице Нессельроде и К. не обладают достаточной гибкостью мышления, чтобы полноценный диалог двух культур состоялся.

Взгляд чужеземца как фокус изображения, как уже упоминалось, моделируется в романе «Смерть Вазира-Мухтара» при помощи развернутых этнографических отступлений. Вне их пределов Персия не могла бы быть изображена настолько емко, как того требовал художественный замысел писателя, во всяком случае – достаточно внятно для адресанта коммуникативной цепи в лице русского читателя. Как пишет Солженицын, «колорит достигается через множество персидских терминов» [5, с. 197].

Наиболее яркими следует признать отступления, имеющие вид развернутого экскурса исторического или этнографического характера. Неслучайно Эйхенбаум назвал произведение Тынянова «своего рода научным романом» [11, с. 419]. Роман полон изображения и описания иранских традиций, обрядов, верований и обычаев. Мы не можем цитировать их здесь полностью ввиду объемности материала, однако вправе дать им литературоведческую оценку. Таково, например, отступление в первой, второй, третьей подглавках главы шестой романа (оно представляет собой краткое, но емкое изложение истории династии Каджаров и российско-персидских отношений); таково подробное описание альковной жизни персиян, а именно гаремных нравов, полностью занимающее подглавку шестой главы романа: «Гарем не гарем, гарем – учреждение, военный лагерь, женское войско, с предводителем, штатом, с бухгалтерией тканей и поцелуев, с расписанием регул, с учетом беременностей, с интригами ложа» (Там же, с. 258). К сценам, которые никак не служат движению сюжета, а демонстрируют историко-этнографическую эрудицию автора, следует отнести и описание персидского свадебного обряда (подглавки 1, 2 главы восьмой): «Самсон-хан выдавал дочку замуж за наиб-серенга Скрыплева» (Там же, с. 293). Нельзя не отметить также подробного этнографического описания в романе Тынянова такого восточного феномена, как евнушество (подглавка 5 главы восьмой). Писатель считает необходимым подробно изложить историю каждого из трех евнухов при дворе персидского шаха. Следует отметить мастерство Тынянова-психолога, который смог создать психологические портреты Манучехр-хана, Хосров-хана и Ходжи-Мирзы-Якуба настолько удачно, чтобы читатель мог в полной мере проникнуться скрытым драматизмом существования этих героев: «...страшны пустоты в теле человека... Хосров-хан заполнял пустоту – амазонскими играми и роскошью. Манучехр-хан – властью, деньгами, сундуками. А у Ходжи-Якуба была библиотека, он занимался наукою яростно, как любовью. По целым дням он сидел над книгами. Но по ночам он не спал... Пустота лежала рядом с ним» (Там же, с. 310).

Таким образом, жизнь Персии представлена в романе «Смерть Вазир-Мухтара» во всех ее аспектах: характеризуется социальная структура персидского общества, экономическое и политическое положение страны, психология разных лиц, занимающих самое разное положение в социальной иерархии на Востоке (правлящих лиц, приближенных, простого народа). Как отмечает Эйхенбаум, «здесь всем владеет история» (Там же, с. 421).

Особое внимание уделено в романе Тынянова не столько политике и экономике, сколько национальному персидскому характеру, впечатлению о котором складывается у читателя постепенно, на протяжении всего повествования. Разные лица, поступки тех или иных персонажей составляют своеобразную мозаику, отдельные части которой постепенно складываются в целостную картину.

Национальный персидский характер проявляется не только посредством отступлений историко-этнографического характера. Помимо того что специфичес-

кий восточный колорит, свойственный тыняновскому повествованию, достигается в том числе и за счет употребления множества персидских терминов: «ташахлюс», «Хабар-дар! Хабар-дар!», «тасбих», «хаким-баши», «Гулям-пишхедметы» и др., т.е. собственно языковыми средствами, значимую роль здесь играют и отступления притчевого характера. Так, например, получает специфически восточное прочтение такой знаковый для русской культуры, получивший особое значение в русской литературе вопрос, как *кто виноват?*

«Кто виноват? В восточных семьях, когда умирает глава семьи, долго обсуждают этот вопрос: кто виноват? И виноватым оказывается либо врач, либо невестка, не вовремя подавшая питье, только не язва желудка, от которой умер больной. Персия умирала от язвы... Виноваты Каджары. Алаяр-хан, присоветовавший войну и построивший после этого дворец, не виноват. Виноват Аббас-Мирза, и следует его свергнуть» [11, с. 264].

Это отступление, несомненно, носит притчевый характер и в контексте романа в целом имеет не только узкое значение как внутренний монолог Алаяр-хана, как развернутая характеристика этого персонажа, но и как притча, имеющая символический смысл в свете общей идеологической концепции произведения. Здесь следует вновь обратиться к теме «проклятой» Персии. Подспудно в этом отступлении о восточных нравах дана авторская оценка российско-иранским отношениям в целом и судьбе Грибоедова, ее финалу в частности. А. Немзер считает, что Тынянов представил читателю новую концепцию событий в Персии [4, с. 245].

Виновный останется безнаказанным, а обвинен будет не подлежащий обвинению. Так следует, на наш взгляд, интерпретировать этот фрагмент текста. Таким образом, с главного героя ответственность за постигшую его участь снимается.

Собственно, проблема вины в виде указания на конкретных лиц в романе снимается в целом. Исследователи отмечают, что «Тынянов сумел как бы перевоплотиться в героя, представить эпоху не извне, а изнутри» [10]. Таким образом, Тынянов поднимается выше возможного осуждения николаевской России. Оно, конечно, имеет место в романе, на что справедливо указывали многочисленные исследователи, однако авторская концепция шире критики и отвержения самодержавной государственности. Она глубоко философична, на наш взгляд. И рассматривать ее следует в широком культурологическом аспекте, а именно в аспекте проблемы диалога двух культур, двух менталитетов – российского и персидского, западного и восточного.

Трагедия Грибоедова, если рассмотреть ее в этом ключе, это трагедия чужеземца, несмотря на свой дипломатический опыт, все же смотрящего на Персию глазами иностранца, который судит о ней по русским (европейским) меркам. Это особенно явно при описании въезда главного героя в Тегеран. Желая поддержать честь русской дипломатической миссии, статус своей страны, он пересаживается на хорошую лошадь – вороного карабахского жеребца. Грибоедовым движут, несомненно, только лучшие побуждения,

однако этот поступок производит вовсе не то впечатление, которого следовало бы ожидать. Сказывается незнание персидских обрядов и верований. Тынянов дает очень яркое описание эмоциональной реакции персиян, встречающих русскую миссию: «Как человеческий ветер, качнулась толпа. Они бегут, шарахаясь, давят друг друга... Они воют... передние... закрывают лица руками... Он не понимает... Что произошло?»

Убийца святого имама Хусейна, сына Алиева, въехал некогда *на вороном коне*...

Вазир-Мухтар въехал *на вороном коне*» [6, с. 230].

В романе подчеркивается сложность отношений Персии и России. В частности, о них говорится как о «торговой и географической игре» (Там же). Однако в силу принадлежности к разным культурам русские и персы играют по разным правилам, каждые – следуя своему менталитету. Вот почему игра превращается в войну «без солдат, без пушек, еще более страшную» (Там же). Казалось бы, трагедия экзистенциальна, т.е. имеет непреходящий характер: культуры слишком различны – конфликт неизбежен. Однако глубина и философичность концепции автора проявляется в умении избежать односторонности: подобное суждение слишком упростило бы ее. Проблема рассматривается в романе и в другом ракурсе: то же право на существование имеет другая версия, согласно которой глубина свершившейся драмы не только в различии, но и в сходстве двух культур. Россия по отношению к Европе – Восток, по отношению к Персии – Запад, Европа. Здесь сказывается, на наш взгляд, представление, которого не избегнул и Тынянов, об особом положении России, положении «между». Потому в романе показано не только различие двух культур – российской и персидской, но и их сходство. Эйхенбаум отмечает: «Романом о Грибоедове был открыт путь прямо в историю. <...> Слова и вещи в романе существуют в двух планах: конкретность перерастает в символику, малое – в большое, бытовая мелочь – в формулу эпохи» [11, с. 462–463].

Постоянно проводятся параллели, которые могут служить иллюстрацией к выдвинутому нами положению. Вот характерный пример:

«В 1829 г. она похожа на Россию времени Ивана III или, может быть, Алексея Михайловича; вероятно, Петра не было или его не заметили. Соперничество двух городов, старшего и младшего: Тебриза и Тегерана, как Москвы и Петербурга» (Там же, с. 247).

Выделим параллели: Персия Фетх-Али-шаха – Россия Михайловича; Тебриз, Тегеран – Москва, Петербург.

Другой пример:

«Он [Фетх-Али-шах] небольшого роста, с теми же живыми глазами, что у Аббаса, но уже тусклыми, уже покрасневшими, он старый красавец с мясистым тюркским носом. Самое красивое в нем – борода, считающаяся длиннейшей во всей Персии, борода, спускающаяся двумя ассирийскими колоннами до “нижних областей желудка” – как пишет стыдливый путешественник, борода, лезущая до глаз, застилающая уши. Если б Баба-хан жил на Руси, его называли бы льстецы тишайшим, а за глаза прозвали бы Черномором. Баба-хан, вовсе не занимающийся государственными делами, – умен и, пожалуй, не менее умен, чем

сын его Аббас, занимающийся этими делами [11, с. 255–256].

В данном случае параллели не столь прозрачны и легко выделимы, как в предыдущем примере, они требуют знания истории России, содержат в себе интертекстуальные отсылки к русской литературе и в целом требуют от читателя эрудиции. Однако при сопоставлении с предыдущим примером достаточно легко читаемы. Так, если ранее говорилось, что Персия «похожа на Россию времени Ивана III или, может быть, Алексея Михайловича» (Там же, с. 462–463), то в данном случае параллели проводятся именно с Россией эпохи Михайловича. Неслучайно, конечно, такое замечание автора-повествователя: «Если б Баба-хан жил на Руси, его называли бы льстецы тишайшим, а за глаза прозвали бы Черномором» (Там же, с. 255).

Тишайший – именно так называли на Руси отца Петра I. Выстраивается параллель: Фетх-Али-шах – Алексей Михайлович. Черномор тоже узнаваемая фигура – персонаж поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», сравнение с ним идет, конечно, не только из-за бороды персидского правителя («борода, считающаяся длиннейшею во всей Персии... лезущая до глаз, застилающая уши» (Там же)). Черномор – образ символический, служащий в контексте тыняновского романа указанием на сильного и хитрого соперника, которому, однако, суждено быть побежденным русским богатырем. Собственно, такова политическая судьба Фетх-Али-шаха, который проиграл русско-персидскую войну и был вынужден платить контрибуцию победителю.

Итак, в русской истории и русской культуре (в частности, в литературе) Тынянов находит достаточно поводов, чтобы сопоставить страны не только на основании различия, но и, что особенно знаменательно, на основании сходства. Отмечая эту заслугу Тынянова, Эйхенбаум писал: «Он сказал много нужного для культуры – для понимания истории и человека». (Там же, с. 496). Находится повод и для сравнения двух стран даже по такому универсальному для каждой культуры критерию, как национальный характер, менталитет. Правда, сравнение это вовсе не явно, и для того, чтобы оно было осознано, требуется весьма скрупулезно рассмотреть составляющие собирательного образа персиянина в романе.

«О дремота, упавшая на тело российское! Копытятся в дремоте безымянный Паскевич, увязнул на заднем дворе – тегеранском? Московском? – Чаадаев, и нет никого в воздухе, сером, как глаза Нессельроде» (Там же, с. 338). Азиатская персидская лень, дремота российская – эти категории общего семантического ряда, сопоставляя национальные характеры персов и россиян, объединяют их. Как писал великий русский философ В.С. Соловьев, «русская национальная идея... не может исключать принципа всечеловечной содержательности» (цит. по: [6, с. 153]).

Как видим, концепция автора в романе Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» отличается сложностью, сообщаемой ей философичностью авторской позиции. Отношения двух стран в романе преодолевают рамки политических, социальных, экономических и выводятся автором на более глобальный уровень – уровень диалога культур. Причем последний рассматривается

двойко: автор видит как возможность его успешности (общность истории, черт национальных характеров), так и трагической несостоятельности.

Образ Персии в романе, как и образ России, амбивалентен; одно проясняется посредством другого. Несмотря на то что в произведении моделируется специфический фокус видения (взгляд чужеземца), это не только не мешает, но, напротив, способствует наиболее полному раскрытию темы взаимоотношений двух стран. Доминирующим художественным приемом, служащим авторским целям, становится сравнение: как на основе контраста (антитеза), так и на основании сходства.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Наука, 1975. – 448 с.
2. Вальбе, Б. Юрий Тынянов и его исторические романы / Б. Вальбе // Ленинград. – 1931. – № 10. – С. 31–38.
3. Корф, Ф. Воспоминания о Персии 1834–1835 / Ф. Корф. – Санкт-Петербург : Гуттенбергова тип., 1838. – 290 с.
4. Немзер, А. Литература против истории. Заметки о «Смерти Вазир-Мухтара» / А. Немзер // Дружба народов. – 1991. – № 6. – С. 241–252.

5. Солженицын, А. «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова // Новый мир. – 1997. – № 4. – С. 191–199.

6. Тынянов, Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара : [Роман о А. С. Грибоедове] / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Дружба народов, 1995. – 423 с.

7. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 347 с.

8. Хализев, В. Е. Теория литературы : учеб. для студентов вузов / В. Е. Хализев. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2004. – 404 с.

9. Хмельницкая, Т. Ю. Голоса времени. Статьи о современной советской и зарубежной литературе / Т. Ю. Хмельницкая. – Москва : Советский писатель, 1963. – 414 с.

10. Эйдельман, Н. Я. Эпиграф Тынянова / Н. Я. Эйдельман // Знание – сила. – 1982. – № 5–6. – URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/NYE/TYNYANOV.HTM> (дата обращения: 08.07.2024). – Текст : электронный.

11. Эйхенбаум, Б. М. О прозе : сборник статей / [сост. и подгот. текста И. Ямпольского] / Б. М. Эйхенбаум. – Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1969. – 503 с.

12. Яценко, Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. – Санкт-Петербург : Лань, 1999. – 524 с.

M.N. Motamednia, M.S. Rezaie

AT THE CROSSROADS OF TWO CULTURES: RUSSIA AND IRAN IN Yu.N. TYNYANOV'S NOVEL *DEATH OF VAZIR-MUKHTAR*

This work is devoted to the Russian-Iranian relations which are reflected in Russian literature. It is a study of the historical memory of Russia about contacts with the Iranians, both with nobles and ordinary people. This memory inevitably affects a wide range of historical, sociological and religious issues, and is embodied in literary and artistic form. The fact of A.S. Griboedov in Persia is also reflected in the artistic canvas of Yu.N. Tyntyanov *Death of Vazir-Mukhtar*. The desire of the writer to solve the problem of historical truth in the novel causes ambiguous assessments of critics.

Russian-Iranian relationship, literary and artistic form, A.S. Griboedov, Yu.N. Tyntyanov, historical truth.

Е.В. Папилова

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина

ОБРАЗ ГЕРМАННА («ПИКОВАЯ ДАМА» А.С. ПУШКИНА) КАК НОСИТЕЛЯ НЕМЕЦКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

В статье кратко рассказывается об имагологии как актуальном направлении сравнительного литературоведения (компаративистики) и ее связи с другими гуманитарными науками, называются основные понятия имагологии, объясняется, почему произведение художественной литературы является богатым материалом для имагологического исследования. Далее автор переходит к анализу образа Германна («Пиковая дама» А.С. Пушкина) в имагологическом ключе: он рассматривается как носитель немецкой ментальности. Утверждается, что выбор национальности и даже имени героя – не случаен. Германн – носитель устойчивых черт национального характера: он в высшей степени рационален, практичен, расчетлив, аккуратен и бережлив. Его цель – обогащение, а любовная интрига – всего лишь прикрытое. Вместе с тем, образ Германна романтичен: это подмечают Лиза и Томский, сравнивая его с Наполеоном, ему свойственны романтический индивидуализм, сила воображения, страсть. Эти качества, на первый взгляд противоположные, уживаются в личности героя и являются константными чертами немецкой ментальности многих персонажей-немцев русской литературы.

А.С. Пушкин, «Пиковая дама», имагология, образ Германна, немецкая ментальность, этностереотип, романтический герой, национальный характер.

В современном литературоведении имагология набирает все большую популярность. Этой дисциплине сравнительного литературоведения (компаративистики) в последнее время посвящается большое количество научных статей и монографий, в Томском государственном университете усилиями сотрудников филологического факультета с 2014 года выпускается научный журнал «Имагология и компаративистика», ставящий своей целью способствование развитию имагологии.

Имагология – это междисциплинарное (объединяющее знания не только собственно филологии, но и смежных гуманитарных наук – истории, культурологии, социологии, политологии и др.) научное направление, изучающее образы «чужих», «других» (народов, стран, регионов, культур, религий) в восприятии собственного народа, своей культуры и традиций. Важнейшими понятиями имагологии являются «этно-стереотип», «национальный характер», «ментальность», антитеза «свое – чужое».

Произведения художественной литературы при этом являются богатейшим материалом имагологических исследований, поскольку содержат в себе множество персонажей-иностранцев, разных упоминаний чужих стран и культур, оценочных суждений, отражая стереотипные представления о них не только автора произведения, но и народа в целом (последнее особенно явно в фольклоре как «сокровищнице» народного сознания). При этом даже, казалось бы, хорошо изученные произведения русской классики можно заново рассмотреть с позиций имагологического анализа.

В данной статье автор обращается к образу Германна в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» (1834)

и рассматривает его как носителя немецкой ментальности.

Жанр этого произведения определяется как повесть, повесть с мистическими элементами. Однако с уверенностью можно сказать, что оно содержит в себе сжатый роман, его «внутренняя форма – в духе романа, но во внешней форме роман не осуществлен» [11, с. 173]. Сюжет, композиция, масштаб идей этой повести типичны для романа: «Сюжет полный, совершенно достаточный для большого романа, сложный, динамичный, с переплетением двух коллизий – авантюрной и любовной, обилием событий, вмещающихся в короткое сюжетное время, но с глубокой исторической ретроспективой – вставная новелла о Сен-Жермене и тайне трех карт – и далекой перспективой судьбы героев в заключении» [7, с. 44–45]. Столь же романский склад у композиции: порядок повествования типичный для романа, с постоянной сменой планов и почти обязательным при этой смене отклонением очередности изложения событий от последовательности их протекания в сюжете. «Пиковая дама» – роман «во всех доступных анализу аспектах художественной формы, кроме разве самого несомненного признака, но и самого несодержательного – объема, длины», – заключает Л. Магазаник [7, с. 45].

Главный герой «Пиковой дамы» – носитель устойчивых свойств немца: в высшей степени рациональный, практичный, расчетливый, аккуратный и бережливый. Открытием Пушкина стал, по определению Достоевского в романе «Подросток», «колоссальный тип» Германна. Его характер и мотивацию поведения в повести кратко определяет другой персонаж, Томский: «Германн немец: он *расчётлив*, вот и

всё!», что само по себе уже стереотип. Пушкин использовал его, создавая художественный тип, знаменующий перспективу исторического развития России.

М.П. Алексеев писал, что Германн, очевидно, был слушателем офицерских классов Института путей сообщения, куда был открыт доступ «детям купцов, преимущественно иностранного происхождения». С получением первого чина слушатели причислялись к потомственному дворянству [1, с. 123]. Такой путь открывал для инородца «относительно скорый – одними экзаменами, без многолетней выслуги – доступ в офицерскую и дворянскую среду» [7, с. 40].

Германн – сын обрусевшего немца, который оставил ему маленький капитал. «Будучи твердо убежден в необходимости упрочить свою независимость, Германн не касался и процентов, жил одним жалованьем, не позволял себе малейшей прихоти» [9, с. 218–219]. Бедность и усердие в достижении благосостояния типичны для многих персонажей-немцев русской литературы XIX в. Германн строил свою жизнь на таких началах: «Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!» (Там же, с. 219). Германн тверд и не позволяет своим желаниям взять верх над разумом: «Будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему (как сказывал он) жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее», и, вместе с тем, «целые ночи просиживал за карточными столами и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры» (Там же).

Вместе с тем, образ Германна, несмотря на свойственный персонажу дух наживы, связан с романтизмом. Герой наделен огненным воображением и страстью. О нем Томский говорит, что он «лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля». Сходство с Наполеоном замечает и Лиза. Сам повествователь пишет, что опечаленный Германн «удивительно напоминал портрет Наполеона». Такое сравнение не случайно: Наполеон был символом романтизма в первой половине XIX в. Черты романтического характера – индивидуализм, сила воображения и страсть – переосмыслены Пушкиным в свете гениально угаданной исторической перспективы распространения капитализма в России. Но при этом глубинную основу характера героя Пушкин не случайно связал именно с немецкой ментальностью.

Пушкин выбрал героя-обрусевшего немца, по видимому, для того, чтобы «оттенить это гиперболизированное представление о капитале как основе жизни, еще не ставшее распространенным в России, в отличие от стран западной Европы» [10, с. 59]. Г.А. Гуковский считал образ Германна мощным типическим обобщением, «созданным на основе глубокого уразумения <Пушкиным> проникновения капитализма в самые основы русской жизни» [5, с. 167]. Он полагал, что в «Пиковой даме» Пушкин продолжает начатую им в «Скупом рыцаре» тему тлетворного влияния «темной силы денег» на русское общество. Этот процесс аналогичен тому, что было на Западе, и способствует морально-психологическому разложению человека. Германн – человек «западного закваса», человек «буржуазного мира». Он – инженер, т.е. человек

наступающего технического века, промышленности, расчета. Ему свойственен трезвый ум, он готов отказаться от романтических фантазий: «Сказки!» – заметил Германн по поводу рассказа Томского о тайне трех карт, но при этом все же пустился в авантюру. Даже само имя героя, нарочито германское, ассоциируется с представлением о Западе и звучит диссонансом среди русских аристократических имен его товарищей (Томский, Чекалинский, Нарумов).

Русская речь героя лишена грамматических неправомерностей (в языковом отношении он полностью обрусел), но множество конструкций и оборотов, характерных для немецкого языка, выдает в нем его немецкую рассудочность: «Я не имею намерения вредить вам», «Игра занимает меня сильно, но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Последнюю фразу С.Г. Бочаров назвал «рассудочной и книжной “немецкой” (словно переведенной)» [2, с. 204]. Ученый обращает внимание на то, как двойственность германновой природы проявляется в его монологе с графиней, в котором «высокий» строй речи срывается на «низкий»: он начинает словами «Если когда-нибудь сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ее восторги, если вы хоть раз улыбнулись при плаче новорожденного сына, если что-нибудь человеческое билось когда-нибудь в груди вашей, то умоляю вас чувствами супруги, любовницы, матери» и кончает: «Старая ведьма! Так я ж заставляю тебя отвечать». Германн переходит от молений к угрозам. Это «два разных лика одной речи и одного образа Германна. Эти две краски суть “спектр” его личности. Это ее аспекты, и ни один, ни другой не обособляется от своего целого и не замыкается в самостоятельный образ» [2, с. 205].

В художественном мире повести Германн пребывает в среде знатных и богатых аристократов. На их фоне фигура «обрусевшего немца» «выглядит знаком русской „безродности“» [6, с. 323]. Для Германна жизнь далеко не столь празднична, как для «ветренных» Томских: «скромные средства и скромное положение в обществе», по Г.А. Гуковскому, «основа всей проблемы Германна» [5, с. 167]. Поэтому Германн «скрытен и честолобив, и товарищи его редко имели случай посмеяться над его излишней бережливостью». Игра для Германна и для «мира Томских» означает разное: для него – возможность упрочить состояние, для них – веселье азарта. Германн чужой в этом обществе, как он чужой и в России: страна, нация, общество – с уже сложившейся государственностью, законами, обычаями, нравственной нормой чужды ему, у него нет почвы, связей, укорененности в национальной жизни, нет прошлого. «Чужой, чужой – это главное качество Германна; он самый чужой из всех пушкинских персонажей, единственный в своем роде» [7, с. 48].

По мнению Н.Н. Петруниной, беспорная в глазах Германна логика (от капитала – к «покою и независимости») и девиз «расчет, умеренность и трудолюбие» были в пушкинском восприятии не приметями его индивидуального жизненного credo, а закрепляли вековой социальный опыт национальной среды, породившей героя, «были своеобразным заветом рода, который он унаследовал вместе с “маленьким капиталом”» [8, с. 215], т.е., говоря иными словами, пред-

определены происхождением героя, его генетической связью с немецкой ментальностью.

В поведении Германна проступает путь будущих героев Достоевского, одержимых идеей капитала, золотого тельца. Все его поведение (вплоть до преступления) подчинено одной цели – разбогатеть. Она живет даже в подсознании – об этом свидетельствует сон Германна. В.В. Виноградов пишет: «Волнение Германна, его азарт и алчность во сне символизируются инверсией и повторением союза “и”»: «Поздно воротился он в свой смиренный уголок; долго не мог заснуть, и когда сон им овладел, ему пригрезились карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев. Он ставил карту за картой, гнул углы *решительно*, выигрывал *беспреданно*, и загребал к себе золото, и клал ассигнации в карман». В.В. Виноградов отмечает, что если переставить наречия перед глаголами, исключить один союз «и», то повествование примет объективно-авторское течение, из него исчезнет взволнованность субъекта, его эмоциональное отношение к передаваемым событиям [3, с. 214].

Высокое самообладание, холодный разум героя, при том, что он наделен «сильными страстями и огненным воображением», создают предпосылку его трагической судьбы. Выбранный Германном путь преступен. Дабы войти в круг общения старой княгини, он разыгрывает любовь к Лизе, преследует ее, пишет ей письма с претензией на романтическое высокое чувство. Одно из них «было нежно, почтительно» и, видимо, от отсутствия собственных идей, «слово в слово взято из *немецкого* романа». Германн настойчив в достижении цели: «Не прошло трех недель с той поры, как она <Лиза> в первый раз увидела в окошко молодого человека, – и уже она была с ним в переписке, – и он успел вытребовать от нее ночное свидание!» Добившись свидания в доме, он становится причиной смерти графини. Виноградов акцентирует внимание на «бесстрастно-деловом стиле» Германна, отмечая, что он «диссонирует с задыхающимся, прерывистым тоном реплик Лизаветы Ивановны»: «Вдруг дверь отворилась, и Германн вошел. Она затрепетала... “Где же вы были?”, – спросила она испуганным шепотом. – “В спальне старой графини, – отвечал Германн, – я сейчас от нее. Графиня умерла”. – “Боже мой!.. Что вы говорите?..” – “И кажется, – продолжал Германн, – я причиною ее смерти”». Растерянности Лизы («затрепетала», «спросила испуганным шепотом») противопоставлено рассудочное хладнокровие Германна.

Н.К. Гей обращает внимание на следующую подробность: Германн верил, что «мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь», и потому «решился явиться на ее похороны, чтобы испросить у ней прощения». Мнимые последствия, воображаемые Германном, несмотря на его холодный и трезвый ум, заставляют его «заглядывать вину» [4, с. 193]. Пушкин неоднозначно мотивирует поступки героя в сюжете. Таковы эпизоды игры по картам, указанным графиней в мистическом видении: поставив первый раз на тройку, он терзаем сомнениями, напряженно следит за картами банкмета и кричит «выиграла!», убедившись в верном действии «тайны, которая ему дорого стоила». Разыгрывая семерку, Германн демонстриру-

ет уверенность в выигрыше – деньги он принял «с хладнокровием и в ту же минуту удалился». Далее, поставив на туз, Германн уже маниакально уверен в своем торжестве. Волнение Чекалинского, метавшего карты («руки его тряслись»), контрастно подчеркивает спокойствие и уверенность Германна. Тем сильнее потрясение: «Германн вздрогнул <...> Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться». Преступление обрекает Германна, а его сумасшествие носит вновь романтический оттенок.

Германн – новый тип в русской литературе 1830-х гг., он одержим идеей обогащения, самоутверждения, его главный интерес – капитал. Им движет не любовная страсть (маску влюбленного он использует для достижения своей цели), а меркантильный интерес. В Германне парадоксально совмещаются романтические черты и черты реалиста-прагматика. От романтического героя у него страсти и огненное воображение: несмотря на расчетливость, он поверил в анекдот, в мистическое видение старухи. Вместе с тем, он – носитель типично немецких черт: рассудочности, рациональности, аккуратности и практичности. В этом сочетании черт характера заключается стереотип(ич)ность образа Германна как немца. Эти две грани немецкой ментальности, немецкого национального характера и в дальнейшем будут появляться в русской литературе. К числу таких персонажей можно отнести романтика и музыканта Лемма («Дворянское гнездо» И.С. Тургенева) и делового практика Штольца («Обломов» И.А. Гончарова).

Литература

1. Алексеев, М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования / М. П. Алексеев. – Ленинград : Наука, 1972. – 468 с.
2. Бочаров, С. Г. «Пиковая дама» / С. Г. Бочаров // Поэтика Пушкина. Очерки. – Москва : Наука, 1974. – 207 с.
3. Виноградов, В. В. Стиль «Пиковой дамы» / В. В. Виноградов // О языке художественной прозы. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
4. Гей, Н. К. Проза Пушкина: поэтика повествования / Н. К. Гей. – Москва : Наука, 1989. – 269 с.
5. Гуковский, Г. А. Изучение литературного произведения в школе / Г. А. Гуковский. – Москва ; Ленинград : Просвещение, 1966. – 266 с.
6. Ермакова, Н. «Пиковая дама»: к соотношению образов Германна и Нарумова в повести Пушкина / Н. Ермакова // Пушкинский сборник. – Москва : Три квадрата, 2005. – С. 318–327.
7. Магазаник, Л. «Пиковая дама»: морфология и метафизика больших тропов / Л. Магазаник // Пушкин и теоретико-литературная мысль. – Москва : ИМЛИ – Наследие, 1999. – С. 30–51.
8. Петрунина, Н. Н. Проза Пушкина / Н. Н. Петрунина. – Ленинград : Наука, 1987. – 333 с.
9. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 томах / А. С. Пушкин. – Ленинград : Наука, 1978. – Т. 6. – 575 с.
10. Рассовская, Л. П. Изображение человека в художественных произведениях Пушкина и Гоголя: диалоги и дискуссии / Л. П. Рассовская. – Самара : Самарский университет, 2004. – 198 с.
11. Чичерин, А. В. Путь Пушкина к прозаическому роману / А. В. Чичерин // История русского романа : в 2 томах. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1962. – Т. 1. – С. 157–179.

E.V. Papilova

**THE IMAGE OF HERMANN (*THE QUEEN OF SPADES* BY ALEXANDER PUSHKIN)
AS A BEARER OF GERMAN MENTALITY**

E. Papilova briefly tells about imagology as an actual field of comparative literary studies and its connection with other humanities. The author studies the main notions of imagology and explains why a work of literature is a rich material for imagological research. Then the author analyses the image of Hermann (*The Queen of Spades* by Alexander Pushkin) in an imagological way: the character is viewed as a bearer of German mentality. The author claims that the choice of the character's nationality and even his name is no accident. Hermann is the bearer of steady character traits of Germans: he is extremely rational, practical, calculating, orderly and thrifty. His aim is enrichment, and the love affair is just a cover-up. At the same time, Hermann's image is romantic: both Liza and Tomsy notice this, they compare him to Napoleon; romantic individualism, power of imagination and passion are his features. These qualities, which may seem opposite at first sight, get along in Hermann's personality and are the constant traits of German mentality of many German characters in Russian literature.

Alexander Pushkin, *The Queen of Spades*, imagology, the image of Hermann, German mentality, ethnostereotype, romantic character, national character.

Э.Л. Трикоз
Музей-квартира В.И. Белова

«МЫ ЖИЛИ В ТОМ ДАЛЁКОМ ДАЛЕКЕ...».
К 90-ЛЕТИЮ ПОЭТА ИВАНА ЛЫЦОВА (1934–1994)
ЧАСТЬ 2

Автор статьи впервые дает подробное описание студенческого периода И.В. Лыцова (сокурсника В.И. Белова) и оценку роли Л.И. Ошанина в творческом становлении поэта на материале воспоминаний современников и архивных данных. Материал помогает представить, какой была жизнь студентов во время учебы в Литературном институте имени Горького (1959–1964).

Поэзия, Иван Лыцов, Литературный институт им. Горького, двадцатый век, Лев Ошанин, Василий Белов, Сергей Есенин.

Литинститут (1959–1964)

В 1959 году Иван переезжает из Тюмени в Москву, чтобы начать учиться в Литературном институте им. А.М. Горького. Он поступил туда, несмотря на большой конкурс (48 человек на место). Его сокурсник Василий Белов отмечал, что на курс брали 45 человек, из них было и много ребят из союзных республик: «Человек шестнадцать туркмен, восемь или девять азербайджанцев, один албанец, один монгол, один киргиз...» [1, с. 116].

Лыцов попал в поэтический семинар известного поэта-песенника Льва Ивановича Ошанина (необычное совпадение: Ошанина звали так же, как и «командарма» Ровнина). Он учился на одном курсе с ныне известными писателями Василием Беловым, Геннадием Русаковым, Валентином Ермаковым, Иваном Косиным. Причем был в числе лучших студентов.

Что известно о литинститутской атмосфере того времени? В общежитии были «просторные комнаты на двоих, холлы с телевизорами, кухни и подсобки на каждом этаже, душ...» [15, с. 110]. Писатель Валентин Солоухин вспоминал: «Общежитие бурлило, на каждом курсе свои лидеры, для утверждения достаточно было нескольких приличных стихотворений, иногда щедрого угощения. Возгласы “талантливо!”, “гениально” сыпались как из рога изобилия, Рубцов осматривался, вслушивался, посмеивался. Мерзликин, Лыцов, Передреев, Примеров – эти стояли не на пустом месте. О каждом из них у Николая свое мнение, к их успехам появлялась ревность» [16, с. 183].

Каким был в то время Литературный институт, можно понять и по воспоминаниям поэта и переводчика Василия Федорова, который в те годы учился на Высших литературных курсах и общался с Лыцовым: «Общежитие у студентов Литинститута и слушателей ВЛК одно: огромный семизэтажный дом на Бутырском хуторе. Студенты с нижних этажей частенько поднимались к нам на шестое и седьмое “небо”. Среди них были и очники, и заочники. Запом-

нились смолянин Владимир Фирсов, орловец Дмитрий Блынский, липчанин Иван Лыцов, вологодцы Василий Белов, волгарь Николай Благов, уралец Валентин Сорокин, северянка Ольга Фокина...» [17].

Примечательно, что и Виктору Петровичу Астафьеву запомнилась в 1959–1961 гг. троица Белов, Лыцов, Русаков. Последний вспоминал: «...приходит на ум Виктор Астафьев. Я знал его в том же Литинституте. Он учился тогда на Высших литературных курсах. Курсантам был отведен верхний этаж общежития на Бутырке. Каждому полагалась отдельная комната, стипендия, казавшаяся нам, при студенческой нашей нищете, заоблачной: на ВЛК приходили писатели с уже наработанной репутацией, с этим приходилось считаться.

И.В. Лыцов с сокурсниками.
Общежитие Литературного института им. Горького.
1960-е гг. Из архива семьи поэта

Астафьев нашу троицу почему-то отличал, особенно Василия с Иваном... На наших этажах кипела безалаберная жизнь с вечным поиском трешки на опохмел, с выяснением отношений. С постоянным:

“Старик, ты гений, и я тоже гений”. А он работал. К нам выходил всклокоченный, с еще отсутствующим взглядом и постепенно приходил в себя сердцем, утишался от страданий и горестей своих героев...» [6].

В ходе изучения различных источников выяснилось, что ближний круг сокурсников Ивана Лысцова жил на одном этаже в общежитии, и студенты были так распределены по комнатам: Иван Лысцов жил с Валентином Ермаковым, а Василий Белов с Юрием Ладохой¹. А над ними, на «небе», жили «соколы земли»: Евгений Носов, Виктор Астафьев, Петр Проскурин, Сергей Викулов, Александр Романов, Владимир Сапожников, Петр Борисков.

По опубликованным воспоминаниям удалось установить некоторые фрагменты из жизни студентов того времени, посмотреть на обстановку института глазами современников поэта, узнать об отношениях начинающих писателей друг с другом, преподавателями.

Петрозаводский поэт Иван Костин отмечал: «Мы съехались из разных концов России: Роман Харитонов из Воронежа, Иван Сенников из Новосибирска, Иван Лысцов из Липецка, Николай Касьянов из Омской области, Олег Семко из уральского города Троицка, Василий Белов из Вологды. Белов жил в соседней комнате и часто заходил вечерами. Склонный к полемике Владимир Ляленков вступал с Василием в длительные дискуссии о жизни и литературе, они спорили, кто из современных тогда писателей пишет правдиво, а кто занимается лакировкой...» [7, с. 192].

*Молодые поэты И.В. Лысцов и И.А. Костин.
Литературный институт, 1960-е гг.
Из архива семьи поэта*

Из воспоминаний поэта, переводчика Геннадия Русакова о студенческих годах: «Мы учились в Литинституте на семинаре Льва Ошанина; Белов писал

¹ Отец Дионисий (в миру Юрий Алексеевич Ладоха, 1938–2000) был священником в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы (г. Обнинск), первым настоятелем Храма в честь Святителя Тихона, Патриарха Московского и Всероссийского с 1992 по 2000. Похоронен около алтаря этого храма.

Василий Белов в воспоминаниях о Шукшине так о нем написал: «Юрий Ладоха, рожденный в тюрьме, занимался в ту пору йогой и часто в прямом смысле стоял на голове. По окончании учебы он стал православным священником...» [1].

стихи и донимал Льва Ивановича страстными тирадами о судьбе вологодского крестьянства... Мы тогда держались плотной тройкой Вася Белов, Ваня Лысцов и я...» [6].

Среди самых бойких и заметных в группе был Иван Лысцов. Подтверждение этому находим и в воспоминаниях Василия Белова «Тяжесть креста»: «Раз в неделю я посещал семинар Льва Ошанина, где мы обсуждали друг друга. Лидировали Гена Русаков, Ваня Лысцов, азербайджанец Фикрет Годжа, горноалтаец Паслей Самык. Вроде не на последнем счету числился и аз грешный с Валей Ермаковым...» [1].

В своей книге «У родных берегов» упомянутый поэт В. Ермаков² рассказывал замечательную студенческую историю: «...на первом занятии оказался корреспондент газеты “Московская правда”. По рекомендации Ошанина он фотографирует Василия Белова, Ивана Лысцова и меня. А через день в столице традиционный праздник – День поэзии.

Нас троих пригласили для участия в разные книжные магазины. Спешу на выступления в радостном волнении, а в газетных витринах с полосы “Московской правды” смотрят наши портреты, в газете напечатаны наши стихи, моих – два, Белова и Лысцова – по одному. Строчка моих стихов “Чтоб каждое слово в поэме звенело” набрана крупно, общей шапкой. Потом Ваня Лысцов будет шутить: “Все мы вышли не из „Шинели“ Гоголя, а из стихов Вали Ермакова”» [5, с. 14].

В малоизвестном автобиографическом очерке В.И. Белова «Филипок» эмоционально и образно описывается первая студенческая весна 1960-го, которая запомнилась автору не только первым гонораром, но и опасным для жизни спором 28-летнего Белова с 26-летним Иваном Лысцовым: «Студенческая жизнь подхватила меня как река, закрутила в литературном водовороте, понесла неизвестно куда, неудержимо и радостно. В те дни меня не покидало счастливое состояние полного безрассудства, романтической отрешенности и неосознанной жажды какого-то предстоящего подвига.

Был я молод, здоров, женат... Да, я был, пожалуй, что счастлив в тот март, в тот 1960 год, первый московский год моего студенчества <...> я ощущал себя счастливым и безрассудным. Разве не безрассудно было на спор пробежать туда и обратно вдоль стены нашего шестиэтажного общежития, с крыши которого скалывали глыбы льда? Такие эти глыбы летели сверху с перерывами в одну-две минуты, они падали вместе с золотой великолепной каплей как будто прямо из ослепительно-голубого неба, пронизанного божественным солнцем...

Но в дурацком споре с самим собою как раз в тот мартовский день я хотел убедиться, что я не трус. На пари с однокурсником Ваней Лысцовым я несколько раз пробежал под ледяными обломками, падающими с голубого и вечного неба» [2, с. 114–115]. Белов выиграл в этом споре.

О чем эта история, если не просто о безрассудстве студентов? Об открытости и спонтанности в кругу друзей, о потребности в быстром успехе среди своих, неоправданной амбициозности, о готовности идти на

² После окончания Литературного института жил в Обнинске.

риск ради утверждения своего «я», об упоении общением с единомышленниками.

О дружбе с Василием Беловым

Лысцов познакомился с Беловым в Литинституте и на протяжении более чем трех десятилетий держал с ним связь. Давней дружбой объясняется их общение на «ты».

Известно дружеское лысцовское «Послание Василию Белову», написанное в год выхода повести «Привычное дело» – в 1966-м. Зная о трудностях публикации текста и переживаниях прозаика, Иван Васильевич написал:

А нам и славы-то не надо,
Как пересуда ни о ком:
Само себе и то награда,
Какие песни мы поем,

Какие думы привечаем,
К каким привязаны речам,
Какие зори где встречаем
И видим звёзды по ночам... [10, с. 312].

В стихотворении Василий Иванович назван «сотоварищем славным» и «безнадежно вологодским»: после окончания столичного вуза вернулся на родину, стал писать о деревне ее языком, герои рассказов и повестей – люди из родной глубинки. И будто неслучайно в послании употребляется неологизм «кибернетик», означавший в то время специалиста редкой профессии. «Привычное дело» в конце 1960-х приняли все – и лирики, и физики, и «даже те, кто терпеть не мог деревню ни в литературе, ни в жизни», как позже скажет Федор Абрамов.

И все желанней, первозданней
У кибернетика в груди
Тоска по песням деревянным,
Как эти спорые дожди.

И ты, мой сотоварищ славный,
Как и вчера, не измени
Той песне древней, самой главной
И в наши атомные дни (Там же, с. 313).

Лирическое послание заканчивается призывом оставаться преданным своим корням, земле, несмотря на перемены, уготованные цивилизацией и техническим прогрессом. Лысцову был очень близок этот мотив. Из стихотворения «Чувство земли» 1966 года:

Видно, крепко в крестьянской душе то начало,
Что сегодня назвали мы чувством земли,
Без какого и в космосе нету причала
И дорогу домой не найдут корабли...

...Не ложитесь, мальчишки, на самом закате:
Берегите сердца материнские, но
Вместе с солнцем, когда подрастете, вставайте –
Эту дивную землю блюсти заодно! [12, с. 86]

К слову, в этом стихотворении говорится о том, почему нельзя ложиться на закате, даже если сильно клонит в сон. А у Белова одна из ранних неопубликованных пьес так и названа «Не спи на закате». Возможно, еще в пору студенчества друзья обсуждали народные поверья, и каждый по-своему осмыслил их сакральный смысл.

После учебы в Литературном институте друзья обменивались книгами, переписывались и встречались в Москве. Из письма 1973 года: «До сих пор помнится наша мимолетная встреча в ЦДЛ. Прошел, видимо, год, а словно бы – час... Шлю тебе в дар обещанные тогда две свои новые книжки. Вася, ты для меня высший суд и совесть: прочти и отпиши... правду. Постегай меня покрепче – мне это лишь на пользу...»³.

С этим же письмом были отправлены сборники 1971 года «Узы» и «Стезя»⁴, последний – с подписью: «Василию Белову, самому дорогому другу, чистому роднику нашей русской словесности с братской любовью Иван Лысцов 22.2.73». Обе книги сейчас хранятся в фонде Музея-квартиры В.И. Белова.

В Государственном архиве Вологодской области сохранились два письма поэта «дорогому другу». В них он обращается к Белову с просьбами: в письме 1973 года – рекомендовать молодого прозаика Вячеслава Горбачева в Союз писателей СССР, в письме 1989-го – помочь получить жилье в Москве скульптору-фронтовику Федору Васильевичу Викулову. Иван Васильевич обращается именно к Белову потому, что его «имя веско и любимо в Москве» и прозаик и депутат Верховного Совета СССР «на большом теперь виду – от программы “Время” до публикаций и фотографий... в прессе» (из писем ГАВО). Была ли помощь со стороны В.И. Белова, пока не установлено.

Из письма 1989 года узнаем и о такой детали из студенческой жизни писателей: молодые Белов и Лысцов были в одном «Союзе лаптежников» вместе с Леонидом Мерзликиным (см. письмо от 30 октября 1989).

Надо отметить, что Иван Лысцов поддерживал связи не только с вологжанином Василием Беловым, но и с его писательским окружением. В Вологде – областном музее и библиотеке – сохранились книги с инскриптами И.В. Лысцова, адресованными поэту А.Я. Яшину и критику В.А. Оботурову.

В сборнике «Благодарствую, жизнь!» из коллекции Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника сохранилась дарственная надпись: «Александр Яковлевичу Яшину, творчество которого люблю с колыбели, на доброе знакомство с парнем от бунинской Руси, – чистосердечно Ив. Лысцов. 9 XI 66 г.» [4, с. 235].

В книге «Празднество» критику, литературоведу, общественному деятелю, в то время ответственному секретарю Вологодской писательской организации Лысцов оставил следующее послание: «Василию Оботурову с благодарностью за дружбу, за солидарность – на жизнь, на творчество, на празднества, с

³ ГАВО. Ф. Р-5134. Оп. 1. Д. 218. Л. 1–3.

⁴ КБИАХМ МКБ КП-1797 Б-1715.

пожеланиями здоровья на долгие времена! Сердечно – автор 26 сент. 1984 год»⁵.

Лев Ошанин

За пять лет учебы Лев Ошанин успевал разглядеть каждого студента, увидеть талант и направить ученика в нужное русло. И это было частью его педагогического труда в институте: по долгу службы он писал рецензии на дипломные работы подопечных, характеристики, рекомендации и вступительные статьи к их поэтическим сборникам. К примеру, им было написано предисловие к первому сборнику прозы В.И. Белова. Именно он подсказал студенту Василию Ивановичу обратиться к прозе, а спустя годы, по профессиональным оценкам, самой удачной и сильной оказалась лирическая беловская проза малых жанров. Как Ошанин почувствовал, что проза даст больший простор для беловской метафоры и накопленных жизненных сюжетов, которые просились на бумагу?

Крутой⁶ характер Ивана Лысцова, пылкий ум и острый язык, внешнее обаяние и умение воздействовать даром слова, поэтическая плодотворность, переходящая из количества в качество, – это сразу увидел Лев Иванович. Да и сама доинститутская биография была ярким свидетельством того, что в творческую профессию «увлекающийся» Лысцов пришел именно за поиском «высшей истины», выплеска своего богатого багажа впечатлений, реализации идеалистической устремленности в будущее, за поиском «густого» и ясного языка поэзии. Сил для веры в свои стихи, для самоутверждения в кругу единомышленников у Ивана Васильевича было в то время достаточно.

Стихи конца 1950–1960-х гг. пестрили словами из разных говоров. За это Лев Иванович журил своего студента, отмечая, что разобраться в своем словарном запасе ему пока трудно⁷. А в Лысцове тот цветастый язык жил и вырывался наружу, как и образы, подаренные путешествиями по стране⁸.

Иван Васильевич знал много необычных народных слов и выражений, с которыми не мог расстаться, потому что они стали частью его самого, его внутренних образов, поэтому в одном тексте могли встречаться слова из южных, сибирских, уральских диалектов. Не случайно поэт и критик Сергей Мнацаканян говорил о И.В. Лысцове, что он писал «на словаре Даля» [13].

А Лысцов любил говорить и писать на языке своих дедов: «...в каждой былинке, в каждом, ненароком оброненном крестьянкой или рабочим щедром переливчатом слове я учусь распознавать душу земли, угадывать народную мудрость». Художник утверж-

дал, что «поэзия... должна быть кровно связана с незамутненными источниками родимой речи, родного языка» [8, с. 8–9].

Многие слова в текстах молодого поэта были непонятны не только читателям, но даже и некоторым профессиональным столичным литераторам. Безусловно, чтобы их понимать, нужен богатый словарный запас или развитое языковое сознание, способное зреть в корень. Впрочем, когда-то и Сергея Есенина ругали за его непонятный язык с «рыхлыми драченами», без которого невозможно воссоздание в стихах избяного космоса, «дремойтны млы» крестьянина.

Не раз Л.И. Ошанин обращал внимание студента на малоизвестные многим народные слова в его ученических стихах, на предпочтительность общеизвестной литературной лексики, предвидя в будущем возможные нападки критиков и литературоведов. Но молодой Иван неотступно раскапывал колодцы «тайн прошлого», отыскивая «душу земли» и точное слово в народных глубинах. Поэт считал: «Поурунили / слово русское! / А то, которое в ходу, / Оно в плечах такое узкое, / Что не узнать и на виду...» [11, с. 87].

Его поэтический язык в конце 1960-х называли стилизацией, далекой от подлинной народности, «типичной “клюевщиной”» (цитата литературоведа В.В. Кожина). В 1970-е литературовед Л.А. Озеров возмущенно писал об авторской поэтической книге «Стезя»: «На каком языке это написано? Что взято в основу речи? Глагол “перебабилися”⁹, этот неологизм, отдает мертвой литературщиной... Иван Лысцов сейчас на такой стадии своей работы, когда ему необходим взгляд со стороны, подсказка критика» [14, с. 261]. Кроме этого, Озеров видел в поэзии И.В. Лысцова возрождение «заумного языка футуристов».

Единомышленники и сокурсники поэта объясняли особенности авторского стиля влиянием творчества С. Есенина, которым все переболели как раз в годы учебы в литинституте. Тюменский писатель и журналист Николай Денисов вспоминал: «В пору моей учебы в Литературном институте многие первокурсники, особенно те, что родились и выросли в деревне, признавали за истинного поэта едва ли не одного Сергея Есенина. Преподаватели нас убеждали, что существует и другая великая поэзия, но Есенин был для нас первым среди великих.

Николай Рубцов, что учился двумя курсами старше, написал в те годы стихи о Есенине, они заканчивались такой строфой: «Эта муза не прошлого дня, / С ней люблю, негодую и плачу. / Много значит она для меня, / Если сам я хоть что-нибудь значу» [3, с. 4].

И Ивану Васильевичу Есенин был близок, молодой поэт во многом ему подражал, кроме прочего, по замечаниям современников, художники были похожи внешнею и характером.

Надо сказать, что исследование идиостилия И.В. Лысцова было и остается недостаточным, чтобы объективно оценить особенности его поэтической речи.

⁵ Сборник из фонда Вологодской областной универсальной библиотеки.

⁶ См. творческую характеристику студента Ивана Лысцова, написанную Л.И. Ошаниным в 1961 году: место хранения – Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина. ГК 29337497. ГЦТМ КП 335699/184.

⁷ «У него богатейший запас народных, областных слов, всевозможных диалектизмов, но разобраться в нем ему еще трудно». Там же.

⁸ О творческих поисках студента см. рецензию Ошанина Л.И. на дипломную работу И. Лысцова – студента Литературного института им. А.М. Горького. С авторской правкой и пометами. 17 февраля 1964 г. ГК 33787966. ГЦТМ КП 335912/222.

⁹ Здесь диалектизм назван неологизмом. Возможно, потому, что критик не знал такого народного слова, которое сейчас включено в диалектологические словари, в том числе в Словарь русских народных говоров.

В литературно-критических журналах встречались как положительные, так и отрицательные отзывы о языке лирика, однако лингвопоэтическим анализом текстов И.В. Лысцова никто не занимался, а поэт, по мнению писателя И.Н. Шевелевой, «сберег в своем горячем сердце заветнейшие чувства и лучшие русские слова. Они перешли в его книги, названия которых звучат песнями для русского слуха, окрыляют нас отсветом красоты и гармонии: “Добрые облака”, “Золотёна”, “Благодарствую, жизнь!”, “Диво”, “Сердолик”, “Доля”, “Узы”, “Стезя”, “Весть”, “Страда”, “Согласие”, “Принесение даров”, “Голос ветра”, “Празднество”, “Белые хлебы”, “Происхождение”, “Птица Феникс”, “Лунница”» [18, с. 260].

Литература

1. Белов, В. И. Тяжесть креста: Воспоминания о В. М. Шукшине / В. И. Белов. – URL: <https://www.booksite.ru/belov/interview/12.htm> (дата обращения: 20.03.2024). – Текст : электронный.
2. Белов, В. И. Филипок (из автобиографической рукописи) / В. И. Белов // Светлые души : сборник прозы. – Вологда, 2006. – [Вып. 2]. – С. 111–123.
3. Денисов, Н. Божественный свет поэта / Н. Денисов // Литературная Тюмень. – 1995. – № 4 (26) – С. 4.
4. «Дорогим, нежно любимым Яшиным...»: библиотека Александра Яшина и членов его семьи в автографах и дарственных надписях : каталог / Вологодская областная универсальная научная библиотека имени И. В. Бабушкина ; Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник ; Никольский историко-мемориальный музей А. Я. Яшина. – Вологда, 2013. – 520 с.
5. Ермаков, В. М. У родных берегов / В. Ермаков. – Обнинск : Технограф, 2004. – 87 с.
6. Игрунова, Н. «Ни от чего нельзя отказываться...»: интервью с Геннадием Русаковым / Н. Игрунова // Дружба народов. – 2008. – №8. – URL : http://www.litkarta.ru/dossier/igrunova-rusakov-interview/view_print/ (дата обращения: 2.03.2024). – Текст : электронный.
7. Костин, И. Судьба мне подарила и муки, и радости / И. Костин // Север. – 2012. – № 9. – URL: <https://litbook.ru/article/5005/> (дата обращения: 15.02.2024). – Текст: электронный.
8. Лысцов, И. В. Страда / И. В. Лысцов. – Москва : Современник, 1974. – 141 с.
9. Лысцов, И. В. Празднество: стихотворения / И. В. Лысцов. – Москва : Советская Россия, 1983. – 166 с.
10. Лысцов, И. Послание Василию Белову / Иван Лысцов // Харовск : краеведческий альманах / Администрация Харовского муниципального района Вологодской области, Вологодский государственный педагогический университет, Харовский историко-художественный музей. – Вологда, 2004. – С. 312–313.
11. Лысцов, И. В. Поурунили слово русское... / И. В. Лысцов // День поэзии. – Москва : Советский писатель, 1965. – С. 87.
12. Лысцов, И. В. Чувство земли / И. В. Лысцов. // День поэзии. – Москва : Советский писатель, 1966. – С. 86.
13. Мнацаканян, С. Рваное время / С. Мнацаканян. – URL: <http://www.rogdestvenskij.ru/8.html> (дата обращения: 01.02.2024). – Текст : электронный.
14. Озеров Лев. Ученые восторги / Л. А. Озеров // Новый мир. – 1974. – № 5. – С. 261. – URL: https://imwerden.de/pdf/novy_mir_1974_05__ocr.pdf (дата обращения: 20.02.2024). – Текст : электронный.
15. Сафонов, В. Николай Рубцов. Повесть памяти / В. Сафонов // Воспоминания о Николае Рубцове. – Вологда, 1994. – С. 110. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/vosporub/text.pdf> (дата обращения: 2.02.2024). – Текст : электронный.
16. Солоухин, В. Воспоминания о Николае Рубцове / В. Солоухин // Воспоминания о Николае Рубцове. – Вологда, 1994. – С. 183. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/vosporub/text.pdf> (дата обращения: 4.02.2024). – Текст : электронный.
17. Федоров, В. Бойцы моей земли (Встречи, раздумья). – Москва : Современник, 1973 год. – URL: <https://itexts.net/avtorvladimir-fedorov/255736-boycu-moej-zemli-vstrechi-i-razdumya-vladimir-fedorov.html> (дата обращения: 15.02.2024). – Текст : электронный.
18. Шевелева, И. Судьба русского слова / И. Н. Шевелева // Молодая гвардия. – 1991. – № 7. – С. 257 – 263. – URL: <https://archive.org/details/B-001-028-249-1991-07-PDF/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 14.03.2024). – Текст : электронный.

E. L. Trikoz

“WE LIVED IN THAT DISTANT TIME...”. THE 90TH ANNIVERSARY OF THE POET IVAN LYSTSOV (1934–1994) Part 2

The author of the article for the first time gives a detailed description of the student period of I.V. Lyssov (a fellow student of V.I. Belov) and assesses the role of L.I. Oshanin in the creative formation of the poet based on the memoirs of contemporaries and archival data. The material helps to imagine what the students' life was like while studying at the Gorky Literary Institute (1959-1964).

Poetry, Ivan Lystsov, Literary Institute named after Gorky, Lev Oshanin, Vasily Belov, Sergey Yesenin.

А.Ю. Лемак

Вологодский государственный университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СУТОЧНОМ ЦИКЛЕ В ЯЗЫКЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена изучению языковых средств выражения суточного цикла в языке Петровской эпохи. Деление суток на части происходит с учетом положения солнца на горизонте, деятельности, которой наполнены части суток, времени суточных приемов пищи. При этом четких границ между частями суточного цикла нет: в первой четверти XVIII в. происходят новые семантические процессы. Суточный цикл делится не только на традиционно выделяемые день, ночь, утро, вечер, но и на множество промежуточных этапов, что свидетельствует о значимости этих отрезков времени для русского человека.

Петровская эпоха, суточный цикл, сутки, утро, вечер, день, ночь.

Введение

Петровская эпоха (1690–1725 гг.) – это время реформ, которые привели к изменениям всех уровней жизни. Не могли не коснуться эти изменения и языка: «Петровской эпохе в становлении русского литературного языка и его лексической системы принадлежит особое место. Это время интенсивного развития (подчас необычайно сложного и противоречивого) разных стилей и жанров литературного языка. Многие из того, что существует в лексической системе современного языка, возникло в Петровскую эпоху» [16, с. 245].

Актуальность данного исследования заключается в том, что слова, входящие в суточный цикл Петровской эпохи, недостаточно изучены: работы исследователей посвящены изучению языковой личности Петра I [9], изучению темпорального кода русского языка [17], особенностям концептуализации суточного круга времени в русской языковой картине мира [16].

Цель данной работы – изучение языковых средств выражения суточного цикла Петровской эпохи. Это необходимо, поскольку в указанный период происходит переосмысление отношения к времени в целом: в языковом обозначении времени нашли отражение представления человека об окружающем мире и о себе. Эта лексика – актуальный код любой эпохи: человек живет во времени, от времени зависит его деятельность и вся его жизнь.

Для достижения данной цели необходимо решение следующих задач:

1) рассмотреть особенности изменения семантической структуры слов, обозначающих части суточного цикла;

2) провести лексико-семантический анализ слов *сутки, утро (рассвет, заря), день, полдень, вечер (закат, сумерки), ночь, полночь*, а также однокоренных слов (см. список);

3) выявить корневые гнезда слов, входящих в суточный цикл, а также большого количества однокоренных слов.

В качестве основного источника фактического материала использовалось многотомное издание «Письма и бумаги императора Петра Великого» (далее – ПБП); в качестве справочников – данные «Словаря русского языка XI–XVII веков» и «Словаря русского языка XVIII века», кроме того, были использованы «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», «Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)», «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой.

Утро

Этимологизация слова *утро* затруднительна. Праславянское *jutro сближали с лит. jai 'уже', ужé; с другой стороны, пытались связать слав. *jutro, первоначально обозначающим 'Время запрягать' со шв. диал. ökt 'определенная продолжительность работы между одной едой и другой', норв. øykt (прагерм. *jaukiþō 'запрягание'), др.-инд. uḅktram 'веревка, подпруга', авест. uabxəda- '(воинское) запрягание', далее – с лат. iugum. Наряду с *jutro реконструируют также праслав. *ustro на основе ст.-слав. заоустра, а также др.-польск. justrzenka, макед. застра 'завтра' [6, т. 4, с. 176].

Сутки начинаются с восходом солнца – с *утра*, имеющего значение 'Часть суток, начало дня, первые часы дня' [4]: <...> *Сеи день и будущая ночь вам еще возможно трудитца там, а далее завтрашняго утра [ежели чего не зделано] бавитца вам там опасно* <...> [1, т. 8, вып. 1, с. 269].

На световое (природное) начало суток указывают *разсвѣтъ* – 'Время суток перед восходом солнца, когда начинает светать; начало утра'; *заря* – 'Яркая освещенность неба над горизонтом перед восходом и после заката солнца'; *денница* – 'Утренняя заря' [3]: <...> *І на разсвѣте к первому и второму перекопу приближились* <...> [1, т. 13, вып. 1, с. 46]; <...> *и адмирал-генерал желает стать на якорь или приставвать*

на какой остров, в то время будут играть трубачи и бить литавры и барабаны как по **зарям** <...> [1, т. 13, вып. 1, с. 138]; <...> *С восходом свѣтлыя денницы Мавряне! Ополчитесь в строй* <...> [4]. Наличие этих синонимов указывает на эстетическое чувство, которое человек испытывает при появлении солнца на горизонте, с утром связаны его надежды, это символ добра и света.

В памятниках письменности первой четверти XVIII в. часто встречаются слова **утренной**: <...> *На утренной подарок обещают они 10 000 рублей* <...> [1, т. 10, с. 164] и **наутрие** со значением 'На следующее утро, на следующий день' [3]: <...> *наутрия пошли на море, при чемъ и казаковъ было нѣсколько лотокъ; и той ночи и наутрие за мелиной устья пройтить было невозможно* <...> [1, т. 1, с. 69]. Они также указывают на светлую часть суток.

Утро – время начала трудовой деятельности: <...> *наши утре выдут. И того ради изволь со всею пехотою итти к Сумамъ будущаго утра или до свету* <...> (Там же, т. 8, вып. 1, с. 320); <...> *Вчерашнего дня Народынъ–салтанъ съ тысячею Татарами по утра ударилъ на обозъ нашъ* <...> (Там же, т. 1, с. 71).

Утро связано с другими частями суточного цикла: как начнется **утро**, так и пройдет весь **день**: <...> *здѣсь, слава Богу, все здорово; только сего дня по утра остѣвить великую стужу, снѣгъ и бурю принесъ* <...> (Там же, с. 59). **Утру** противопоставлен **вечер**: <...> *Вашія милости писмо, изо Лвова вчерашняго дня писанное, мы вчерась ввечеру получили и сего утра его величеству о всемъ донесли* <...> (Там же, т. 5, с. 104). То, к чему подготовились вечером, даст свои результаты утром следующего дня: <...> *того ради того ж вечера стали выбиратьца на берег, дабы поутру атаковать, к чему все было готово* <...> (Там же, т. 13, вып. 2, с. 162). Это указывает на цикличность утра и вечера, они замыкают части суток в единое целое.

При этом происходит соотнесение понятий с повседневной религиозной жизнью: так, **утро** начинается утренней службой и утренней молитвой, а заканчивается **вечером** вечерней службой и вечерней молитвой: <...> *Архиерею резанскому изволь поговорить о молитвах утренних и вечерних, о которых приказывали мы ему, дабы сделать для салдат* <...> (Там же, т. 10, с. 62). В эпоху Петра происходит секуляризация культуры, и это отражается в языке.

Завтраком обозначали первый в суточном цикле прием пищи, имеющий значение 'Утренняя еда': <...> *Любима нѣтъ, и завтракъ наш простынет!* <...> [3]. Это слово образовано от **завтра**, которое происходит от др.-рус. *заутра* (Поуч. Влад. Мон. и др.), ст.-слав. *заоутра* проѡ «завтра» (Супр.), словен. *zâjtra*, *zâutra* 'завтра утром', чеш. *zejtra*, *zítra*, словц. *zajtra*; см. Преобр. I, 240 [6, т. 2, с. 73]: <...> *А как в завтракъ сюда заверни^осся, так может быть и сама ног не унесешь* <...> [3]. Отсюда – частое употребление однокоренных слов **завтрена**, **завтрашний** (Там же).

Таким образом, с **утра** начинается суточный цикл: оно указывает на появление на горизонте солнца, фиксирует время начала трудовой деятельности; утром происходит первый прием пищи. Если бы сутки начинались с ночи, то время не имело бы протяженности.

День

День – основная единица измерения времени от ранних этапов развития человеческой культуры и языка до настоящего времени. В памятниках письменности день впервые встречается в источниках X–XI вв. и «восходит к и.-е. **din-*, производному с суффиксом *-n-* от **di-/dei-* 'светить' (праславянское **dьнь* и его родственные соответствия обозначают светлую часть суток, в некоторых языках – светлый день)» [7, вып. 5, с. 213]: <...> *Аще к'то друга своего оупоитъ до рѣга · да постите са оба ждѣнен* <...> [5, с. 202].

В первой четверти XVIII в. **день** имеет значение 'Время между восходом и заходом солнца, светлая часть суток' [3]. Солнце – главный признак дня и источник света: <...> *И севодни день был пасмарен, и во всю ночь был дош* <...> [1, вып. 1, с. 44]. На это также указывает слово **дневный**.

В ПБП **день** часто имеет значение 'сутки': <...> *сего мѣсяца въ 15 день приѣхали мы въ Черкасской и стояли два дня* <...> (Там же, с. 69); <...> *А у Аларта уже 5 дней как ни хлеба, ни мяса* <...> (Там же, т. 11, вып. 1, с. 286).

День – это время активной физической деятельности: *...и все войско атаковал во весь день* <...> (Там же, вып. 2, с. 35), время дня ценно: <...> *и сие изволь прислать, как наискоря, ибо более десяти дней здѣсь жить не стану, дабы сего не остановить* <...> (Там же, вып. 1, с. 70). В памятниках письменности Петровской эпохи зафиксировано большое количество однокоренных слов **днемъ**, **денник**, **денный**, **днѣвный**, **дневать**, **дневание**, **дневальный**, **дневальня**, **деничик**, **деничиков**, **деничицей**, **деничина**, **подѣничикъ**, **поденичина**, **дневник**, **дневнопись**. День наполнен деятельностью.

Так, в ПБП зафиксировано слово **днище** со значением 'Мера расстояния в один дневной переход по воде' [3]: <...> *сегодня приѣхаль з Дону Савка Кочеть и казаль, что покинулъ своихъ, въ 3-хъ днищехъ отъ Черкасского отшедь, и конечно чають имъ быть къ будущему второму воскресенью сюды* <...> [1, т. 4, вып. 1, с. 317]. **Днище** – временной промежуток, обозначающий количество дней, в течение которых необходимо преодолеть определенное расстояние.

Временем дня можно управлять: например, задерживать: <...> *дабы еще день–другой в пересылках промедлить, пока тѣм временем может король д[атский] к нам случитца* <...> (Там же, т. 12, вып. 2, с. 237). Отсюда – необходимость ценить время дня: <...> *не мѣшкой болше трехъ дней по полученіи сего, чтобъ время не потерять* <...> (Там же, т. 7, вып. 1, с. 4).

День связан с другими частями суточного цикла. Так, день и ночь – это части одного целого: без дня нет ночи и без ночи нет дня; они амбивалентны. При одновременном употреблении проявляется их неразрывность, «неотделимость» друг от друга. В этом проявляется циклическое понимание слова **днь**: постоянная смена, замена дня ночью, а ночи – днем, света – тьмой, указание на извечный природный круг: <...> *и мы пойдемъ немедленно днем и ночью, чтоб с ними где нам видетца* <...> (Там же, т. 8, вып. 1, с. 146). На связь дня и ночи также указывает выражение \diamond **денно и ночью** со значением 'Днем и ночью, непрестанно': <...> *Приѣхаль къ намъ Крюковъ, которой привезъ отъ васъ писмо, чтобъ намъ постышать денно и ночью* <...> (Там же, т. 7, вып. 1, с. 41). «Разделение суток на день и ночь свя-

зано непосредственно с восходом/закатом солнца. Та часть времени, когда светло, именуется днем, та же, когда солнца заходит, – ночью» [12, с. 261], границы между восходом и закатом солнца – это утро и вечер.

Немаловажным в определении временных рамок дня является время одного из основных приемов пищи – *обеда* – со значением 'Время такого принятия пищи (обычно в середине дня)' [3]: <...> *А завтра, Богу изволиу, будем о обѣдь во влотъ* <...> [1, т. 7, вып. 1, с. 185–186]. Время обеда – середина дня. На это также указывают слова *обедать, обедня, обедатель*.

Таким образом, *день* наполнен событиями, в центре которых находится человек. При этом он обладает рядом характеристик: день цикличен, имеет протяженность.

Полдень

В памятниках письменности первой четверти XVIII в. отражена способность дня делиться пополам, состоять из частей, поскольку эта часть суток длительна. В ПБП слово *полдень* чаще всего встречается в документах неофициального характера со значением 'Середина дня, полдень' [3]: <...> *чтобъ въ полдня могли по второмъ приказъ въ путь итти* <...> [1, т. 6, с. 92]; <...> *чтобъ по другому писму могъ въ половину дни собратца и выступить въ походъ немедленно и быть въ Минскъ* <...> (Там же, с. 93). Благодаря *полдню* возможно уточнить, конкретизировать время дня.

Полдень – временной промежуток, в течение которого происходит еще один прием пищи – *полдник* (*полдни* (*полудни*)), имеющий значение 'Еда и отдых в полуденное время': <...> *деловые б обедали и полдничали только 2 часа, а больши б 2-х часов обед с полднями не был* <...> [3], а также *паужина* (*паужинок*): <...> *Ядение по полудни, пред вечером: паужина* <...> (Там же). «Логично было бы предположить, что полдник – прием пищи, происходящий в полдень. Однако в полдень – в середине дня – происходит обед. Соответственно полдник как время легкой еды приходится в промежуток между обедом и ужином» [12, с. 264]. Отсюда – наличие однокоренных слов *полдневати, полудновати, полдневный, полденный, полуденный, полудневный, полдничати, паужинный, паужинать*.

Таким образом, день делится пополам полднем, неким рубежом, в течение которого можно отдохнуть от деятельности, принять пищу.

Вечер

Слово *вечер* образовано от слав. *вѣсегъ и связано чередованием гласных с лит. *ũkti* 'покрываться облаками', *ũkanas* 'облачный', *ũksna* 'тень' [6, т. 1, с. 209].

В первой четверти XVIII в. *вечер* имеет значение 'Время суток между днем и ночью' [3] и указывает на окончание светлой части суток и наступление темноты: <...> *я сего дня въ вечеру приѣхалъ сюда въ добромъ здравь* <...> [1, т. 7, вып. 1, с. 42]. На это также указывают слова *вечера* (*вечером, вечера, вечеру*), *вечертъ* (*вечерять, вечеряться*), *вечерний* (*вечерный*), *вечерница*; выражение \diamond *На вечер, при вечерѣ*.

В ПБП зафиксированы синонимы вечера: *сумерки* – 'Вечерняя полутьма, сумерки; вечернее время', *потемки* – 'Темнота, потемки' [2, вып. 17, с. 287], *закат* – 'Захождение за линию горизонта (о солнце и других светилах)' [3], указывающие на темное время суток: <...> *въ сумеркахъ прошли городъ Усть-Хоперь* <...>

[2, вып. 29, с. 23]; <...> *Линейю конечно делай по указу, також на крайней редут, как мало потемнеет, 50 гренадир* <...> [1, т. 9, вып. 1, с. 212]; <...> *По закату солнца увидѣли мы что неприятель с берегу назад в лодки возвратился* <...> МРФ I 63 [3].

Вечер не время для деятельности, он необходим для подведения итогов дня. Все дела заканчивались вечером: <...> *и бой обновивъ, продолжало съ обоихъ сторонъ, другъ другу не уступая, даже до вечера...* [1, т. 3, с. 380]. На это указывают слова *вечерок, вечерочек; вечерешний*. Единственно возможная деятельность в это время суток – церковная служба, на это указывают слова *вечерня* и *вечеря*: <...> *В том монастырь слушал того же дня вечерню* <...> [3]; <...> *Перед вечереннымъ благовъстом* <...> (Там же).

Вечер – это начало отдыха: <...> *Сей огненной пиръ пребывалъ отъ вечера даже* <...> [1, т. 3, с. 168]; это время радости и приятных встреч: <...> *Впрочемъ желаю, дай Богъ, васъ намъ видеть въ радости [а вчерась згло было трудно во весь вечеръ]* <...> (Там же, т. 5, с. 223). На это также указывают слова *вечеринка, вечериночка*.

На связь вечера с другими частями суточного цикла указывают слова *вчера* (*вчерасть*) – 'В минувший день, накануне' [3], *вчерашний* (*вчерашной*) – 'Относящийся к минувшему дню; бывший вчера': это объясняется наличием «древнего твор. п. ед. ч. основой на -о с окончанием и.е. -ѣ: лит. -ũ, судя по интонации» [6, т. 1, с. 366]: <...> *Писма Боуровы чрезъ денщика вашего вчерашняго дня въ вечеру мы получили* <...> [1, т. 7, вып. 1, с. 145].

Вечером происходит последний прием пищи за сутки – *вечеря* (*вечера*) со значением 'Ужин': <...> *Да соизволят <Вожди> внити во–Град его благосклонно, И да в нем, по Вѣчери, ноць препроводят покойну* <...> Трд. Тилем. I 194 [3]. Отсюда – наличие слов *вечеряти, вечерины* (Там же).

Таким образом, вечер указывает на окончание световой части суток и наступление темноты; в это время деятельность дня заканчивается; происходит еще один прием пищи.

Ночь

В памятниках письменности *ночь* (*ноуѣ*) впервые встречается в X в. и «восходит к и.-е. *noktъ с основной на согласный» [6, т. 3, с. 86], соответствует ст.-слав. *ноуѣ* со значением 'Время с вечера до утра' [7, т. 25, с. 175]: <...> *Бѣ іона въ чръвь китовѣ · три дни три же ноити* <...> [5, с. 384].

В первой четверти XVIII в. *ночь* имеет значение 'Часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра' [3]: <...> *Королевское величество нечаемо къ намъ самъ вдругъ въ Тикатинъ прибылъ [которой такъ важно гхалъ сквозь самыхъ Шведовъ и цѣлую ночь у оныхъ былъ* <...> [1, т. 3, с. 475–476]. На ночь как на темное время суток указывают слова *ночевать* (*ночевати*), *ночевание*, *ночесь*, *ночешный* (*ночешный*), *ночной* (*нощной*), *ночка*, *ноченька*, *ночью* (*нощию*).

Благодаря ночной темноте можно избежать потери людей: <...> *если бѣ не ночь наступила, никто бѣ не спасся* <...> (Там же, с. 420). Темное время суток – это преимущество, используя которое можно одержать победу над врагом: <...> *и съ неприятели бились довольно и тѣмъ роскатомъ овладѣли, а дождався*

ночи, съ того роскату четыре пушки стащили <...> [1, т. 1, с. 94]; или быстро войти во вражеский город: <...> и обозомъ городъ обнявъ кругомъ и послѣ въ шанцы въ одну ночь вступили такъ блиско, что ис мелкого ружья стрѣлятца стали <...> [1, т. 1, с. 71].

При этом ночь – это время отдыха и сна: <...> *И тако, за наступающею ночью, отступили обѣ страны съ войскамъ своимъ паки назадъ въ обозы свои <...> (Там же, т. 3, с. 380); <...> бригады, которыя ночью не работали <...> (Там же, т. 9, вып. 1, с. 212). Ночью прерывается любая деятельность: <...> и чтобъ заэтра стать вамъ въ томъ мѣстечкѣ, хотя къ ночь <...> (Там же, т. 7, вып. 1, с. 62). Также на отсутствие деятельности в это время суток указывают слова *ночлег, ночлежный, ночлеговать, ночлежник, ночник (нощник), ночница.**

Однако ночь – время беспокойное: <...> *А неприятель идет с помещением: вчерась пошел с полудни и шел чрез всю ночь не становясь <...> (Там же, т. 9, вып. 1, с. 146), поэтому необходимо проявлять бдительность, иначе произойдет непоправимое: <...> Но згло осторожно надлежитъ смотрѣть, чтобъ ночью обманомъ куды стороною кругомъ нашихъ въ Ригу не ушли <...> (Там же, т. 3, с. 362). Темное время суток – ночь – это период, когда происходят преступления, угрожающие жизни человека, поскольку их совершают ночью.*

Ночи противопоставляется *день* как темное и светлое время суток: <...> *Та наша партія пришла къ Митавѣ въ ночь не задолго свѣта, и какъ началъ быть свѣтъ, спѣши драгуновъ пришли къ посаду <...> (Там же, с. 379). День – это время деятельности, ночь – время сна и отдыха. Ночью деятельность вынужденная: <...> *и на 70 гантъмортировъ желѣзных, которыми ночи непрерывно мѣшать брешь задѣлывать <...> (Там же, т. 10, с. 127). При этом выражение \diamond *День и ночь* – 'Все время, непрерывно' [3] указывает на их связь, зависимость друг от друга: они являются частями одного целого – суток: <...> *а какъ она будутъ, і я іскупя, что надабетъ, поеду тотъ часъ день і ночь <...> (Там же, т. 1, с. 15). Ночь* циклична и всегда идет в паре с днем: они противопоставлены друг другу как светлая и темная части одних суток; если день наполнен деятельностью, то ночь – это «провал», перерыв, время, когда люди спят; ночью нет приемов пищи. «Если по тем или иным причинам человек не ложился спать, то в некотором смысле у него не было ночи. Ночь в этом случае как бы выпадает из суточного цикла» [8, с. 58].**

Таким образом, ночь – это темное время суток, в течение которого деятельность и приемы пищи прекращаются; это время отдыха и сна.

Полночь

Поскольку ночь – продолжительная часть суток, она делится пополам. Для этого используется слово *полночь* – 'Середина ночи, полночь; время, близкое к полуночи' [3]: <...> *возвѣщаю, что Кузмыдемьянской прогхали въ полночь <...> [1, т. 1, с. 34]; <...> Куды вы идете, о том прошу уведомления; а ежели до полуночи не получим, то пойдѣм с полночи вашим трактом <...> (Там же, т. 8, вып. 1, с. 160). На это также указывает слово *полнощный* – 'Относящийся к полуночи, полночный': *...какъ было в полнощное время и все людие поуснули...* Рим. д., 183. 1688 г. [2, вып. 16, с. 228].*

Сутки

При рассмотрении слов *утро (рассвет, утренняя заря, утренние сумерки), день, полдень, вечер (вечерняя заря, вечерние сумерки, закат), ночь, полночь* необходимо рассмотреть само слово *сутки*. О зависимости суток и названий, входящих в суточный цикл понятий, писала Р.М. Цейтлин: «Подобно году, но с более очевидной зависимостью от движения солнца по небосводу, сутки делятся на день и ночь, а «межевьями» временными рубежами оказываются утренняя и вечерняя заря (рассвет и закат), а также полдень и полночь» [14, с. 24].

М. Фасмер объясняет происхождение слова *сутки* соединением приставки су- (SQ-) со значением объединения нескольких составляющих в одно целое и корня **тъка*, имеющего значение 'нечто соприкасающееся, стыкающееся концами, краями' и связанно со *тъкать* [6, т. 3, с. 811].

В памятниках Петровской эпохи слово *сутки* имеет значение 'Сутки, 24 часа; день' [2, вып. 29, с. 66]: <...> *а достальнымъ вели итить съ поспѣшеніемъ; а самъ, ваша милость, изволь стать въ сутки, какъ мы прігхали <...> [1, т. 1, с. 461], при этом часто используется слово *день* как синоним суток, поскольку день – самая значимая для человека часть суток: <...> *Сего мѣсяца въ 15 день прігхали мы въ Черкасской и стояли два дня <...> (Там же, с. 69).**

В начале XVIII в. *сутками* называли не только объединение дня с ночью в единое целое, но и время, когда «ночь и день вмѣстѣ взятые сходятся со слѣдующею парею» суток [13, с. 47]: <...> *Також когда карабли зберутца, тогда оных разнастить такимъ образом, чтобъ мочно в сутки или двои паки оснастить <...> [1, т. 12, вып. 2, с. 149–150]. В ПБП зафиксированы слова *заэтра, позаэтре (кончая позаэтряя)*, имеющие значение 'На следующий день, следующие сутки', а также *послѣ заэтрея* со значением 'Следующий после следующего дня день (сутки)': <...> *Мы позаэтре будемъ въ Гродню <...> (Там же, т. 7, вып. 1, с. 26); <...> послѣ заэтрея конечно буду отвѣтствовать <...> (Там же, т. 6, с. 177). Это указывает на цикличность, повторяемость суток.**

Сутки – непрерывная протяженность, в течение которой сменяются его части; только совокупность этих частей можно назвать сутками: <...> *хотя бѣ і мостъ здѣлалъ, то не можетъ ни въ сутки переправитца со вѣсею армѣею <...> (Там же, т. 7, вып. 1, с. 98); <...> что всѣ, в неприятелскихъ рукахъ хотя 24 часа бывшее, за добычь признавается (Там же, т. 9, вып. 1, с. 322). Слово *сутки* в русских памятниках письменности обозначало погодные характеристики, температуру, размер, продолжительность, эмоционально-оценочное отношение, звук, цвет и имело типовое значение, однако в некоторых работах читаем, что слова *сутки* не было [14].*

Таким образом, *сутки* «структурируют деятельность человеческого общества, создавая границы для реализации как отдельным человеком, так и социумом в целом своих возможностей и потребностей» [10, с. 63–64], они по своей природе тесно связаны с физическим временем, являются наглядным воплощением циклического характера социального времени.

Выводы

В данной работе были изучены языковые средства выражения суточного цикла в языке Петровской эпохи.

В сознании человека первой четверти XVIII в. сутки – время циклическое: оно охватывает природные циклы, возвраты, повторы одних и тех же событий, таких как восход солнца, фазы луны, смена сезонов.

При этом они отражают циклы человеческой жизни, времен года и реализуются в соответствующей лексике, называющей данные циклы: человек социальное время накладывает на природное, корректируя его, пересматривая, подстраивая под природное.

По характеру мотивации в Петровскую эпоху существовали слова с прямой (непосредственной) мотивацией названий, связанных с наличием/отсутствием солнца на небосводе (*утро, день, вечер, ночь*) и косвенной (опосредованной) через отсылку ко времени принятия пищи: *завтрак* – первый прием пищи, *полдник* – второй прием пищи, *паужиннок* – легкий перекус, *ужин* – четвертый прием пищи), через отсылку к природным явлениям (*заря, рассвет, закат, сумерки, потемки*).

В памятниках первой четверти XVIII в. зафиксировано достаточно большое количество слов, указывающих на деятельность, которая происходила в конкретное суточное время, особенно это касается слов, образованных от слова *день*, поскольку это время активной трудовой, физической, производственной деятельности.

Части суток связаны, зависят друг от друга; четких границ между частями суток нет. При этом деление суточного цикла на множество промежуточных этапов является свидетельством значимости этих отрезков времени для русского человека: в первой четверти XVIII в. возникает ценность времени, его отдельных отрезков. Человек Петровской эпохи (в том числе сам Петр Первый) – человек активный, деятельный, он структурирует время, для того чтобы оно прошло более плодотворно, результативно. Слова, входящие в суточный цикл в Петровскую эпоху, частотны как в письменной, так и в устной речи.

Источники

1. Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 томах / Комиссия по изданию писем и бумаг императора Петра Великого. – Санкт-Петербург ; Москва, 1887–2003.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Российская академия наук, Институт русского языка имени В. В. Виноградова. – Москва, 1975 (издание продолжается).
3. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Институт русского языка. – Ленинград : Наука, 1984 (издание продолжается). – URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 31.10.2024). – Текст : электронный.
4. Словарь русского языка : в 4 томах / РАН, Институт лингвистических исследований ; под редакцией А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 31.10.2024). – Текст : электронный.

сы, 1999. – URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 31.10.2024). – Текст : электронный.

5. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – Москва : Русский язык, 1994. – 842 с.

6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; перевод с немецкого и дополнение О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Прогресс, 1986–1987.

7. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Отдел этимологии и ономастики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН. – Москва : Наука, 1974 (издание продолжается).

Литература

8. Арутюнова, Н. Д. Время: модели и метафоры / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Язык и время / РАН. Институт языкознания ; ответственный редактор: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – Москва : Индрик, 1997. – С. 51–61.

9. Гайнуллина, Н. И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания) / Н. И. Гайнуллина. – Алматы : Қазақ университеті, 2002. – 126 с.

10. Демидов, В. П. Социальное время: некоторые свойства / В. П. Демидов // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. – 2010. – № 6. – С. 61–66.

11. Михеева, Л. Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Михеева Любовь Николаевна. – Москва, 2004. – 31 с.

12. Победаш, Е. В. Восприятие категории «Сутки» носителями русского языка / Е. В. Победаш // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2013. № 2 (73). – С. 260–267.

13. Потехня, А. А. Значения множественного числа в русском языке / А. А. Потехня // Филологические записки. – 1888. – Вып. 1. – С. 45–60.

14. Толстой, Н. И. Времени магический круг (по представлениям славян) / Н. И. Толстой // Логический анализ языка: Язык и время / РАН, Институт языкознания ; ответственный редактор: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – Москва : Индрик, 1997. – С. 17–27.

15. Цапенко, С. А. Особенности концептуализации суточного круга времени в русской языковой картине мира : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Цапенко Светлана Алексеевна. – Архангельск, 2005. – 28 с.

16. Цейтлин, Р. М. Материалы для изучения значений приименной приставки SQ- в славянских языках / Р. М. Цейтлин // Ученые записки института славяноведения. Академия наук СССР. – Москва, 1959. – Т. XVII. – С. 208–247.

17. Широкова, Е. Н. Темпоральный код русского языка как репрезентативной категории времени : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Широкова Елена Николаевна. – Нижний Новгород, 2004. – 48 с.

A.Y. Lemak

THE IDEA OF THE DAILY CYCLE IN THE LANGUAGE OF THE PETRINE ERA

The article is devoted to the study of the linguistic means of expressing the daily cycle in the language of the Petrine era. The division of the day into parts takes into account the position of the sun on the horizon, the activities done at different time of the day, and the time of meals. At the same time, there are no clear boundaries between parts of the daily cycle but new semantic processes occur in the first quarter of the 18th century. The daily cycle is divided not only into the traditionally designated day, night, morning and evening, but also into many intermediate stages, which indicates the importance of these periods of time for the Russian people.

Peter's era, daily cycle, day, morning, evening, day, night.

Т.В. Никитенко

Белорусский государственный университет

ГЛАГОЛЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (НАЙМА): СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

*Исследование выполнено при поддержке Гранта ректора БГУ по теме
«Динамика семантических процессов в истории языка
(на материале оценочной лексики славянских и германских языков)», 2023–2024 гг.*

Рассматриваются семантические и функциональные особенности глаголов найма в русском языке, сопоставляются с английскими глаголами того же тематического класса. Материал исследования извлекался из толковых и переводных словарей русского и английского языков, электронных корпусов текстов.

Глаголы найма, тематический класс, значение, перевод, соответствие, русский язык, английский язык.

Введение. Статья посвящена анализу одного из коммуникативно значимых тематических классов глаголов – глаголам найма на работу и их сопоставлению с английскими глаголами того же тематического класса. Вопросы занятости населения являются важнейшими с точки зрения социального благополучия и качества жизни любого общества. Можно предположить, что вопросы приема на работу являются актуальным коммуникативным смыслом как в повседневном, так и в официальном общении. Глаголы найма репрезентируют ситуацию установления социально-трудовых отношений между работником и работодателем. В различных странах могут существовать разные формы занятости, что обуславливает функционирование разнообразной лексики, отражающей установление сложных социально-трудовых отношений между нанимателем и работником. Цель данной работы заключается в выявлении семантических и функциональных особенностей глаголов найма в русском языке, их сопоставлении с английскими глаголами того же тематического класса, также уделяется внимание проблемам их перевода. Материал исследования извлекался из толковых и переводных словарей русского и английского языков; примеры приводятся из Национального корпуса русского языка (далее – Корпус) [3], Британского национального корпуса (British National Corpus, далее – БНК) [8]. В работе применялись следующие методы: дефиниционный анализ, компонентный анализ, контекстуальный анализ, дистрибутивный метод, также использовался корпусный подход к анализу исследуемой лексики.

Общая характеристика русских и английских глаголов найма. Дефиниционный анализ современных толковых словарей русского языка позволяет выделить ряд глаголов, обозначающих найм для выполнения работы на каких-либо условиях: *брать* (сов. *взять*), *вербовать* (сов. *завербовать*), *комплектовать* (сов. *укомплектовать*), *набирать* (сов. *набрать*), *назначать* (сов. *назначить*), *нанимать* (сов. *нанять*),

подряджать (сов. *подрядить*), *привлекать* (сов. *привлечь*), *приглашать* (сов. *пригласить*), *принимать* (сов. *принять*). Благодаря развитой морфемной деривации становятся возможны такие формы, как, например, *понабрать*, *понабирать*. В Корпусе [3] фиксируются просторечные префиксальные образования *понанимать*, *понанять*, исключаемые толковыми словарями и литературным стандартом, но, вместе с тем, функционирующие в художественной литературе, ср.:

(1) *Мы согнали людей, понанимали беженцев, зря кормим* (С.Ф. Буданцев. Саранча).

(2) [Мавра Львовна Поддевкина] *Отец твой в деньгах, долги платит, деревья накупил, работников понанял да и себя не забывает* (И.И. Лажечников. Окопировался).

При очевидном сходстве семантики рассматриваемые глаголы отчетливо демонстрируют наличие дифференциальных семантических признаков, обладают стилистическим своеобразием, имеют разную прагматическую значимость.

Особенностью русскоязычных глаголов найма является то, что за исключением небольшого числа непроизводных глаголов с достаточно общей семантикой (пр. *брать*) они являются морфемными (*нанимать*, *подряджать* и др.) или семантическими (*назначать*, *приглашать*, *принимать* и др.) дериватами.

На запрос *employ* в поисковой строке словаря «Collins Thesaurus» [10] приводится следующий ряд лексем: *hire* ‘нанимать’, *commission* ‘давать заказ’, *appoint* ‘назначать’, *take on* ‘принимать (на службу), брать (на работу)’, *retain* ‘приглашать, особенно адвоката с предварительной оплатой услуг’, *engage* ‘нанимать’, *recruit* ‘вербовать; комплектовать’, *sign up* ‘поступить на работу; нанять на работу; наняться’, *enlist* ‘вербовать на военную службу; поступать на военную службу’, *enrol* ‘вербовать, зачислять в армию; поступать на военную службу’.

При сопоставлении русскоязычной и англоязычной выборки становится очевидным, что в англий-

ском языке больше специализированных глаголов (*commission* 'давать заказ, особенно творческий', *retain* 'приглашать, особенно адвоката с предварительной оплатой услуг'). При переводе на русский язык, вероятно, они обычно заменяются глаголом с более общим значением.

(3) *If someone commissioned a consulting engineer to do a project, then he would be expected to do the survey, the scheme design <...>* ('Если бы кто-то нанял инженера-консультанта выполнить проект, то, как предполагалось бы, он сделает обследование, разработает конструктивную схему <...>') (British Rail team brief meeting, 30 Apr. 1993)¹.

Многие современные английские глаголы найма являются семантическими дериватами. Например, в ретроспективе семантика одного из доминантных глаголов данного тематического класса *employ* будет представлена так: 1) 'использовать'; 2) 'закутывать, запутывать, в т.ч. переносно'; 3) 'подразумевать, означать'; 4) 'намекать'; 5) 'пользоваться услугами кого-л. за определенную плату, нанимать'; 6) 'занимать, увлекать' [11]. Значения 2, 3, 4 вышли из употребления в начале XVII в., значения 1, 5, 6 функционируют до сих пор; в современных толковых словарях значение 'пользоваться услугами кого-л. за определенную плату, нанимать' определяется как основное [9].

На первый взгляд может показаться, что в английском языке глаголы найма представлены в гораздо меньшем количестве, чем в русском языке. Этот факт можно было бы объяснить наличием: 1) видовых пар в русском языке (*брать – взять, набирать – набрать, нанимать – нанять*) и 2) префиксальных (*навербовать, перевербовать, понабирать*), а также потенциальных морфемных производных, которые могут быть образованы по продуктивным словообразовательным моделям (*понанимать, привербовать* и др.; некоторые из них зафиксированы в художественной литературе и просторечии). Однако дефиниционный анализ толковых словарей английского языка позволяет увеличить количество глаголов найма: к ним причисляются некоторые фразовые глаголы, имеющие образное основание, пр.: *bring in, call in, get in* и др. Контексты это подтверждают, ср.:

(4) *It was clear then that the staff would not only have to work extremely hard, and be at their most alert, they would also have to be unusually flexible. In fact, I was for some time of the opinion that this huge challenge ahead of us could not be surmounted without my bringing in additional staff from outside* ('Стало тогда понятно, что персоналу придется не только напряженно работать и быть начеку, но проявить необычайную гибкость. На самом деле, я какое-то время полагал, что ожидающее нас впереди испытание невозможно преодолеть без привлечения (= найма) дополнительного персонала') (K. Ishiguro. The remains of the day).

Важной особенностью многих английских глаголов, в том числе глаголов найма, является способность к варьированию диатезы и переходности без изменения формы. Например, предикат *sign up* может значить 'нанимать на работу' (5) и 'наниматься' (6), ср.:

(5) *Naomi Campbell and Claudia Schiffer, who have dominated the world of glamour for so long, will face tough competition as designer labels clamour to sign up actresses Michelle Pfeiffer, Geena Davis and Kim Basinger* ('Наоми Кэмпбелл и Клаудия Шиффер, которые так долго доминировали в мире гламура, столкнутся с жесткой конкуренцией, поскольку модные дома стремятся (досл. 'шумно требовать') подписать (= нанять) актрис Мишель Пфайффер, Джину Дэвис и Ким Бейсингер') (Today, 1995).

(6) *He has since left BP to sign up for an American company in Oklahoma* ('После он уволился из компании ВР (Би-Пи), чтобы устроиться (= наняться) в американскую компанию в Оклахоме') (ВРХpress, October 1993).

Русскоязычные глаголы найма такому явлению подвержены гораздо реже. Очевидно, к ним можно отнести *принимать*, который в одном из своих значений определяется как 'включить в состав кого-, чего-л., допустить участие в чем-л.; зачислить' (*принять на работу, принять в профсоюз, принять кого-л. на какую-л. должность*)². Правая валентность глагола реализует объект в форме прямого дополнения, семантически совпадающий с пациенсом, а также предполагает предложно-падежную форму, как, например, *на работу*. В центре коммуникативной ситуации находятся и работодатель, и работник.

(7) *Я смотрел на него и думал: что же делает этот неумный человек в том тишайшем учреждении по охране заповедников, в которое его засунули? <...> Увольняет и принимает на работу пасечников из бежавших кулаков и сектантов?* (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей).

Обзор семантической структуры глагола *принимать* позволяет выделить конверсивное значение – 'занять какую-л. должность, приступить к каким-л. обязанностям' (*принять пост директора, принять назначение на новую должность*). В центре коммуникативной ситуации находятся предполагаемая должность и работник, синтаксически совпадающий с субъектом; работодатель оказывается на периферии, как в примере (8):

(8) *Телеграмма жене в С.-Петербурге в начале октября 1885 года о решении принять новую должность и остаться на прежнем месте работы ещё на полтора года, казалось, ничем не угрожала его семейной жизни* (А.Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой).

Особенности семантики и функционирования русскоязычных глаголов найма. В «Толковом словаре русских глаголов» предикаты *брать, вербовать, нанимать* относятся к глаголам получения объекта в свое распоряжение; базовый среди них – глагол *брать* [6, с. 568–570]. Обзор семантической структуры *брать* позволяет выделить по меньшей мере 11 значений; среди них выделяется 'принимать кого-что с какой-л. целью, обязательством, на каких-л. условиях' (*брать ребенка на воспитание; брать на завод молодых специалистов; брать в свою команду*). «Ак-

¹ Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – Т. Н.

² Все дефиниции русскоязычных лексем приводятся по данным «Новейшего большого толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [4].

тивный словарь русского языка» у глагола *брать* выделяет 17 значений, одно из которых (индекс 5.2) представлено так: ‘лицо А1 нанимает человека А2 на работу А3 с заработной платой А4 на время А5’. Приводятся синонимы – *принимать* (на работу), *нанимать* [1, с. 343].

Как глагол найма *брать* (и его видовой коррелят *взять*) часто функционирует с существительным в предложно-падежной форме *брать на работу, в штат, на полставки*; семантический объект, совпадающий с пациенсом, всегда эксплицируется, поскольку находится в центре коммуникативной ситуации, ср.:

(9) *Однако не каждая компания берет на работу детей сотрудников* (Н. Барановская. Служи, Гаврила, почтальоном. Где заработать подростку во время каникул // Известия, 03.06.2002).

Пример (10) демонстрирует, что семантические роли объекта не сводятся к пациенсу. В данном случае – это образ.

(10) *Хорошо, предположим, руководитель производства понимает, что берет на работу кота в мешке с дипломом и поласает при этом, что разберется позже, внутри фирмы, во время дополнительного обучения и испытательного срока* (М. Красильникова, И. Прусс. Обладатель диплома на рынке труда // Знание – сила, 2010).

В русском языке *брать* входит в состав многих морфемных производных – *набрать, набирать, нанять, нанимать*.

*Нанимать*³ является одним из доминантных глаголов найма и определяется так: ‘принять для выполнения какой-л. работы на определенных условиях’ (*нанять проводника, домработницу, бригаду рабочих*). Глагол известен по письменным источникам с XV в. в значении ‘подрядить кого-либо для выполнения какой-либо работы’, с конца XVI в. – ‘взять внаем, арендовать’. Известно, что форма *нанять* является префиксальным дериватом, образованным от исконного глагола **jęti* ‘взять’ [7, т. 3, с. 42].

Согласно данным Корпуса [3], агенс, выражаемый субъектом глагола *нанимать*, часто является не учреждением, а частным лицом, как в примерах (11), (12). В случае с глаголами *брать, набирать* агенс чаще предстает организацией или руководителем, наделенным полномочиями от лица организации.

(11) *Моя сестра сейчас даже учителя нанимала, типа логопеда, – не помогло* (К. Метелица. Фруска // Столица, 1997).

(12) *«Ведь вас целый день нет дома, – говорила она, – на кого вы его оставите? Наймете няньку? Во сколько это вам обойдется?»* (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Набирать в основном значении определяется как ‘взять, собрать в каком-л. количестве’; одно из производных значений – ‘принять, нанять, нанербовать’ (*набрать рабочих на завод*) || ‘вербуя, нанимая, образовывать, составить’ (*набрать армию, отряд добровольцев, бригаду*). Доминантный семантический признак

‘собрать в каком-л. количестве’ определяет объект глагола – чаще всего это не индивидуальный, а коллективный пациенс.

(13) *В 1937 году, в школу, где я учился, нагрнула съемочная группа, набиравшая актеров, персонажей для фильма* (М. Тайманов. Эмоции неисчерпаемы // 64 – Шахматное обозрение, 2003).

В префиксальных производных *понабрать, понабирать* приставка *по-* вносит значение поочередности действия, распространенной на все объекты, описываемые глаголом. Эти единицы характерны для разговорной речи и часто выражают неодобрительное отношение, ср. (14), (15):

(14) *«Ладно уж, отойди! И где вас только понабирали, таких чугреев?» – «Многие из “чугреев” имели высшее образование и даже ученые степени»* (Г.Г. Демидов. Начальник).

(15) *Среди отребья, которое понабрал сюда ваш новый директор, только один человек производит впечатление профессионала* (М. Петросян. Дом, в котором...).

Глагол *комплектовать* семантически и функционально близок глаголу *набирать* – ‘набирать должное количество каких-л. предметов, лиц; дополнять до комплекта’. Это значение мотивировано исходным – ‘объединяя объекты, создавать из них комплект’. Доминантный семантический признак во многом определяет специфику объекта глагола – это некая совокупность людей, пр. *комплектовать команду, экипаж, полк, преподавательский состав* и др.

(16) *«Слушайте, ребята, – вдруг сказал Игорь, – если вы серьезно задумали подработать, езжайте в рыболовецкий колхоз “Прожектор”. Три часа езды на автобусе отсюда. Там сейчас комплектуют экипажи к осенней путине»* (В. Аксенов. Звездный билет // Юность, 1961).

При функционировании глагола *комплектовать*, как и в случае с *набирать*, часто роль носителя глагольного признака берет на себя семантический объект, который находится в центре коммуникативной ситуации (в примере выше – это экипаж). В сочетаниях *набирать экипаж* и *комплектовать экипаж* глаголы *набирать, комплектовать* обозначают процесс найма, однако *комплектовать* имеет дополнительный семантический признак – ‘должное, необходимое количество работников’.

Среди глаголов найма можно выделить «периферийные» предикаты, как, например, *назначать* в значении ‘поставить, направить на какую-л. должность, работу и т.п.’ (*назначить директором завода; в школу назначили нового завуча*). Глагол может представлять ситуацию, в которой наниматель предлагает работнику должность, чаще всего более высокую, в рамках уже существующих трудовых отношений, как в примере (17), так и нанимает на какую-л. должность, как в (18).

(17) *В 1934-м альманах преобразован в журнал, а в начале 1935 года, когда Фадеев снова находился на Дальнем Востоке, его вводят в редколлегию и вскоре назначают редактором* (В.О. Авченко. Фадеев).

(18) *Он уже менял в ресторане штат, назначал новых метрдотелей, не переставая чувствовать себя большим начальником* (И.Э. Кио. Иллюзии без иллюзий).

³ В «Новейшем большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова сопровождаются дефинициями заголовочные глаголы в форме совершенного вида.

Любопытно, что подобное наблюдается с английским глаголом *promote* (букв. ‘продвигать’). Он является глаголом трудовых отношений, но исходная ситуация подразумевает перемещение работника на более высокую позицию в рамках установившихся трудовых договоренностей. Вместе с тем, глагол может функционировать в значении найма работника, как, например, в (19):

(19) *He only got the job because he's young and handsome. They only promote good-looking salespeople* (‘Он получил эту работу только потому, что молодой и красивый. Они набирают только смазливых продавцов’) (R. Karlgaard. *Late Bloomers: The Power of Patience in a World Obsessed with Early Achievement*; пер. К. Свешникова).

Рассмотренные выше глаголы (*брать, набирать, нанимать* и пр.) описывают ситуацию, в которой организация, уполномоченное организацией лицо либо частный наниматель предоставляют человеку или группе лиц работу. Характер отношений между участниками как компонент ситуации не является в фокусе, но, очевидно, пресуппозиция данных глаголов позволяет говорить о вертикальном характере отношений: наниматель в роли субъекта имеет более высокое положение, наделен полномочиями в вопросе выбора сотрудников. Рабочие отношения между участниками устанавливаются на материально-финансовой выгоде и предположительно носят формальный характер. Даже в тех случаях, когда агенс остается на периферии коммуникативной ситуации и фокус смещается в сторону пациенса, вертикальный характер отношений сохраняется.

В этой связи глагол *пригласить* может занимать особое положение. В основном значении он определяется как ‘попросить прийти куда-л. или занять место где-л.’ (*пригласить на концерт, пригласить оценщика на дом*). В качестве производного отмечено значение ‘предложить выполнить какую-л. работу, поручение; нанять для выполнения какой-л. работы’ (*пригласить лектора, пригласить актера на главную роль, пригласить к сыну репетитора*). Трудовые отношения между работодателем и работником, очевидно, выстраиваются иерархически, однако в них в высокой степени наблюдается сотрудничество: именно работник принимает окончательное решение о вступлении в трудовые отношения, работодатель признает высокую конкурентоспособность работника. Этот факт осознается говорящими и может иметь такие метаязыковые проявления, в том числе для создания эффекта языковой игры, как в примере (20):

(20) «*Адвокатов не нанимают, уважаемая Алиса Валерьевна, адвокатов приглашают*» (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают).

К периферийным глаголам найма также можно отнести многозначный глагол *привлекать* ‘побудить, вызвать желание или заставить принять участие в чем-л., заняться чем-л.’ (*привлечь к работе*). Семантический объект как бы однонаправленно втягивается в какую-л. деятельность, ср.:

(21) *Теперь надо рассказывать о тех, кто бережно и деликатно включают элементы народного костюма в модели сегодняшнего дня, показывать эти модели, обсуждать их, привлекая разных специа-*

листов: искусствоведов, дизайнеров, модельеров (Народный костюм: архаика или современность? // Народное творчество, 2004).

Среди глаголов найма выделяются прагматически маркированные предикаты. Например, *подрядить* ‘нанять на временную работу на определенных условиях’ характерен для разговорной речи, о чем свидетельствует стилистическая помета [4]. Исторически *подрядить* функционировал в двух значениях: 1) ‘нанять кого-либо для исполнения какой-л. временной работы на определенных условиях’; 2) ‘заключить подряд на доставку чего-л.’. Оба значения известны примерно с начала XVIII в. [5, вып. 16, с. 54]. В семантике глагола *подрядить* компонент ‘временный’ является одним из доминантных: предикат противопоставляется другим глаголом найма (*брать, нанимать*) в оппозиции ‘временная – постоянная занятость’. В примере (22) контекстуально функционируют несколько глаголов найма (*взять, подрядить, обратиться*), при этом *взять*, с одной стороны, и *подрядить, обратиться*, с другой, противопоставлены по длительности предполагаемых трудовых отношений.

(22) *Один из главных вопросов, встающих при создании сайта – кто его должен разрабатывать: поручить ли это одному из сотрудников, взять в штат специалиста, подрядить смышленного студента или обратиться в дизайн-студию* (С. Баричев. Надо выделять товаром. Открываем представительство в Интернете // Бизнес-журнал, 22.01.2004).

Сопоставление русских и английских глаголов найма. Некоторые особенности перевода. В «Англо-русском синонимическом словаре» приводятся два глагола найма – *employ, hire* и их русскоязычные соответствия – *нанимать, брать, подрядить*. Как разъясняется в словарной статье, *employ* «обозначает преимущественно использование какого-л. работника, но не момент его приема на работу; при этом нанимателем, как правило, является не частное лицо, а какое-либо учреждение или предприятие, которое представляет более или менее постоянную работу человеку, являющемуся профессионалом в определенной сфере деятельности» [2, с. 138]. *Hire* обозначает «скорее момент приема на работу, чем процесс использования рабочего»; «предполагает немедленное или быстрое вознаграждение за выполняемую работу, преимущественно физическую, часто временную или сезонную, предоставляемую не учреждением, а частным лицом» (Там же).

Многочисленные глаголы *брать* и *take* являются словарными соответствиями во многих значениях, но в семантике английского коррелята словарь не отмечает значений, связанных с наймом [9]. По свидетельству БНК [8], *take* все же может означать прием на работу за вознаграждение, ср. (23):

(23) <...> *we for certain have got one who will accept the salary, we could take one from outside the field* <...> (‘<...> у нас, конечно же, найдется тот, кто согласится на эту зарплату, мы могли бы нанять кого-либо не из этой сферы <...>’) (Air UK sales meeting, 14 Jan. 1994).

В английской речи встречается частотная коллокация в конверсивном значении *take a job* ‘наниматься’:

(24) *Young ones today won't stand for it. They'd sooner take a job eight to five in a factory, <...>* ('Молодежь не будет это терпеть. Они скорее будут работать (досл. 'возьмут работу') с восьмью до пяти на заводе') (M. Nabb. *Death in springtime: a Florentine mystery*).

Форма *take* является глагольным компонентом частотного фразового глагола найма *take on* (сравните с рус. *нанять, нанимать, набрать, набирать*), который обладает целостностью и воспроизводится в речи в виде семантически неделимой единицы. Несмотря на то что фразовые глаголы часто характерны для разговорной речи, *take on* лишен приметы разговорности.

(25) *Having proved what we were capable of doing, it wasn't long before my optimistic prophecy was fulfilled and we were taking on new staff <...>* ('Вскоре после того, как мы доказали, на что способны, мое оптимистичное предсказание начало сбываться, и мы уже нанимали новых сотрудников <...>') (A. Gallop. *When the Dogs Don't Bark*, пер. И. Чорный).

На запрос *нанимать* параллельный подкорпус Корпуса выдает 278 примеров перевода как с английского языка на русский язык, так и в обратную сторону [3]. Анализ оригинальных англоязычных текстов и их переводов позволяет сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев *нанимать* является соответствием английских *employ, hire, take on, recruit*. В случае с периферийными глаголами, как, например, *привлекать*, они также чаще являются соответствием английских *employ* и *hire*, в особенности когда речь идет о найме высококомпетентных специалистов, ср.:

(26) *And I've been very fortunate, in all the companies I've set up and been involved with, to have employed some fantastic scientists and administrative staff <...>* ('И мне невероятно повезло. Во все компании, с которыми как-то была связана, я привлекала потрясающих ученых и административных работников <...>') (A. Gallop. *When the Dogs Don't Bark*; пер. И. Чорный).

Глаголы с семантикой 'привлекать' в английском языке (*draw, engage* и др.) не относятся к глаголам найма, однако они частотны в сочетаниях с тематически связанными с трудовыми отношениями существительными (*draw the workforce, employees* и др.) и, как следствие, значение найма приобретают.

(27) *From which social classes does the task draw its workforce?* ('Из каких социальных классов можно набирать рабочую силу?') (D.A. Mindell. *Our Robots, Ourselves: Robotics and the Myths of Autonomy*; пер. В. Краснянская).

Прагматически маркированные предикаты могут переводиться по-разному. Например, *подрядить* заменяется стилистически нейтральными *hire* или *employ* (28); в некоторых случаях его вообще опускают (29).

(28) «*Раз подрядила вас, – я выделила тоном слово "подрядила", – значит, есть*» ('Since I hired you, I said, emphasizing the word «hired», it means I do') (С. Лукьяненко. *Дневной дозор*; пер. А. Bromfield).

(29) *А они-то обе, невеста и мать, мужичка подряжают, в телеге, рогожею крытой <...>* ('But his bride and her mother are to drive in a peasant's cart covered with sacking <...>') (Ф.М. Достоевский. *Преступление и наказание*; пер. С. Garnett).

Соответствием *подрядить* с английского на русский язык переводят: 1) разные глаголы найма, функционирующие в ситуации диалога (30) либо 2) глагольные коллокации с существительным (31).

(30) *What's going on here, Tommy? Has Keffer recruited you for his porn patrol?* ('Томми, что происходит? Кефферс подрядил тебя в полицию нравов?') (K. Ishiguro. *Never Let Me Go*; пер. Л. Мотылев).

(31) *There was a party from Eastern Oregon, real miners, that'd managed to get a team of Indians together at seventy cents* ('В это время на берегу находились приезжие из Восточного Орегона, настоящие рудокопы, и им удалось подрядить несколько индейцев по семьдесят центов за фунт') (J. London. *Smoke Bellew*; пер. Н.К. Чуковский, Л.К. Чуковская).

Особую сложность для перевода представляют оценочные предикаты. Например, сочетаемость (*вербовать агентов, приверженцев, исполнителей*) и примеры из Корпуса [3] свидетельствуют о функционировании глагола *вербовать* в неодобрительном значении. Как пейоративный он может противопоставляться другим глаголам данного тематического класса, ср.:

(32) *Правда, в отличие от Семен Семеныча, его никто не собирает вербовать, он, собственно, уже завербован, хотя это ради благопристойности и именуется наймом на работу...* (А.А. Бушков. *Ближе, бандерлоги!*).

Обычно при переводе происходит замена оценочного глагола глаголом другого тематического класса; в случае с глаголом *вербовать* – чаще всего глаголом влияния. С целью передачи дополнительных прагматических значений могут использоваться несколько подряд синонимов, как, например, в (33):

(33) *Трое собеседников сменялось: двое первых пукали, последний вербовал грубо, но вполне убедительно* ('The three interrogators took turns. First, two of them tried to confuse him, then the third crudely but convincingly tried to win him over to their side, to persuade him to become an informer') (Л. Улицкая. *Зеленый шатер*; пер. В. Shayeovich).

Заключение. 1. Количественно глаголов найма в русском языке больше, чем в английском, за счет наличия видовых пар и префиксальных дериватов. Однако в английском языке разнообразие предикатной лексики данного тематического класса увеличивается за счет фразовых глаголов, которые воспроизводятся в речи в виде семантически неделимых единиц и часто имеют ассоциативно-образную основу, вследствие этого способны передавать дополнительные прагматические значения, часто имеют примету разговорности. 2. Глаголы найма и в русском, и английском языках преимущественно производные единицы. В русском языке – это морфемные и семантические дериваты, в английском – преимущественно семантические. 3. Большинство английских глаголов найма способно к варьированию диатезы и переходности без изменения формы; для русских глаголов найма это нетипично. 4. С точки зрения семантики, глаголы найма можно разделить на несколько групп: по длительности трудовых отношений, по характеру отношений между нанимателем и работником, по типу нанимателя (организация или частное лицо).

5. В английском языке больше специализированных глаголов найма. 6. Семантический объект глаголов найма всегда эксплицируется, поскольку находится в центре коммуникативной ситуации. Глаголы найма можно разделить на группы в зависимости от того, какой пациенс – индивидуальный или коллективный – они предусматривают. 7. Доминантными глаголами найма в английском языке являются *employ, hire, take on*, в русском языке – *нанимать, брать*. Они же и являются межъязыковыми соответствиями. Прагматически маркированные глаголы при переводе могут заменяться стилистически-нейтральными, глаголами другого тематического класса либо вовсе опускаться.

Литература

1. Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева [и др.] ; ответственный редактор Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – Т. 1. – 408 с.
2. Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева [и др.] ; под руководством А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. – Москва : Русский язык, 1979. – 544 с.
3. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.08.2024). – Текст : электронный.
4. Новейший большой толковый словарь русского языка / главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт ; Москва : РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва : Наука, 1975–2019. – Вып. 1–31. (издание продолжается)
6. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под редакцией Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; перевод с немецкого и дополнение О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – Москва : Прогресс, 1986–1987.
8. British National Corpus. – URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 20.08.2024). – Текст : электронный.
9. Cambridge English Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 20.08.2024). – Текст : электронный.
10. Collins English Thesaurus. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus> (дата обращения: 20.08.2024). – Текст : электронный.
11. Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles : 2 vol. / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – 6th ed. – New York : Oxford University Press, 2007. – Vol. 1: A–M ; Vol. 2: N–Z. – 3742 p.

T.V. Nikitenko

VERBS OF HIRING: MEANING, FUNCTIONING, TRANSLATION ISSUES

The article focuses on the semantic and functional peculiarities of the Russian verbs of hiring, as well as on the contrastive aspect to the English verbs of the same lexical group of verbs. The study examines the material from Russian and English dictionaries, electronic text corpora.

The verbs of hiring, lexical group, meaning, translation, equivalent, Russian, English.

Е.А. Савочкина, И.А. Широких
Алтайский государственный университет

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДНЫХ ИМИДЖЕВЫХ ТЕКСТОВ

Статья рассматривает экологичность переводного имиджевого текста региона на примере буклета «The Gambling zone Sibirskaaya moneta in Altai Krai» в сопоставлении с оригиналом на русском языке. Коммуникативная близость между текстами сравнивается с помощью лингвоэкологического анализа.

Транслингвальная экология, имиджевый текст, критерии экологичности, канцелярит, правильность речи.

В современном мире наблюдается беспрецедентный рост глобализационных процессов, которые принимают разные формы под влиянием противостоящих идеологий, экономических санкций и политических компромиссов. Подобные процессы, конечно же, опосредуются коммуникацией, в свою очередь коммуникация реализуется в виде текстов. Огромные массивы текстов переводятся с различных языков на английский как язык международного общения. В академической среде множество работ посвящено отношениям между исходными текстами и текстами переводов, обусловленным различными факторами, влияющими на адекватность всего перевода и эквивалентность перевода различных языковых единиц. В данной работе предлагается рассмотреть отношения текста, переведенного на английский язык, и его русского оригинала в аспекте лингвоэкологии как науки о взаимодействии языка и окружающей среды.

Лингвоэкология как отрасль языкознания является междисциплинарной наукой, возникшей довольно давно. Ее основоположником считается американский ученый Эйнар Хауген, чья работа «The Ecology of Language» вышла в 1972 году [7]. Автор уподобил язык живому организму, который развивается в окружающей среде, одновременно попадая под ее воздействие и влияя на нее. Это взаимное влияние может быть как положительным, так и отрицательным. Критерии понимания «положительного» и «отрицательного» весьма условны и зависят от многих факторов. Сначала необходимо развести два аспекта проявления экологии языка. По Э. Хаугену, это психолингвистический аспект, затрагивающий взаимодействие языка и мышления человека и взаимодействие нескольких языков людей, владеющих несколькими языками, а также социологический, затрагивающий взаимодействие общества и языка как средства передачи информации. Эти два аспекта являются диалектическим единством, их невозможно разделить, однако, первый больше касается процесса порождения и восприятия речи, а второй – речевых продуктов. В данной работе объектом исследования выступают параметры экологичности имиджевых текстов, следовательно, она более тяготеет к социологическому аспекту лингвоэкологии.

В отечественной науке лингвоэкология как самостоятельное направление начала развиваться ближе к концу XX века. Одним из ярчайших ее представителей является А.П. Сковородников, который указывает на то, что «особенностью подхода к фактам языка и речи с позиций эколлингвистики является их социальная оценка с учетом исторических условий и тенденций развития данного языка, факторов системы и нормы, критериев социокультурного, политико-экономического, этического и эстетического порядка» [6, с. 207]. Когда речь заходит о взаимодействии стран и народов, возникает вопрос о межкультурной коммуникации, представляющей собой опосредованную коммуникацию через перевод, а следовательно, о взаимодействии экологий языков. Таким образом, мы подходим к понятию транслингвальной лингвоэкологии, изучающей «использование единиц, средств, реальных одного языка в контексте и средствами иного языка, принадлежащего другой культуре» [2, с. 122–125]. Когда некое содержание перекодируется единицами иного языка, при попадании в среду (или экологию) этого языка, оно должно оставаться понятным и не должно восприниматься как нечто чужеродное и неуместное. То есть у переводного текста должна присутствовать экологичность, измеряемая некими критериями. Что же касается критериев лингвоэкологичности текста, то в научной литературе они описаны неоднозначно.

Делая упор на социологический аспект лингвоэкологии, мы остановимся на эффективной коммуникации, подразумевающей минимальные смысловые потери. Как указывает в своей работе А.А. Дьякова «важный критерий экологичности текстовой коммуникации: текст должен обеспечивать соответствие замысла адресанта и восприятия адресата» [5, с. 199]. Здесь, конечно же, должны учитываться условия и цель коммуникации, которые могут повлиять на то, будет ли текст восприниматься как экологичный или неэкологичный. Относительно экологичности формы и содержания текста существует множество мнений, разработан ряд классификаций критериев. Нам представляется, что, поскольку перевод текста с русского языка на английский является адаптацией под экологию английского языка, будет достаточно опереться

на критерии, предложенные А.В. Гарифуллиной и Е.В. Шелестюк [4, с. 58]. Такими критериями являются: правильность речи, уважение ко всем языкам и культурам, этичность коммуникации и концептуализации образа мира.

В условиях, когда исходный текст не несет в себе прямой агрессии и манипулятивности (какими были, например, статьи и карикатуры на мусульманских деятелей во французском журнале *Charlie Hebdo*), текст перевода соблюдает параметры уважения к культуре нового вхождения и этичность коммуникации, нацеленной на развитие межкультурного взаимодействия между двумя сторонами. Следовательно, правильность речи выступит как главный критерий экологичности. Правильность речи является очень многомерным понятием, поэтому мы уточним те качества, которыми текст должен обладать при его адаптации к условиям экологии другого языка (то есть при переводе). Главное качество – понятность на двух уровнях использованных языковых единиц: на лексическом и грамматическом (морфологическом и синтаксическом). Также важна и эмотивная тональность переводного текста. При соблюдении правильности речи и эмотивной тональности будет обеспечиваться соответствие замысла адресанта восприятию адресата.

Спроецируем предлагаемые критерии лингвоэкологичности (соответствие замысла адресанта восприятию адресата через соблюдение правильности речи и эмотивной тональности) на конкретный переводной текст. В данном исследовании таким выступает имиджевый текст региона. Это явление схоже с тем, что называется имиджевым текстом в сфере рекламы и связывается с общестественностью. Имиджевый текст региона – это текст, направленный на создание привлекательного образа региона и оказывающий положительное влияние на отношение с партнерами, инвесторами, туристическими агентствами и так далее. Как пишут исследователи С.М. Васин, Н.А. Плешакова, «имидж конструируется администрацией, СМИ, выдающимися деятелями различных сфер общества» [3, с. 273]. Убеждение является основной целью имиджевого текста. Он побуждает читателя (а это может быть как широкий читатель, так и представитель промышленности, торговли и так далее) поверить в преимущества региона, захотеть участвовать в его развитии. В имиджевых текстах почти всегда есть скрытая оценка, которая побуждает к действию или влияет на сознание аудитории.

Выбор подобного материала не случаен, ибо все регионы России постоянно соревнуются за получение грантов, инвестиций, туристические потоки. В выгодном положении оказываются те регионы, которые при наличии природных красот, развитой промышленности и культурного наследия могут удачно их позиционировать с помощью соответствующих текстов. Несмотря на изменчивое геополитическое положение России, продвижение ее регионов на международные рынки крайне важно и зачастую происходит опосредованно через английский язык. В качестве материала нами был взят текст буклета «*The Gambling zone Sibirskaya moneta in Altai Krai*» [9], являющегося переводной версией русскоязычного буклета «Игорная зона “Сибирская монета” в Алтайском крае» [8], выпущенного в 2015 году управлением Алтайского края

по туризму, курортному делу, межрегиональным и международным отношениям.

Исследуемый имиджевый текст направлен на то, чтобы способствовать развитию особой экономической зоны (так называемой «Алтайской курортно-рекреационной местности») и привлечению инвесторов. Следовательно, он подробно описывает климатические и эстетические преимущества территории, особенности туризма, развлечений и курортного лечения, а также инфраструктуру. Английская версия буклета предназначена зарубежным инвесторам, однако, ее лингвоэкологичность достаточно низка, что объясняется рядом причин, на которых мы остановимся подробно.

В первую очередь, необходимо отметить, что культура продвижения имиджа региона в России и англоязычных странах отличается. В англоязычных странах таким продвижением не занимается администрация штата, округа, графства или города. Продукт создается профессиональными специалистами в области рекламы, особый упор делается на легкость восприятия и привлекательность визуального ряда. В таких имиджевых буклетах статистика используется лишь для расстановки акцентов, нет перегруженности терминологией, учитывается правило, что визуальные образы привлекают внимание и запоминаются лучше, чем обширный текст. Эмотивная тональность реализуется с помощью восклицательных, вопросительных и побудительных высказываний, используемых для привлечения внимания адресата, прямого обращения к нему и открытого призыва к действию.

В российских имиджевых буклетах, как продемонстрировал представленный ниже анализ, сохраняется «наследие» советского стиля продвижения региона на рынки: тон повествования задается определенным административным подразделением (управлением по туризму, курортному делу, межрегиональным и международным отношениям), которое предоставляет многочисленные статистические и отчетные данные и настаивает на их обязательном упоминании.

В данном исследовании возникла необходимость анализа экологичности исходного текста на русском языке, так как один вид ее нарушений там присутствует в изобилии – «канцелярит» (термин К.И. Чуковского), представленный сложными запутанными предложениями, цепочками существительных, заменой глаголов на причастия и деепричастия, изобилием терминов. Примером может стать такое предложение: *В настоящее время на прилегающих к зоне территориях создана сеть локальных ретрансляторов и установлено соответствующее приёмное и передающее оборудование для обеспечения устойчивости телевизионного и радиовещания* [8, с. 30]. Перевод подобных канцеляритов чреват привнесением в текст структур и лексики, не свойственных англоязычным текстам подобной тематики, что мы и наблюдаем в англоязычном буклете. Всего нами было выявлено 107 примеров канцеляритов в исходном тексте на русском языке: 30 случаев использования сложных, запутанных предложений, 15 случаев замены глаголов на причастия и деепричастия, 45 случаев использования узкоспециальной терминологии, 17 случаев использования цепочек существительных.

Например, фраза *this area is located in a connection strip within the West Siberian plain and the Altai Mountains* [9, с. 3] является переводом следующего оригинала – *находится в полосе соединения Западно-Сибирской равнины с горами Алтай* [8, с. 3]. Как мы видим, в исходном тексте есть «полоса соединения», воспринимаемая как излишество носителями русского языка, и можно было бы выразить ту же мысль по-другому: «лежит на стыке Западно-Сибирской равнины и Алтайских гор», а перевод при удалении клишированного *be located* мог бы звучать как «is at the junction of the West Siberian plain and the Altai Mountains».

Громоздко и неприемлемо звучит исходный текст с цепочками существительных: *В развитие экологической темы в долине левого притока реки запроектирован спортивно-парковый центр игровой зоны* (Там же, с. 20). Перевод, выполненный с сохранением исходной структуры предложения, почти лишает предложение смысла – *For the development of ecological building in the valley on the left tributary of the river there is a park designed as a sport and recreational activities center of the gambling zone* [9, с. 20]. Предложение нарушает экологию русскоязычного текста, а при вхождении в среду английского языка его перевод становится трудным для восприятия, поскольку нарушаются нормы порядка слов. Возможной версией мог бы стать следующий перевод: «A center for sports and recreation is to be laid out on the left tributary of the river to promote the idea of environmentalism in the gambling zone».

Еще одним фактором, влияющим на экологичность переводного текста, будет использование ссылок на законы, распоряжения, указы. В композиции аутентичных имиджевых буклетов на английском языке такая информация отсутствует, следовательно, будет восприниматься как нечто неожиданное носителями языка, так как нарушает эмотивную тональность, делает текст скучным и сложным для восприятия. Так, в буклете «Игровая зона “Сибирская монета” в Алтайском крае» читаем: *Создание в Алтайском крае игровой зоны «Сибирская монета» предусмотрено распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2008 года № 155-р* [8, с. 3]. В переводном тексте данное предложение передано с нарушением порядка слов (или с сохранением русских норм синтаксиса) и нарушает восприятие: *Establishment of SIBIRSKAYA MONETA gambling zone in Altai Krai is provided by the Federal Government Order of February 9, 2008 № 155-r* [9, с. 3]. С нашей точки зрения, более уместным выглядел бы следующий перевод – «Federal Government Order of February 9, 2008 № 155-p provides that SIBIRSKAYA MONETA gambling zone be established in Altai Krai». Упоминание законов нельзя выбросить из переводного текста, так как это явление культуры языка оригинала, однако способы перевода сложных и громоздких фраз должны соответствовать речевым нормам языка перевода, отсюда возникает следующая проблема нарушения экологичности – нарушение правильности речи (в приведенных выше примерах это нарушение речевых норм на уровне синтаксиса).

Кроме нарушения правильности речи на уровне синтаксиса, нами были выявлены нарушения на

уровне лексики, проявляющиеся в слепом калькировании русских словосочетаний (35 единиц), дословном переводе (11 единиц) и неверном выборе переводных лексических единиц (15 единиц). Наибольшее количество калькированных словосочетаний было отмечено нами в разделах буклета, описывающих географию и инфраструктуру игровой зоны. Рассмотрим примеры: *...everyone who will come here, will make sure to be very closely to the Centre of the Earth, to the pearl of Siberia – Altai Krai* [9, р. 3] (*...каждый, кто окажется в этих местах, сможет убедиться, что совсем рядом расположен центр земного средоточия, жемчужина Сибири – Алтайский край* [8, с. 3]). Из примера видно, что в переводе не использована возможная традиционная форма перевода лексической единицы «жемчужина», уже утвердившаяся в культуре перевода и требующая воспроизведения именно в этой форме – *gem (gem of Siberia)*. Кроме того, в этом примере есть и нарушение экологии на морфологическом уровне: в конструкции *to be very close* употребляется прилагательное, а не наречие, как в тексте перевода.

Огромное количество единиц с дословным переводом использовано в условных обозначениях на карте [9, р. 8–9]: *map-scheme of Altai Krai (карта-схема Алтайского края), means of communication (пути сообщения), establishments of cultural-educational significance (объекты культурно-просветительского значения), memorials of nature (памятники природы), conventional indices (условные обозначения), tourist bases and rest bases working all year round (туристические базы, базы отдыха круглогодичного действия), places for the rest (места отдыха)*. Такой перевод выглядит крайне неуместным, и такого грубого нарушения экологии можно было избежать, прибегнув к англоязычным картам рекреационных областей и позаимствовав там правильные номинации. Тогда вместо чуждых англоязычному контексту появились бы «Altai Krai area map», «roads», «cultural monuments», «natural landmarks», «map keys», «all season tourist camps and lodges», «rest areas». Здесь же можно отметить и отсутствие единообразия при переводе топонимов. Как мы видим, в работах последних десятилетий, например в статье Е.В. Александровой, «практическая транскрипция в последние годы занимает лидирующие позиции при передаче имен собственных» [1, с. 182]. В исследуемом переводном тексте присутствует как практическая транскрипция Altai Krai, так и калькирование Sovetsky District, Smolensky District, Altaysky District, Soloneshinsky District. Согласно последним тенденциям в переводе следовало бы передать «район» посредством транскрипции – «гауон».

Кроме калькирования словосочетаний, экологию переводного текста на лексическом уровне нарушает и неправильный выбор английской лексики, при котором неправильно толкуется лингвистический контекст и из словарной статьи подбирается неправильный эквивалент русского слова. При чтении подобного перевода носитель русского языка, который обладает сходной когнитивной базой, может понять смысл высказывания, носитель же английского языка поймет перевод неправильно. Например: *Зима – мягкая и красивая* [8, с. 13] переведено как *winter is soft and beautiful* [9, р. 13] (а должно быть *mild and beautiful*), *здесь про-*

израстает около 700 видов полезных для человека растений... [8, с. 13] переведено как *there are about 700 species of healthy plants* [9, p. 13] (вместо *medical herbs*; при этом переводе носитель подумает, что речь идет о здоровых растениях, не подверженных заболеваниям). Как видим, коммуникативный замысел оригинала нарушается при подобном переводе.

Нарушения правильности речи на морфологическом уровне также присутствуют в переводе. В основном это неправильное употребление предлогов и частей речи. В переводе угадывается слепое следование оригиналу на русском языке. Например: «Административный центр – село Солонешное – расположен в 358 км к юго-востоку от Барнаула» [8, с. 7] имеет следующий перевод: *administrative center – Soloneshnoe Village is located at 358 km south-easterly from Barnaul* [9, p. 7]. Корректным был бы перевод «*administrative center – Soloneshnoye is 250 km south of Barnaul*». Переводной текст беден на трансформации, там, где лучше было бы произвести замену части речи, сохраняется калька оригинала, которая воспринимается как «не английская». В оригинале читаем – *высота снежного покрова достигает 70 см* [8, с. 13], в переводе видим дословное воспроизведение – *Snow cover height comes up to 70 cm* [9, p. 13]. В этом случае существительное *height* лучше заменить глаголом *build up*, который включает в себе и понятие «высота», и понятие «достигать»: «*snow cover builds up to 70 cm.*».

Итак, опираясь на критерии экологичности переводного текста, мы обнаружили, что в исследуемом нами имиджевом тексте «*The Gambling zone Sibirskaaya moneta in Altai Krai*» замысел адресанта не всегда соответствует экологии воспринимающего языка из-за нарушения правильности речи и эмотивной тональности. Эмотивная тональность нарушается из-за избытка «канцелярита» в исходном тексте на русском языке, и это – объективный фактор, который давит на переводчика, вынужденного переводить информацию, не свойственную англоязычному имиджевому тексту о регионе. Что же касается нарушений правил речи и неверного использования языковых единиц на лексическом и грамматическом (морфологическом и синтаксическом) уровнях, то здесь основным фактором, влияющим на снижение экологичности переводных текстов является субъективный фактор – недостаточная компетентность переводчика или команды переводчиков. Причины этому могут быть разные. Где-то качество перевода (экологичность) страдает из-за сжатых сроков исполнения работы или банальной

лени, когда переводчик не просматривает тексты на английском языке, касающиеся данной тематики, и заново изобретает тематическую лексику. Более серьезная причина – неспособность переводчика сформировать единое ментальное представление содержания и пошаговый перевод отдельных пропозиций. Здесь следует обратиться к экологии языка в психолингвистическом аспекте, затрагивающей взаимодействие мышления человека с несколькими языками, наиболее эффективные методы анализа исходного текста и синтеза переводного, что обозначает вектор дальнейшего исследования экологичности текста, а также обучения переводу как восхождению от глубинных смысловых структур к языковой поверхности текста.

Литература

1. Александрова, Е. В. Специфика перевода русско-язычных топонимов на английский язык в сфере туризма (на примере топонимов Мурманской области) / Е. В. Александрова // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. – 2020. – № 5. – С. 181–186.
2. Бернацкая, А. А. О трех аспектах экологии языка / А. А. Бернацкая // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2003. – № 4. – С. 122–125.
3. Васин, С. М. Деловая репутация региона как комплексный показатель социально-экономического развития территории / С. М. Васин, Н. А. Плешакова // Известия ПГПУ имени В. Г. Беллинского. – 2012. – № 28. – С. 272–274.
4. Гарифуллина, А. В. История развития эколингвистики: зарубежный и отечественный опыт / А. В. Гарифуллина, Е. В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2021. – Вып. 126, № 9 (455). – С. 53–62.
5. Дьякова, А. А. Лингвоэкологический аспект адаптации текста / А. А. Дьякова // Экология языка и коммуникативная практика. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2015. – № 1. – С. 198–215.
6. Сковородников, А. П. О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка / А. П. Сковородников // Экология языка и коммуникативная практика. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2013. – № 1. – С. 205–233.
7. Haugen, E. I. The Ecology of Language (Language Science and National Development) / E. I. Yaugen. – California : Stanford University Press, 1972. – 366 p.

Источники

8. Игровая зона «Сибирская монета» в Алтайском крае. – Барнаул : Азбука, 2015. – 35 с.
9. The gambling zone Sibirskaaya Moneta in Altai Krai. – Barnaul : Azbuka, 2015. – 35 p.

E.A. Savochkina, I.A. Shirokikh

LINGUOECOLOGICAL ANALYSIS OF TRANSLATED IMAGE TEXTS

The article discusses the ecological compatibility of a translated image text of a region. The authors analyse the original Russian text and its translation in the promotional brochure *The Gambling Zone Sibirskaaya Moneta in Altai Krai*. Linguoecological analysis is employed to prove the communicative affinity between the texts.

Translingual ecology, image text, criteria of ecological compatibility, bureaucratic clichés, speech norms.

О.О. Секиро

Институт лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН)

ИСТОРИЯ СЛОВА В ФОКУСЕ АВТОРСКОГО ТЕКСТА: ДРОЖЖИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И.С. АКСАКОВА

На фоне широкого исторического контекста семантического развития слова *дрожжи* (древнерусский период – XIX в.) определяются сформировавшиеся в допетровскую эпоху особенности его семантической структуры, которые И.С. Аксаков актуализирует в публицистике.

Русский язык XIX в., историческая стилистика, историческая лексикология, публицистический текст XIX в., И.С. Аксаков, слово *дрожжи*.

Ряд исследователей, характеризуя особенности интеллектуальной деятельности человека в целом, а также языковую и культурную ситуацию той или иной эпохи в русской истории, отмечают характерное для них действие противоположных тенденций и их биполярную структуру ([9, с. 150; 11, с. 38]). Для объективной картины развития словарного состава русского литературного языка XIX в. необходимо изучение словоупотребления авторов, принадлежащих к основным направлениям и формирующих идеологический климат эпохи. И если произведения представителей революционно-демократического направления («западников») по ряду причин, в том числе идеологических, оказались изучены достаточно хорошо (см. исследования Ю.С. Сорокина [15; 16], Ю.А. Бельчикова [1] и др.), то тексты славянофилов, представителей «второй стороны» в общественно-политической дискуссии в России 40–60-х гг., по-прежнему остаются малоисследованными в лингвистическом отношении¹. Среди текстов славянофилов особый интерес в лексико-семантическом отношении представляют публицистические произведения И.С. Аксакова – автора, чья деятельность была направлена на применение теоретических идей, разработанных предшественниками, к решению актуальных общественно-политических вопросов, выведение их в широкий контекст общественной полемики (см.: [2; 18])², поскольку существование текста в широком общественном контексте способствует более интенсивному проявлению языковых особенностей [3, с. 350].

В.В. Колесов полагал, что «с точки зрения развития русской научной рефлексии формирование противоположностей (например, славянофилы versus западники) всего лишь проявление внутренних противоречий собственной, русской философской мысли под стимулирующим влиянием западных идей и методов <...> В России так было всегда, чуть не с XV в.» [9, с. 150]. Теоретические установки славянофилов, такие как идея о самобытном развитии России, концепция

«идеального народного языка», включающего язык фольклора и древнерусских текстов сакрального содержания (см.: [21, с. 27–28]), синтез светской и религиозной культур, формируются под влиянием ряда философских идей немецкой традиции. На славянофильское осмысление исторического процесса повлияли следующие идеи Г. Гегеля: «Возвращение к общему (то есть к единству светского и религиозного начал в допетровской Руси. – О. С.) не есть шаг назад: восстановленное общее это общее, обогащенное отрицанием и ставшее тем самым “действительным”» [2, с. 345–346]. Концептуальную значимость в выражении данной идеи имели слова, которые, с одной стороны, имели общественно-политическую семантику в русском языке XIX в., с другой – употреблялись с древности и имели символические значения, связанные с религиозной сферой. Данные значения могли быть актуализированы И.С. Аксаковым в целях синтеза прошлого и настоящего, светского и религиозного.

Среди них особый интерес и, вместе с тем, трудность для анализа представляют те слова, которые ранее не попадали в поле зрения исследователей. Например, слово *дрожжи*, принадлежащее к праславянскому лексическому фонду [ЭССЯ, вып. 5, с. 128]. В данном исследовании предлагается анализ истории данного слова в аспекте формирования тех особенностей семантики, которые актуализировались в словоупотреблении И.С. Аксакова.

Различные словари современного русского языка фиксируют только прямое терминологическое значение слова («грибки, вызывающие брожение и имеющие применение в производстве вина, хлеба и т.п.» [БАС¹, т. 3, с. 1125], «вещество, вызывающее брожение и состоящее из микроскопических грибков» [Ушаков, т. 1, с. 803], «микроскопические грибки, вызывающие брожение» [БАС², т. 5, с. 388]). Принадлежность слова к праславянскому лексическому фонду указывает на наличие иных значений, кроме прямого³. Слово *дрожжи* обозначало одну из бытовых

¹ См. исследования О.А. Старовойтовой [17], Л.Г. Чапаевой [21].

² Источник: Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчаннова, 1886–1887.

³ Соглашаясь с Б.А. Лариным, Л.С. Ковтун, В.В. Колесовым и др. ([10; 5; 8]), мы разделяем мысль о том, что древнерусский язык не знал «значений» слов, равных значениям слов в современном языке.

реалий и осмыслялось символически⁴, так как для средневековой культуры была характерна «семантизация (или даже символизация) как всей окружающей человека действительности, так и ее частей» [12, с. 402]. Символическое осмысление слова (на ранних этапах его употребления) обуславливает возможность формирования различных переносных значений в Новое время при дифференциации синкреты.

Цель семасиологического исследования – «вскрыть ход развития от синкретических значений древности <...> к специализированной и дифференцированной системе» [5, с. 90]. Материалы ЭССЯ показывают, что слово **дрожжи** на древнейшем этапе имело элементы значения ‘осадок, подонки’, ‘гуща, осевшая в жидкости’ и ‘закваска’, ‘грибки вызывающие брожение’ в различных славянских языках (см.: [ЭССЯ, вып. 5, с. 128]). Значение ‘осадка’ как результат брожения является метонимическим. В дописьменную эпоху в семантическом комплексе совмещались представления о противоположных процессах движения вверх (поднятия теста) и вниз (осадка), что характерно для древних слов [10, с. 87].

Исследователи средневековых текстов полагают, что в Средние века значение слова часто задавалось тем или иным контекстом, восходящим к Священному Писанию (см.: [7]). У рассматриваемого слова это был текст Пс 74: *Губаче **дрожьдья** его не (i)ск[r]ъидашѣ съа; <...> и створитъ з(оспо)дъ саваГдт(ъ) въсьмъ азыкомъ на горъ сеі пиво Гдлтъстіаніемъ. Вино **дрожьдья** [Сл 2006, т. 1, с. 517], **дрожьдья** его не (i)ск[r]ъидашѣ съа [Цейтлин, с. 197].* Этот же контекст обнаруживается в качестве иллюстративного материала в «Материалах» Срезневского по тексту Толковой Псалтири XII в. (см.: [Срезневский, т. 1, с. 725]). Церковная книжность, таким образом, актуализовала значение слова **дрожьдья**, связанное с движением вниз, и негативную оценку, так как в средневековой культуре «понятия нравственной ценности и локального расположения выступают слитно: нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным – нравственный» [13, с. 298]. Согласно толкованию, данному св. Афанасием Великим, одним из отцов церкви, «в руке Господней чаша, в которую как бы выжимает Господь и добрые и худые плоды каждого человека, и смешивая доброе с лукавым, наполняет этим чашу. А потом, у кого **дрожьдья** не изливаются, т. е. грехи пребывают, те и пьют чашу, т. е. те упиются собственными своими худыми делами» [19, с. 292]. **Дрожьдья** приобретает символическое значение ‘неискупленного греха’: на вертикали «верха» и «низа» опадающий на дно мутный осадок символизирует самое «низменное», что есть в человеке. Слово **дрожьдья** в древнерусском языке под влиянием церковнославянского приобрело семантику ‘Божьей кары’, ‘наказания’, например в сочетаниях слова с существительными *гнев*, *ярость*. Данная часть синкреты развилась метонимически на основе значения ‘неискупленного греха’ как его результат (см.: Изборник 1073 г., цит. по: [Срезневский, т. 1, с. 724–

725]; Пчела XIV–XV, цит. по: [Сл XI–XIV, т. 2, с. 84]). В подобных контекстах употреблялась форма **дрожьдья** (**дрожьдья**) как «славянская». Древнерусская **дрожьдья** (**дрожьдья**), имеющая семантику ‘осадка пива, вина’ испытала влияние церковнославянского слова и приобрела символическое измерение, обозначая пьянство как греховную страсть (Там же). В старорусскую эпоху происходит вычленение зон синкреты, обозначающих процесс поднятия теста в бытовых контекстах: *уксус и высевки, и отруби, и гуща всякая, и **дрожьдья**, и хмелины, – то был <о> <бы> у ключника все в мѣрѣ и записано* (Домострой, цит. по: [Сл XI–XVII, вып. 4, с. 359]), *въвалися въ дѣльвѣ и оугрязь въ **дрожьдьяхъ*** (Жит. Власия, цит. по: [Срезневский, т. 1, с. 725]) и др.; вследствие ассоциации с процессом выпекания хлеба слово могло приобретать положительную оценку, обозначая нечто полезное в быту.

При переходе от нерасчлененного мифологического сознания к формирующейся системе понятий формируются условия для употребления слова в контекстах, в которых оно приобретало более специализированный конкретно-исторический смысл, обозначая ошибочный исторический путь того или иного народа: *<...> отеческое откиня, имже отцы наши, уставом, до небес достигоша, да странное богоборство возлюбиха, извратишася. <...> время открывает, яко чаша в руке Господни вина неразтворенна исполнь растворения, и уклони от сию в сия, обаче и **дрожьдья** его не искидашася. Псалмопевец глагола: и **дрожьдья** не кинет даром, но испиют е грешнии земли* [Аввакум, с. 298].

В XVIII в. на основе формирования в семантическом комплексе слова признака ‘движение вниз’ символическое значение ‘греха’, ‘наказания’ развивается в значение «о чем-л. лишнем, скверном, нечистом» [СРЯ XVIII, вып. 7, с. 12], которое реализуется в контекстах широкого круга, в том числе социально-политических (см. сочетаемость **дрожьдья** народа в одной из проповедей Феофана Прокоповича (Там же)). На основе признака ‘движение вверх’ формируется значение ‘о чем-л., возбуждающем к делу, к действию’ (Там же), которое, согласно иллюстративному материалу, более употребительно в контекстах описания физических процессов. Церковнославянское слово и его символическая семантика сохраняют свое влияние на значение русского слова: в лексикографических описаниях языковых фактов XVIII столетия церковнославянское **дрожьдья** не описывается как отдельная лексема (см.: [СРЯ XVIII, вып. 7, с. 12; САР¹, т. 2, с. 757–758]). Символический контекст Пс 74 актуализируется в поэзии: *Вина багряна чаша цельна, Из коей сладки перлы бьют, В его руке всем растворенна; Но **дрожьдья** грешники пьют* [Державин, с. 218].

В XIX в. развитие значения слова **дрожьдья** имеет следующие особенности.

1. В значении, сформировавшемся на основе признака ‘движение вниз’, слово могло быть образным обозначением людей: а) стоящих на низкой ступени социальной иерархии в сословно-имущественном отношении: *Люди счастливые не любят смотреть на дно человеческого общества, гдѣ лежатъ **дрожьдья**, на которыхъ поднимается и вырастаетъ ихъ блаженная участь. Въ дужѣ бѣдности тускнетъ ал-*

⁴ См. мысль Ю.М. Лотмана о «семантизации (или даже символизации) как всей окружающей человека действительности, так и ее частей» [12, с. 400], свойственной средневековому типу культуры.

мазь, и ржавьёт даже золото [Булгарин, с. 136]; б) занимающих низкое положение с точки зрения той или иной концепции: <...> толпы художников (конечно не столь чистых и непорочных) должно бы было считать за подлую чернь и как бы **дрожжи** человеческого рода <...> которые по закону этаго учения стоят на самомъ низкомъ мѣстѣ! [Москвитянин, 1848, № 3, ч. 2, с. 64]; в) социально пассивных: Вооруженные мужчины и женщины толпами бѣжали изъ предмѣстья и увлекли за собою даже послѣднія **дрожжи** <...> [Отечественные записки, 1859, № 11, с. 156]; г) занимающих низкое положение в профессиональной группе (*дрожжи пиущего мира*, см.: [Москвитянин, 1853, № 3, ч. 1, с. 4]). Указанная семантика фиксируется в «Российско-греческом словаре» И. Синайского, где приводятся отдельные переводы для слов *дрожидии* и *дрожжи, поддонки общества, послѣдніе люди* (см.: [Синайский, с. 150]). Регулярность употребления при обозначении социальных групп и их членов свидетельствует о формировании к 50–60-м гг. переносного значения ‘люди, занимающие низкое место в социальной иерархии’.

2. Зона синкреты, связанная с признаками ‘брожения’, ‘движения вверх’, активно развивается с 60-х гг.⁵ В образных контекстах **дрожжи** имеют семантику ‘люди, публичная деятельность которых вызывает неодобрение’: *Всѣ люди вѣка, вздутые, пузырьные и бурчащіе какъ пѣна, словомъ, дрожжи, подняшіеся наверхъ, кричали разсыбно: браво, браво, удивительно!..* [Вельтман, с. 35]. Слово сохраняет «единство противоположностей» относительно оценки, которым обладала синкрета. Поэтому употребление слова может сопровождаться положительными коннотациями при образном обозначении физических или психологических ресурсов человека: *Въ то время онъ былъ впечатлителенъ <...> но дрожжи и тотъ живчикъ, который подталкиваетъ людей (у всякаго человекѣка есть свои дрожжи и свой живчикъ) были у него хорошіе.* [Авдеев, с. 43]. Положительная оценка связана также с развитием лексической системы. Сформировались синонимические отношения со словами *квас, закваска*, которые ранее были невозможны из-за несвободы слова от контекста. Слово *квас* в Священном Писании употреблялось как в положительном смысле как (в качестве) символа Царства Божия (Мф. 13:24): *ц(ѣса)р(ѣ)с(тв)ѣе б(о)жие подобно есть квасу* [Сл 2006, т. 2, с. 19], так и в отрицательном, символизируя ошибочные духовно-нравственные убеждения (*блудите сѣ отъ кваса фарисейска* (Там же), [Цейтлин 1994, с. 283]).

В результате развития системы понятий и лексической системы реализация положительной или отрицательной оценки стала зависеть от культурно-идеологической позиции автора [20]. С 60-х гг. в социально-политическом значении ‘люди, деятельность или убеждения которых вызывают общественные из-

менения’ слово **дрожжи** употребляется при обозначении сторонников социально-политических реформ, участников польского восстания и т.д., слово **дрожжи** широко употребляется в публицистике как с положительной, так и с отрицательной оценкой: *<Чацкий> не былъ на столько старъ, чтобъ находить удовольствіе въ ворчливомъ будированіи <...>. Въ этомъ характеръ безпокойнаго фермента, брождящихъ дрожжей, вся сущность его.* [Герцен, с. 151]. На основе обозначения той или иной социальной группы формировалась метонимическая семантика ‘идеи или убеждения, вызывающие общественные изменения’: *Приливъ эмигрантовъ изъ-за границы и политическихъ преступниковъ изъ мѣстъ ссылки влить въ среду, и безъ того взволнованную, свѣжія дрожжи, которые усиливали начавшееся брожение.* [Райковский, с. 149]. Значение слова развивалось в направлении эмансипации от человека и его нравственного мира в сторону обозначения отвлеченных идей различного свойства, их воздействия на общество.

В 70–80-е гг. формируется семантика ‘основы движения в том или ином направлении’. Примеры употребления охватывают широкий круг явлений: социально-политические, исторические и др. процессы в связи с усложнением системы понятий, развития научного знания: *Выкупные платежи послужили дрожжами для закваски различныхъ кредитныхъ учреждений <...>* [Отечественные Записки, 1880, № 2, с. 153]. *Страхов, Н.И. – философ славянофильской школы, на нѣмцахъ вскормленный, какъ и самое славянофильство, впрочемъ, которое запарилось, взбродило и выпеклось на дрожжахъ нѣмецкой философіи <...>* [Михневич, с. 211]. Универсальность семантики связана с изначально неспециализированным характером. Значение в приведенных контекстах имеет абстрактный и образный характер (слова *квашня, закваситься, запариться, взбродить, выпечься* формируют развернутые метафоры).

В словарях русского языка XIX в. развитие переносных значений не фиксируется. В Сл 1847 г., по сравнению с лексикографическим описанием XVIII в., слово **дрождіе** описывается как отдельное с пометой *церк.* [Сл 1847, т. 1, с. 373]. У слова **дрожди**, имеющего «славянизированный» фонетический облик, выделяется только прямое значение ‘вещество, сгустившееся в вине, пиве, меду или квасе на дне, и производящее или ускоряющее брожение’ (Там же).

Ключевую роль в дальнейшем развитии значения сыграли контексты, в которых противопоставляются различные периоды того или иного процесса: *Никогда пробужденное художество не погибло совершенно на восточныхъ границахъ Ирана: въ нравахъ, въ бытѣ, въ жизни умственной оставался отсадъ прошедшаго времени, дрожжи будущаго просвѣщенія* [Хомяков, с. 280]. Представление о разных временных отрезках лежит в основе разговорного употребления в народной культуре вследствие бытового использования, ср. *дай всякому делу перебродить на своихъ дрожжахъ* [Пословицы, т. 1, с. 98]; *про старые дрожжи не говорятъ трожди* (Там же, с. 358). Синкрета изначально допускала развитие временной семантики; ее формировали представления о противоположных процессах, один из которых невозможен без завершения другого.

⁵ В начале XIX в. слово употреблялось только в книжных метафорах в случае метафоризации признака ‘брожения’: *Иныя сѣмена пропадаютъ, а сіи дадутъ плодъ обильный <...> Во весь составъ вливаемъ дрожжи: какъ учить бродить, по краткости нашего вѣка мы всего не увидимъ* [Воронцов, с. 292].

Представление о различных процессах делает возможным употребление слова **дрожжи** в контекстах историософского характера в значении 'основа движения в том или ином направлении': <...> *евреи – тот самый народ, который принес нам идею о единомъ Богъ <...> они – тѣ сыны старыхъ пророковъ <...> которыхъ мы считаемъ въ числѣ и нашихъ пророковъ, – люди ввообще способствовавшіе образованію эссенціи нашихъ идей и **дрожжей** нашей жизни* [Вейнберг, с. 14]. Этому способствует образный и одновременно отвлеченный характер семантики, так как в отечественной традиции метафоричность является «сущностным свойством религиозно-философского текста, создающим его функционально-стилистическое своеобразие» [6, с. 85].

* * *

Двойственный характер семантики слова **дрожжи** обуславливает его широкую употребительность в публицистических текстах И.С. Аксакова: он способствует одновременно информированию и воздействию на читателя. Также она связана с историософским характером значения, его употреблением в текстах Священного Писания и церковных текстах и с метафорой «организм-государство», т.е. последовательным уподоблением социально-политических процессов органическим⁶. Случай употребления И.С. Аксаковым слова **дрожжи** можно разделить на две группы на основе актуализации того или иного значения:

1. (А) *Можно себя представить, каковы были эти отношения польской, не только католической, но и ультрамонтанской, иезуитскими **дрожжами** проквашенной шляхты къ быдлу русскому и православному!* [Аксаков, т. 1, с. 467]. (Б) <...> *независимо отъ той религиозной нетерпимости, которою отличается латинство <...> польское, проквашенное насковозь **дрожжами** иезуитизма, – именно въ латинской религіи и видятъ Поляки существенный оплотъ польской національности <...>* (Там же с. 485). (В) *Если бы даже <...> удалось <...> «державамъ» кое-какъ зачинить <...> ризу Берлинскаго трактата, разъединить вновь Болгарское Княжество съ Румеліей, заставить Болгарію, Грецію и Сербію вложить мечъ въ ножны и распустить свои, <...> войска; если бы державы успѣли <...> не вынимая **дрожжей** изъ сосуда, запретить имъ бродить и такимъ образомъ упразднить <...> «осложненіе» политическаго status quo на Балканскомъ полуостровѣ <...>* (Там же, с. 661).

В контексте В слово имеет семантику 'основа движения в том или ином направлении'. Использование слова **дрожжи** в данном значении для описания политических процессов является типичным для XIX в. В контекстах А, Б **дрожжи** употребляются в значении 'религиозная основа социально-политических процессов'. Историческое оно связано с использованием слов **дрожжи**, **квас** и др. при описании явлений религиозно-нравственной сферы, оценки деятельности участников польского восстания 1863 г. (см. выше). На него также повлияло значение 'неспособности к нравственному очищению', обнаруженное у

слова в Синодальном переводе Священного Писания, вышедшего в 1876 г.: *И будет в то время: Я со светильником осмотрю Иерусалим и накажу тех, которые сидят на дрожжах своих и говорят в сердце своем: «не делает Господь ни добра, ни зла»* (Соф 1:12). Новаторство Аксакова проявляется в использовании слова для вербализации мысли о религиозно-нравственных причинах социально-политического положения западных губерний России. Это обуславливает актуализацию элементов символического значения, так как рассматриваемое слово и его синонимы уже в старорусскую эпоху могли одновременно выражать нравственную оценку и описывать социально-политические явления.

2. (Г) <...> *Исторія челоувѣчества въ смыслѣ христіанскомъ опредѣляется изрѣченіями <...> «подобно есть царствіе Божіе квасу», т.е. **дрожжамъ**, которыми заквашено тѣсто – «дондеже вскиснетъ». <...> указывается на предопределенный процессъ созиданія царства Божія въ челоувѣчествѣ* [Аксаков, т. 1, с. 678]. (Д) *«Подобно царствіе Божіе – квасу» – сказали Спаситель, и данный Имъ Новый Завѣтъ, это – въ смыслѣ всемірно-историческомъ – тѣ **дрожжи**, на которыхъ Христосъ заквасилъ всю дальнѣйшую судьбу челоувѣчества. Вся исторія челоувѣчества – есть исторія этого броженія брошенной въ міръ истины Христовой, и не изниметъ оно изъ себя этого кваса, пока онъ не перебродитъ!* (Там же, т. 4, с. 191). (Е) *Но иное дѣло – общежитіе челоувѣческое. Здѣсь есть полное мѣсто развитію, т.е. процессу постепеннаго видоизмѣненія самага общественнаго строя согласно съ требованіями христіанской истины, – постепеннаго перерожденія формъ и условій нашей общественной жизни подъ воздѣйствіемъ началъ, данныхъ міру Божественнымъ Откровеніемъ. Это тотъ «квасъ» <...> тѣ **дрожжи**, на которыхъ заквашена <...> вся историческая судьба челоувѣчества.* (Там же, т. 2, с. 733). (Ж) *Вся пучина челоувѣческаго духа <...> должна, въ послѣдовательномъ историческомъ ходѣ жизни челоувѣчества, воплотиться въ безпредѣльномъ разнообразіи явленій, вся исчерпаться до дна, вся пройти чрезъ эти **дрожжи**, перебродить въ этомъ квасѣ, – пока <...> придетъ въ мѣру возраста исполненія Христа* (Там же, т. 4, с. 349). (З) *Въ то же время, параллельно съ <...> возможностью совершенствованія и спасенія, совершается воздѣйствіе христіанской истины на историческую судьбу и бытовое развитіе всего челоувѣчества, медленный процессъ броженія, перерожденія, переобразования на **дрожжахъ**, брошенныхъ въ міръ Христомъ* (Там же, с. 350). (И) *Повторяю вамъ опять: надо постоянно помнить, что каждый челоувѣкъ принадлежитъ и вѣчности и въ то же время и своему вѣку; что <...> совершается міровой процессъ броженія и перерожденія міра на **дрожжахъ**, брошенныхъ въ міръ Христомъ* (Там же, с. 355).

В контекстах второй группы слово **дрожжи** приобретает контекстуальную семантику 'христианская истина как основа, определяющая направление жизни человека и хода истории'. В славянофильском понимании она является более отвлеченной, так как «христианская истина» представляется общей относительно представления о частных «причинах»; по их мысли

⁶ См.: [14].

духовное начало направляет различные процессы в мироздании [9, с. 158]. Данная идея формировалась на протяжении XIX столетия, начиная с П.Я. Чаадаева, который «понимает христианство не только и не столько как систему идей, но как важнейшую реальную силу, управляющую движением истории» [4, с. 71]. Лексическое окружение слова *дрожжи* в контекстах второй группы включает философскую отвлеченную, общелогическую лексику, терминологию, слова религиозно-обрядового содержания, перифразистические цитаты и метафоры, восходящие к Новому Завету. По сравнению с контекстами первой группы, отсутствуют разговорные слова, что указывает на отвлеченный характер. При наличии синонимических связей между словами *квас*, *закваска*, *дрожжи* в контекстах второй группы наблюдается актуализация не отдельных элементов древнего символического значения, как в примерах первой, а всей синкреты слова *квас* ('Царство Божие').

Выводы

Наличие у слова синкретического значения, которое было актуализировано И.С. Аксаковым в его публицистике на фоне словоупотреблений XIX в. доказывает то, что у слова в Новое время сформировались переносные значения.

В словоупотреблении И.С. Аксакова *дрожжи* приобретают семантическую структуру, «изоморфную» синкретической семантике древнего слова. Оно совмещает в себе образный и понятийный характер, компоненты, связанные с религиозно-нравственной и социально-политической сферами, являясь примером синтеза религиозной и светской культур на уровне значения. Этому способствовала разработка семантики слова в литературной традиции XIX в.

Совмещение в семантике слова его «прошлого» и «настоящего» создавало предпосылки для его смыслового обогащения, приобретения им символической природы, нуждавшейся в философском истолковании. Описанное религиозно-философское содержание слова *дрожжи*, сформировавшееся в словоупотреблении И.С. Аксакова, реализуется у авторов символистского толка рубежа XIX–XX столетий (Д.С. Мережковского, А. Белого) в историсофских контекстах. Перспективным направлением в истории русского литературного языка могло бы быть исследование связей между словоупотреблением славянофилов и писателей данного круга.

Литература

1. Бельчиков, Ю. А. Общественно-политическая лексика В. Г. Белинского / Ю. А. Бельчиков. – Москва : Издательство МГУ, 1962. – 132 с.
2. Валицкий, А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анжей Валицкий ; перевод с польского К. Душенко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с.
3. Волков, А. А. Теория риторической аргументации / А. А. Волков. – Москва : Издательство МГУ, 2009. – 398 с.
4. Евлампиев, И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта / И. И. Евлампиев. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2020. – 920 с.
5. Ковтун, Л. С. О неясных семантических изменениях / Л. С. Ковтун // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 81–93.

6. Козловская, Н. В. Авторский философский термин как объект лингвистического описания / Н. В. Козловская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 2. – С. 84–90.

7. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Ленинград : ЛГУ, 1989. – 294 с.

8. Колесов, В. В. Слово и дело: Из истории русских слов / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2004. – 703 с.

9. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2007. – 624 с.

10. Ларин, Б. А. Об архаике в семантической структуре слова / Б. А. Ларин // Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии. – Ленинград : ЛГУ, 1963. – С. 78–89.

11. Лотман, Ю. М. Феномен культуры / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 томах. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – С. 34–45.

12. Лотман, Ю. М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. – С. 400–402.

13. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. – С. 150–390.

14. Секиро, О. О. И. С. Аксаков (медиаперсона) / О. О. Секиро // Русский язык в медиапространстве XIX в. : электронный ресурс. ИЛИ РАН. – URL: www.media19.ru (дата обращения: 15.10.2023). – Текст : электронный.

15. Сорокин, Ю. С. Белинский и русский литературный язык / Ю. С. Сорокин // Известия АН СССР. Отделение Литературы и языка. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1948. – Т. VII, вып. 5. – С. 383–400.

16. Сорокин, Ю. С. Естественно-научная лексика в публицистике Д. И. Писарева / Ю. С. Сорокин // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. – Ленинград, 1949. – № 122. – С. 137–183.

17. Старовойтова, О. А. К вопросу о роли языковой личности в становлении метаязыка описания межнациональных отношений в России XIX века (Часть 1. И. С. Аксаков) / О. А. Старовойтова. – DOI 0000-0002-3645-8203 // Славянская историческая лексикология и лексикография. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2020. – Вып. 3. – С. 304–323.

18. Тесля, А. А. Последний из «отцов»: Биография И. С. Аксакова / А. А. Тесля. – Москва : Владимир Даль, 2015. – 799 с.

19. Толкование на псалмы (Афанасий Великий св.). – Москва : Благовест, 2011. – 527 с.

20. Успенский, Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Б. А. Успенский. – Москва : Гнозис, 1994. – 240 с.

21. Чапаева, Л. Г. Культурно-языковая ситуация 30–40-х годов XIX в. и споры славянофилов и западников / Л. Г. Чапаева // Культурология. – 2008. – № 2 (45). – С. 25–33.

Источники

1. Аввакум прот. Челобитная протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу // Патриарх Никон – Протопоп Аввакум : сборник / составитель В. А. Десятников. – Москва : Новатор, 1997. – 416 с.
2. Авдеев, М. В. Меж двух огней : роман в 3 частях / М. В. Авдеев. – Санкт-Петербург, 1869. – 539 с.
3. Аксаков, И. С. Собрание Сочинений : в 7 томах. – Москва : Тип. М. Г. Волчанинова, 1886–1887.
4. Булгарин, Ф. В. Победа от обеда. Очерки нравов XVIII в. / Ф. В. Булгарин // Сто русских литераторов : в 3 томах. – Санкт-Петербург, 1841. – Т. 2. – С. 133–350.

5. Вейнберг, П. Римское гетто. Из воспоминаний Э. Кастеляра / П. Вейнберг // Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник : в 10 томах. – Санкт-Петербург, 1878. – Т. VI. – С. 1–14.

6. Вельтман, А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея / А. Ф. Вельтман. – Москва, 1864.

7. Воронцов, С. Р. Письмо к графу Александру Романовичу. Письмо 215 (20 декабря 1804 г.) / С. Р. Воронцов // Архив князей Воронцовых, 1870–1895 : в 40 томах : Москва, 1877. – Кн. 12. – С. 292–293.

8. Герцен, А. И. Былое и думы (1867–1868) / А. И. Герцен // Полярная звезда на 1869 г. Кн. 8. Geneve, Vale, 1868.

9. Державин, Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин ; под редакцией Д. Д. Благого, В. А. Западава. – Ленинград, 1957. – 468 с.

10. Михневич, В. О. Наши знакомые: фельетонный словарь современников / В. О. Михневич. – Санкт-Петербург, 1884. – Вып. 1.

11. Москвитянин. – Москва, 1848. – № 3, ч. 2.

12. Москвитянин. – Москва, 1853. – № 3, ч. 1.

13. Надеждин, А. История Санкт-Петербургской православной духовной семинарии / А. Надеждин. – Санкт-Петербург, 1885.

14. Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1880. – № 2.

15. Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1859. – № 11.

16. Райковский, С. А. Польская молодежь Западного края в мятеже 1861–1863 гг. / С. А. Райковский. – Москва, 1869.

17. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений : в 4 томах / А. С. Хомяков. – Москва : Тип. П. Бахметева, 1861–1873.

Словари

БАС¹ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1948–1965.

БАС² – Большой академический словарь: в 27 т. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2004. (издание продолжается)

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / В. И. Даль. – Москва, 1863–1866.

Пословицы – Даль, В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В. И. Даль. – Москва, 1989.

САР¹ – Словарь Академии Российской: в 6 т. – Санкт-Петербург, 1789–1794.

Синайский 1846 – Синайский, И. Российско-греческий словарь / И. Синайский. – Москва, 1846.

Сл 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. – Санкт-Петербург, 1847.

Сл 2006 – Словарь старославянского языка: в 4 т. Ре-принт с издания Чешской Академии наук (1966–1997). – Санкт-Петербург, 2006.

Сл XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 12 т. / АН СССР. – Москва, 1988–2019 (изд. продолжается)

Сл XI–XVII – Словарь древнерусского языка XI–XVII вв.) / АН СССР, Институт русского языка. 30 вып. – Москва, 1975–2015. (изд. продолжается)

Срезневский – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1988–2019.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Институт лингвистических исследований РАН, вып. 22. – Санкт-Петербург, 1984–2019. (издание продолжается)

Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва, 1935–1940.

Цейтлин 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) Ок. 10000 сл. / ред.: Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. – Москва, 1994.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Рос. Акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 1–41. – Москва, 1974–2018. (издание продолжается)

O.O. Sekiro

HISTORY OF A WORD IN THE FOCUS OF AUTHOR'S WORD USAGE: *ДРОЖЖИ (LEAVEN) IN I.S. AKSAKOV'S JOURNALISM*

The article tells about the wide historical context of the word *дрожжи (leaven)* and its semantic development from the ancient Russian times till the 19th century. It deals with the semantic features formed in the pre-Peter epoch and actualized by Ivan S. Aksakov in his journalism.

The Russian language of the 19th century, the 19th century journalism, historical lexicology, Ivan S. Aksakov, *дрожжи (leaven)*.

В.Н. Ткачева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

«ПУШКИНСКИЙ МИФ» В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧУЖОЙ РЕЧИ

В статье определены факторы комплексного использования способов передачи чужой речи. Мотивировано доминирование свободной прямой речи и несобственно-прямой речи в рассказе Т. Толстой «Сюжет». Рассмотрено взаимодействие композиционно-речевых сфер автора, персонажа в современном тексте.

Современная проза, чужая речь, конструкция с прямой речью, диалогическое единство, несобственно-прямая речь, композиционно-речевые автономии, «пушкинский» миф.

В современной прозе формируется «пушкинский миф», что проявляется в возникновении сюжетов, связанных с субъективной реализацией образа великого поэта в творчестве ряда писателей, его символизацией; в явном и скрытом присутствии цитат из пушкинских произведений и создании легенд об исходе дуэли, предполагающих иной исход или воскрешение Пушкина [18, с. 143–145]. Одним из текстов, моделирующих миф о Пушкине, является рассказ Татьяны Толстой «Сюжет» (1991 г.) [16]. В ее творчестве очевидно присутствуют такие особенности современного текста, как актуализированный диалогизм, создание модальных сдвигов в плане реальности/ирреальности, языковая игра [13, с. 314, 316], пронизанность текста широкими литературными ассоциациями и др. [18, с. 143]. Анализируя особенности лингвоэтики в творчестве Толстой, исследователи обращают внимание на метафоричность ее повествования [17], заумное конструирование текста [3], конвергенцию стилистических приемов [12]. Писательница сознательно демонстрирует в прозе языковые изменения. Говоря о литературе начала XX в., она признавалась: «...стиль, лексика, синтаксис – все другое, все меняется ...» [15, с. 6].

Особенности прозы конца XX – начала XXI в., выявленные литературоведами, подробно описаны, однако необходимо отметить недостаточное лингвистическое осмысление современных художественных текстов. Языковые сдвиги обнаруживаются не только на лексическом уровне [19; 20; 22], но и на синтаксическом, в частности при передаче чужой речи (ЧР).

Благодаря лингвистической интерпретации современной прозы выявлены такие тенденции ее синтаксической организации, как аналитизм, склонность к визуализации текста [1; 23], появление аномалий на уровне высказывания и текста [2]. Среди способов передачи ЧР выделяются как сугубо синтаксические (конструкции с прямой и косвенной речью, свободная прямая речь, диалогическое единство), так и стилистические (несобственно-прямая речь) и текстовые феномены (тематическая речь, диалогема). Они были исследованы преимущественно на материале классической прозы [5; 8; 9; 14; 21]. Их анализ в современных художественных текстах является актуальным

для русистики, однако во многих современных исследованиях наблюдается противоречивость и неточность терминологии.

Представляется, что, рассматривая способы передачи ЧР, необходимо учитывать триаду *язык – речь – текст*, не ограничиваясь исключительно уровнем высказывания. Это связано в том числе и с важнейшей особенностью современной прозы – изменением образа автора и читателя [7; 11]. Осмыслить эту проблематику возможно благодаря обращению к концепции композиционно-речевых автономий профессора С.Г. Ильенко, в которой раскрывается взаимодействие автора, персонажей и читателя. Следует отметить возрождение интереса к самой проблеме образа автора. Профессор Ильенко подчеркнула, вслед за В.В. Виноградовым [4], необходимость дифференциации понятий *образ* и *облик* автора [8]. Кроме того, она углубила представления о принципах анализа ЧР в художественном произведении: учет соотношения монологической и диалогической форм речи, взаимообусловленность способов передачи ЧР и функционально-композиционных типов речи, а также подчеркнула необходимость перехода от изолированного рассмотрения конструкций с ЧР к их системному анализу, а также анализу речевого поведения.

Руководствуясь указанными принципами, рассмотрим специфику представления чужой речи в рассказе Толстой «Сюжет», не потерявшем своей актуальности для лингвистического анализа. В рассказе описывается воображаемая встреча двух исторических персонажей – пожилого Александра Сергеевича Пушкина, выжившего после дуэли, и подростка Владимира Ульянова. Текст анализируемого рассказа также насыщен литературными реминисценциями, при этом цитаты не атрибутируются автором. В этом проявляется представление современных прозаиков об образе идеального читателя, способного расшифровать правила т. н. «игры в классики» [18].

Название рассказа ориентирует на вымышленность описываемых событий, их вариативность, краткость и возможную сбивчивость повествования, ведь сюжет, согласно данным «Литературной энциклопедии», – «отражение динамики действительности в форме разворачивающегося в произведении действия,

<...> событий <...> составляющих некоторое законченное целое» [6].

Небольшой рассказ Толстой сложен своей композиционно-речевой организацией. Это третьеличное повествование, не исключающее смены лиц повествователей. Лик автора, пронизанный узнаваемой сказовой манерой Толстой, мотивирует использование разговорной, просторечной лексики при изображении речи персонажей и сопровождающих ее невербальных средств (мимики, жестов). Разнообразие репрезентации речи, которая приписывается персонажам, повествователю, намеренно вступает в противоречие с традиционными читательскими ожиданиями о способах ее передачи.

Собственно синтаксическим способом передачи ЧР является конструкция с прямой речью (КПР): она состоит из двух частей (прямой речи и слов автора). В рассказе она представлена как изолированно, так и в качестве комментированной реплики диалогического единства. Профессор С.Г. Ильенко не только обратила внимание на прямую речь, но и охарактеризовала специфику слов автора, отметив их языковую стабилизацию и речевую (указание на характер говорения) и текстовую (изображение жестов и мимики) реализацию [8, с. 495–497]. В рассказе отмечается их варьирование, а также расширение слов автора, подробно описанное в работах научной школы [21]:

«Сквозь туман, застилающий глаза, он целится, стреляет в ответ; падает и Дантес; “славный выстрел”, – **смеется поэт**» [16].

«Володенька на крыльцо вышел, ручкой эдак **надменно махнул**: “Всяк сверчок знай свой шесток!” – высказался. – “Проходите!.. Ходоки нашлись...”» (Там же).

Установка на изображение устной разговорной речи раскрывается не только включением в прямую речь стилистически сниженных лексем, но и элиминацией предиката говорения:

«Володенька дознался, пришел в детскую такой важный, серьезный, и ну сразу: “А властями дозволено? А нет ли противуречия порядку в Отечестве? А не усматривается ли самоволие?” И тоже вроде в шутку, а в голосишке-то металл...» (Там же).

Лингвисты, наряду с КПР, выделяют такой способ передачи ЧР, как свободная прямая речь. Ее модель также двучастна, однако, даже при использовании традиционной пунктуационно-графической аранжировки КПР свободная прямая речь не претендует на буквальность, точность передачи чужого слова. Об этом свидетельствует использование формы множественного числа 3 лица в словах автора (1). В анализируемом рассказе свободная прямая речь неоднократно используется для описания типичных, повторяющихся ситуаций (2), создания узнаваемых интертекстуальных отсылок, выражения субъективной авторской модальности (3):

(1) «“Пушкин исписался”, – **щебечут** дамы, старея и оплывая» (Там же).

(2) «Купил дачу в Финляндии, нет чтобы воздухом дышать да в заливе дрызгаться, – ездил без толку туда-сюда, туда-сюда, а то на паровоз просился: дайте прокатиться» (Там же).

(3) «И веер подаст, и моську погладит, и чепчик расхвалит: с каким, дескать вкусом кружевца подобранны, очень, очень к лицу!» (Там же).

Свободная прямая речь содержит сигналы передачи ЧР, но ее форма демонстрирует вариативность, дезавуирует точность, выражает иронию.

Другая функция свободной прямой речи – это выражение стереотипной информации, при передаче которой отсутствует установка на достоверность, высказывается общее положение, не имеющее конкретного говорящего:

«Слухи о дуэли разносятся быстро: Дантес убит, Пушкин ранен в грудь» [16].

Использование этого способа передачи чужой речи способствует созданию модальных сдвигов в плане реальности/ирреальности.

Слова автора могут быть помещены в отдельном предложении. Их отрыв обусловлен типизацией, свободой сюжета, иллюзией развертывания самопорождающегося мифа:

«В Зимнем любили, когда он, бывало, попросит аудиенции и стоит навтыжку у дверей кабинета <...>. “Опять наш Ильич прожекты принес! Ну, показывай, что у тебя там?” Смеялись, но по-доброму» (Там же).

Анализ приведенных примеров убеждает в том, что выбор свободной прямой речи в тексте Толстой выполняет ряд функций: создание эстетической условности, выражение модальных сдвигов в плане реальности/ирреальности.

Не менее интересна пунктуационно-графическая аранжировка другого собственно синтаксического способа передачи ЧР – диалогического единства (ДЕ), являющегося минимальной синтаксической единицей диалога и состоящей минимум из двух реплик. В рассказе Толстой ДЕ и их пунктуационно-графическая аранжировка регулярно нарушают традиционные читательские ожидания. Реплики диалога, передающие внутреннюю речь раненого поэта, являются преимущественно некомментируемыми:

«...что ты шьешь, калмычка?» – «Портка». – «Кому?» – «Себя» (Там же).

«...Что ты там строишь, кому?» – «Это, барин, дом казенный, Александровский централ» (Там же).

Такие фрагменты справедливо квалифицировать как внутреннюю несобственно-авторскую речь в диалогизированной форме, так как и говорящий, и слушающий являются одним лицом:

«Молодой Тютчев неплох, хоть и холодноват. Кто еще пишет стихи? Никто» (Там же).

Внутренняя речь в форме ДЕ отражает поток сознания, поэтому претерпевает изменения пунктуационно-графической аранжировки.

Отдельного рассмотрения требует и несобственно-прямая речь (НПР), которая представляет собой стилистическое явление. Исследователи дифференцируют несобственно-авторскую и несобственно-персонажную речь [14]. Назначение НПР заключается в совмещении в рамках одного высказывания или текстового фрагмента речевых сфер повествователя и персонажа. В ней могут также обнаруживаться сигналы авторского голоса внутри персонажной речи. НПР, в отличие от синтаксических способов передачи ЧР, не имеет языковой стабилизации, компоненты ЧР могут быть различными по объему: от словоформы до текстового фрагмента. Именно поэтому анализ НПР замыкается на одном высказывании, для ее интерпре-

тации требуется обращение к художественному произведению, к его названию, сюжету, образной структуре. Разграничение голосов автора и персонажей в НПР выражается в том, что ее включения нередко маркированы, например, представляют собой восклицательные оценочно-бытийные номинативные предложения:

«Рука, естественно, дергается непроизвольно; выстрел, Пушкин падает. **Какая боль!**» [16].

НПР как в классической, так и в современной прозе может быть представлена в виде вставных компонентов, выделяемых скобками. Толстая строит многокомпонентное высказывание, в котором не только содержится дополнительная информация, но и пересекаются речевые сферы повествователя и персонажа:

«Так же картавит <Володенька> (**Мария-то Александровна втайне надеялась, что это исправится, как бывает с заиканием, но – нет, не исправилось**), так же отрывает ноги игрушечным лошадкам (**правда, стал большой аккуратист и, оторвав, после непременно приклеит на прежнее место**), так же прилежен в ученьи (**из латыни – пять, из алгебры – пять**), и даже нравом вроде бы стал поспокойнее...» (Там же).

Таким образом, основной функцией НПР как стилистической категории в рассказе Толстой является сопряжение речевых сфер повествователя и персонажа, выражение субъективной авторской модальности, создание затруднения читательского восприятия.

Т. Толстая предстает как мастер интертекстуальной, языковой игры, композиционно-стилистической организации текста. Автор использует свободную прямую речь, несобственно-прямую речь, уходит от стабилизированных способов передачи ЧР, привычных для читателя. Их выбор позволяет создавать модальные сдвиги в плане реальности/ирреальности, созвучен фантазмагоричности фабулы данного текста.

Анализ способов передачи ЧР требует широкого взгляда. В большинстве лингвистических исследований речь автора и персонажей рассматривается изолированно, их изучение нередко сводится к содержательной характеристике, субъективной оценке. С.Г. Ильенко предложила концепцию стилистически-композиционных персонализированных речевых автономий [8, с. 503]. Определяя статус персонажной, авторской речи и несобственно-авторской речи, С.Г. Ильенко опирается на выявление их функциональной и композиционной ролей. Композиционно-стилистическое построение художественного произведения характеризуется как комбинация персонажной, авторской и несобственно-авторской речи. В современных работах отмечаются тенденции их синкретизма, а также утраты маркирования их границ [10]. Отказ от маркирования ЧР, пронизанность речевых автономий выполняют следующие функции: обнаружение близости позиций персонажей, выявление характера адресации, необходимость замедления чтения и актуализация слова и речевой автономии читателя, способного разграничить речевые сферы автора/персонажа [10, с. 63].

Персонажная, авторская и несобственно-авторская речь обнаруживают различия на лексическом и синтаксическом уровнях (по цели и по интонации):

«Молодые кричат: “К топору!”, молодые требуют действия. Жалкие! Как будто действие может что-то переменить?.. Вернуть?.. Остановить?..» [16].

«И старичок <Пушкин> ... приостанавливается <...> и навораиваются слезы, и что-то всколыхнулось, вспомнилось... ножка, головка, убор, тенистые аллеи... и этот, как его...» [16].

«Вспомнил, как звали! Дантес! <...> И Пушкин, вскипая в последний, предсмертный раз, развернувшись в ударе, бьет, лупит клюкой <...> Вот тебе, вот тебе! За обезьяну, за лицей, за Ванечку Пущина...» (Там же).

Авторская речь характеризуется использованием преимущественно нейтральной лексики, выступает в форме повествовательных невосклицательных предложений, тогда как несобственно-авторская и персонажная обнаруживают элементы разговорной лексики, а также экспрессивно окрашенных высказываний. Совмещение речевых сфер способствует выражению субъективной авторской или персонажной модальности, отражает рефлексии, выступает средством создания иронии:

«Теперь же выступит вперед <Ульянов>, ножкой топнет, и звонко так: “Не бывать этому никогда!” И разумно так все разберет, рассудит и представит, почему кухарка управлять не может. **Одно удовольствие слушать**. С дворовыми ребятами совсем перестал водиться. Носик воротит: дескать, вши с них на дворянина переползти могут. (**Прежде живность любил**: наловит вшей в коробочку, а то блох или клопов, и наблюдает. Закономерность, говорит, хочу выявить. Должна непременно быть закономерность)» (Там же).

Взаимоналожение композиционно-речевых автономий изображает столкновение точек зрения автора и персонажей:

«Ухаживал за балеринами <Ульянов> – ну, это понятно, кто ж не ухаживал, – напросится в гости и непременно просит: “прелесть моя, чудное дитя, пустите на балкончик!” Даже зимой, в одной жилетке. Выйдет – и стоит, смотрит вокруг, смотрит... Вздохнет и назад вернется. “Что вы, Владимир Ильич?” Затуманится, отвечает нехотя, невпопад: “Народу мало...” А народу – как обычно» [16].

Использование композиционно-речевых автономий в комплексе отражает полифонию мира, с одной стороны, убеждает в реальности происходящего, характеризуя его детализированно, а с другой – демонстрирует неправдоподобность, хаотичность, спутанность повествования:

«Раз, когда войска шли, смотрел, смотрел, не выдержал, махнул командиру: “Ваше превосходительство, не разрешите ли патриоту на броневичок взобраться? Очень в груди ноет”. Тот видит – господин приличный, золотые очки, бобровый воротник, отчего не пустить? – пустил. Владимира Ильича подсадили, он сияет... “Ребята! Воины русские! За веру, царя и Отечество – ура!” – “Ура-а-а-а!...”» (Там же).

Анализ композиционно-речевых автономий в прозе Толстой убеждает в необходимости рассмотрения прямой, авторской и несобственно-авторской речи в комплексе. Их взаимоналожение и, как следствие, утрата маркирования их границ провоцируют одновременное использование различных способов передачи ЧР в тексте, что является отличительной особенностью современной прозы.

Благодаря рассмотрению лингвистических особенностей представления ЧР (характеристика способов, указание причин изменения пунктуационно-

графической аранжировки, анализ композиционно-речевых автономий в тексте и речевого поведения автора и персонажей) становится возможным понимание образов автора и персонажа в художественном произведении. Толстая рассчитывает на то, что современный читатель осознает потенциал разных способов передачи ЧР, предлагая ему удивительную полифоничную игру, пронизанную интертекстуальными отсылками. Развивая потенциал этих способов, автор создает взаимоналожение композиционно-речевых автономий, усложняет восприятие текста. С этой же установкой, вероятно, связан синкретизм известных способов передачи ЧР и изменение их традиционной пунктуационно-графической аранжировки. Смена ликов повествователя, нарушение границ речевых сфер и отсутствие их маркирования позволяет Толстой моделировать поток сознания, создавать модальные сдвиги в плане реальности/ирреальности, выражать иронию, создавать образы персонажей.

Подводя итог, необходимо сказать, что анализ специфики представления ЧР в рассказе Толстой «Сюжет» демонстрирует, что, моделируя пушкинский миф, автор создает два противоположных образа – комический образ Ульянова, в котором подчеркивается подростковость, и трагикомический образ Пушкина, который в сознании читателей остается великим и незабвенным.

Литература

1. Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – Москва : Высшая школа, 1990. – 168 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой картины мира) / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
3. Бабенко, Н. Г. Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бабенко Н. Г. – Санкт-Петербург, 2008. – 48 с.
4. Виноградов, В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Москва, 1980. – 360 с.
5. Грудина, М. В. Чужая речь в романах И. С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне»: коммуникативно-текстообразовательный аспект : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Грудина М. В. – Санкт-Петербург, 2009. – 32 с.
6. Зунделович, Я. О. Сюжет / Я. О. Зунделович // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. / Под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехина-Ветринского. – Москва ; Ленинград : Издательство Л. Д. Френкель, 1925. – URL: <https://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-8991.htm?cmd=p&istext=1> (дата обращения: 02.06.2024). – Текст : электронный.
7. Иванова, Н. Б. Русский крест: Литература и читатель в начале нового века / Н. Б. Иванова. – Москва, 2011. – 380 с.
8. Ильенко, С. Г. Русистика: избранные труды / С. Г. Ильенко. – Санкт-Петербург : РГПУ имени А. И. Герцена, 2003. – 674 с.
9. Кокухов, В. И. Прямая и косвенная речь / В. И. Кокухов. – Ленинград : Учпедгиз, 1956. – 84 с.
10. Кузнецов, И. В. Речевые автономии текста: обречение и утрата маркирования / И. В. Кузнецов, Н. В. Максимова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 2 (101). – С. 59–69.
11. Мартыанова, И. А. Синтаксическая интерпретация современного прозаического дискурса / И. А. Мартыанова. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ имени А. И. Герцена, 2021. – 112 с.
12. Новикова, Э. Г. Конвергенция речевых художественных приемов в малой прозе Т. Толстой / Э. Г. Новикова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 390. – С. 26–34.
13. Современная русская литература конца XX – начала XXI века / под редакцией С. И. Тиминой. – Москва, 2011. – 384 с.
14. Соколова, Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория / Л. А. Соколова. – Томск : Издательство Томского университета, 1968. – 281 с.
15. Толстая, Т. Н. Интервью / Т. Н. Толстая // Литературная газета. – 1986. – 23 июля. – С. 6.
16. Толстая, Т. Сюжет / Т. Толстая. – URL: <https://www.tema.ru/tt/litcafe/tolstaya/suzhet.html> (дата обращения: 02.06.2024). – Текст : электронный.
17. Фролова, Т. Г. Рассказы Т. Н. Толстой. К проблеме метафорического стиля / Т. Г. Фролова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2012. – № 2. – С. 75–80.
18. Черняк, М. А. Современная русская литература : учебное пособие / М. А. Черняк. – Санкт-Петербург ; Москва : САГА : ФОРУМ, 2004. – 336 с.
19. Черняк, В. Д. Современная речь в зеркале прозы последних лет / В. Д. Черняк // Лингвистика. Семиотика. Поэтика. – Ставрополь, 2014. – С. 47–52.
20. Черняк, В. Д. Языковые процессы в литературе конца XX – начала XXI века / В. Д. Черняк // Современная русская литература конца XX – начала XXI века / под редакцией С. И. Тиминой. – Москва, 2011. – С. 283–303.
21. Чиркова, Н. И. Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте : на материале романов И. А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Чиркова Н. И. – Санкт-Петербург, 1992. – 19 с.
22. Щукина, Д. А. Русская литература XXI века (фрагмент пространства художественного текста) / Д. А. Щукина. – Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2019. – 158 с.
23. Шмелева, Т. В. Визуализация синтаксиса / Т. В. Шмелева // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 339–347.

V.N. Tkacheva

“THE PUSHKIN MYTH ” IN MODERN PROSE: REPRESENTATION OF SOMEONE ELSE'S SPEECH

The article identifies the factors of complex use of ways of transferring other people's speech. The dominance of free direct speech and non-direct speech in T. Tolstaya's short story *The Plot* is examined. The interaction of compositional and speech spheres of the author and character in the modern text is considered.

Modern prose, someone else's speech, direct speech construction, dialogic unity, non-direct speech, compositional and speech autonomies, the Pushkin myth.

Л.А. Шестак

Волгоградский социально-педагогический университет

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ: ЦЕННОСТИ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

Объектом рассмотрения в статье является современный русский рекламный текст как торговая оферта и как фрагмент русской языковой картины мира. Цель исследования – анализ рекламного текста как предлагаемого обществу пути индивидуального (образ жизни) и глобального (векторы эволюции человечества) развития. Задачами исследования являются изучение рекламного текста как модели профессионального успеха (престижное образование, физические и интеллектуальные требования к работнику, способы выстраивания карьеры) и как расширение сфер и направлений социального развития (здоровье нации, экология, формирование патриотизма, ценности семьи, поведение на дорогах и т.п.). На основе многолетней практики (2006–2023 гг.) лингвиста-эксперта и члена Экспертного совета Федеральной антимонопольной службы Волгоградской области анализируются коммуникативные неудачи рекламного дискурса, в том числе подпадающие под категорию ненадлежащей, недостоверной и неэтичной рекламы (Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ). Представлена типология содержательных (семантика, лексическое оформление, синтаксические роли, прагматика) и внешних формальных (графика, орфография, композиция, стилевое оформление) недостатков современных рекламных текстов. Делается вывод о том, что реклама отражает расширение спектра социальных задач общества, но демонстрирует и низкий нравственный, культурный, языковой уровень оформления своих текстов. Нарушение закона № 38-ФЗ и неписаных, но соблюдаемых обществом правил этики, морали и нравственности, незнание языковой и речевой нормы современного русского языка часто приводят рекламистов к непланируемому эффекту воздействия рекламного текста, от осмеяния до судебного разбирательства включительно. Результаты исследования могут быть использованы в лингвистике, маркетинге, социологии, социальной психологии, культурологии.

Реклама, текст, дискурс, модель успеха, коммуникативная неудача.

Введение

Рекламный текст – едва ли не ровесник человечества. «Я, Рино с острова Крит, по воле богов толкую сновидения» – гласит найденная археологами реклама, высеченная на камне. Этой информации и предложению услуги 2500 лет [1, с. 3–4]. Реклама как «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [5] – это инструмент маркетинга, вид и способ распространения деловой информации. Термин берет начало от латинского слова *reclatamare* ‘выкрикивать’: рекламе письменной исторически предшествовала устная.

Реклама сопровождала общество с давних времен. Финикийские купцы рисовали сообщения коммерческого характера на скалах вдоль своих торговых путей. В Помпее при входах в лавочки и заведения находятся надписи и рисунки, иллюстрирующие предлагаемые товары и услуги. В Древнем Риме возводились альбомы – стены, расчерченные на квадраты, в которых углем или краской торговцы писали свои объявления [1, с. 3–4]. Первыми профессионалами рекламного дела стали глашатаи. Многообразие форм рекламы демонстрировали ярмарки. Цеха или торговые дома символизировали фирменные эмблемы.

Многие рекламные тексты стали прецедентными, они цитируются наравне с паремиями: *Позвоните родителям!*; *Почувствуйте разницу!*; *Управляй мечтой!* и проч.

Реклама как оферта и как фрагмент картины мира – модель успеха

Развитие рекламы отражает многие сферы развития человечества: его фундаментальные потребности в качестве торговой оферты; образцы, эталоны товаров и услуг, «иконы стиля» (*Брюки в стиле Марлен Дитрих* [9, с.11]); способы решения появляющихся в процессе жизнедеятельности проблем (*Для осуществления своей мечты или просто на нужную покупку возьмите кредит наличными ВТБ24. Сказочно выгодные условия кредитования позволят увеличить ваши материальные возможности и осуществить заветные желания* – Рекламный проспект банка ВТБ); летопись истории общества (*Партия сказала: надо! Комсомол ответил: есть!*; *Пятилетку в 4 года!*). Рекламный текст в его динамике – своего рода картина мира, по крайней мере, нескольких ее фрагментов: ценностей, потребностей, способов решения проблем, направлений развития.

Трактовка рекламного текста исключительно как торговой оферты – значительное его упрощение [4]. Древнее объявление о толковании сновидений свидетельствует, что первичной потребностью являются

для античного человека даже не хлеб и вода, а судьба, будущее, знаки, определяющие векторы его дальнейших действий.

Константами рекламного текста является представление потенциальному консументу модели успеха [6]. Это перечень того, какое образование востребовано и хорошо оплачивается (*Опять на лекции? Время диктует свои законы, и сегодня непрерывное образование в течение всей жизни не только модно, но и порой даже необходимо. Именно поэтому число людей, желающих получить второе высшее, непрерывно растет* [8, с. 56]; *Вы хотите бесплатно слушать в МГУ лекции профессоров из ведущих французских вузов (Сорбонны, Школы Высшего образования по общественным наукам)? совершенствоваться во французском языке? воспользоваться уникальным шансом получить стипендию на обучение во Франции? Французский Университетский Колледж, созданный в 1991 году, проводит «День открытых дверей» – Объявление в МГУ); перечень требований к работнику (Гимнастика – это старт удачного дня [11, с. 36]; Правильная осанка повышает самооценку. Уверенную в себе женщину можно увидеть со спины (Там же, с. 37); Зубы – это имидж. Современному человеку сделать карьеру, поблескивая железным зубом, очень сложно [7, с. 13]; Красивая речь – это правильный курс. И взрослым, и детям поможет «Дискурс!» Логопедия для всех – Рекламный щит, Волгоград); указания, как строить карьеру, где под успешной карьерой понимается материальный успех: *Планируйте карьеру! После трех лет работы в банке вы должны дослужиться до зам. начальника отдела* [10, с. 95]. Данная евро-атлантическая модель образа жизни основана на системе буржуазных ценностей, предлагаемых в качестве единственной экономической закономерной: *Репутация державы точнее всего определяется той суммой, которую она способна взять в долг* (Уинстон Черчилль).*

Безусловной динамикой рекламного текста является появление и расширение социальной рекламы, а также глобализация проблем: переход от проблем квартиры и города к проблемам планеты и всего человечества. Приведем примеры русских и зарубежных рекламных текстов социального содержания: *Крепка семья – сильна Россия!* (Семейные ценности, г. Волгоград); *ПИВОВАРЬ. А. Невский – имя России* (Патриотизм, г. Волгоград); *Через кран течет река!* (Экономия ресурсов, г. Москва); *Нас каждый год становится меньше на 700 тысяч* (Демографические проблемы, реклама на TV); *Мы уменьшили фреоновые выбросы!* (Экология, реклама на TV); *Скорость убивает!* (Поведение на дорогах, г. Москва); *Соберем ребенка в школу!* (Помощь малоимущим семьям, г. Волгоград); *Путешествие с перегруженным рюкзаком не повод мешать другим* (Поведение в общественном транспорте, Франция); *Выпил? Выбирай, кто тебя повезет* (Требования к водителю, Исландия) (рис. 1).

Типы смысловых ошибок рекламного дискурса

Как любой текст, в данном случае текст делового предложения, реклама, к сожалению, не лишена недостатков, а порой и досадных огрехов и даже вещей

Рис. 1. Требования к водителю

возмутительных с точки зрения морали и нравственности, экологии языка, эстетического чувства читатель и слушатель рекламных текстов.

Это семантические несуразности и просто непонятные послы рекламного текста, скабрзные намеки, использование при оформлении текста уголовного арго, грубостей, появление у текста незапланированного комического эффекта, наконец, орфографические и пунктуационные ошибки, автоматически переключающие внимание адресата рекламы с предмета рекламы на убогое ее оформление.

В самом общем виде типологию недостатков рекламного текста можно определить как ошибки содержания (денотат и сигнификат текста, его целеполагание) и ошибки оформления (композиция, использование мотивов для формирования установки консумента на приобретение товара/услуги, лексическое оформление, стилиевые и стилистические особенности, графический дизайн и орфография, иллюстрация).

Как известно, информативную и апеллятивную функцию выполняет не только рекламный текст на растяжке или упаковке товара – упаковочный дискурс, но и эргоним – название фирмы, магазина, спортивного или развлекательного учреждения [2, с. 3]. Поэтому в качестве примеров оформления надписей и текстов информативно-призывного характера приведем примеры и эргонимов.

Как показывает практика, владельцы магазинов часто закрепляют в качестве названий придуманные ими искусственные номинации (*Аджагз* – продуктовый магазин в г. Волгограде, по объяснению хозяина – «Потому что звучно!»), в том числе на основе собственных имен и фамилий (*Жубер* – магазин посуды в г. Львове как сложение фамилий собственников: Журбины и Беркутовы). Название-вывеска часто не соответствует номенклатуре товара (*ДелСис на Волге*, г. Волгоград – магазин газового оборудования, при этом претенциозно объявляющий себя *Деловой системой – ДелСис*).

Потребитель товаров и услуг вправе ожидать мотивированного названия. Почему гастроном называется *Афиной*? Как расшифровывается *Faberlic*? Работники приемных пунктов этой фирмы объясняют, что это *Faber* – ‘мастер’ лика. Но почему *лик* вдруг латиницей? И почему *лик*, а не *лицо*, *внешность*? *Лику* вообще-то у святых. А читавшим стихи М. Цветаевой известно также, что *лик* проступает сквозь *лицо* с момента смерти: *Настанет день – печальный, говорит! – /*

Отцарствуют, отплачут, отгорят, – / Остужены чужими пятаками – / Мои глаза, подвижные как пламя. / И – двойника нацупавший двойник – / Сквозь легкое лицо проступит – лик. Зловещее обещание мастера лика...

Злую шутку может сыграть с рекламистом незнание истории. Реклама навигатора *Наши Сусанин к вашим услугам!* обратит на себя внимание, рассмешит, но не заставит купить именно эту модель. Для большинства учивших историю Сусанин – прецедентное имя. Отсюда и шутки *Полупроводник – водит в одну сторону* или *Сусанин. Полякам скидки*.

Нежелательный смысловый эффект порождается употреблением и зоологической терминологии, например гастроном *Гриф*, г. Волгоград. Как известно, гриф – птица, которая питается падалью. Покупатели шутят: «Одной просрочкой, что ли, торгуете?» Столь же странным для посетителей кажутся названия салона красоты *Носорог* и центра релаксации и досуга *Мумия*.

Смысловым кроссвордом является излишняя зашифрованность названия в силу моды на иностранное звучание. Пользователи привыкли, что холодильник *Стинол* выпускает Липецк, а холодильник *Pozis* – Казань. Однако название одного из отделов дома мебели в Москве *D1* ставит публику в тупик. Пока когонибудь не осенит, что теперь все надо читать по-английски: [di / van]. *Диван*, стало быть, отдел диванов и кушеток! Комментарии к этому лингвистическому открытию, скажем прямо, не только восторженные!

Но и развернутые тексты не всегда «дешифруются» однозначно. Так, после введения закона о материнском капитале в подъездах и лифтах домов появилась реклама: у могилы стоят мальчик и девочка в длинных ночных рубашках. И надпись: *Спасибо, мама!* По мысли авторов текста, очевидно, за то, что в наследство детям остался материнский капитал. Но вариантов предположений жильцов, за что спасибо, также хватало.

Предвыборная реклама ЛДПР в период дебатов о сдвиге границ пенсионного возраста, очевидно, имела смысл: «До нового срока выхода на пенсию никто просто не доживет!» (рис. 2).

Рис. 2. Предвыборный рекламный билборд ЛДПР

Однако камень на старой по виду могиле указывает что? Годы жизни? В 2 года? Срок жизни? 63–65 лет? Грустная пикантность ситуации состоит в том, что в Думе ЛДПР против пенсионной реформы как раз не голосовала. Но чего не сделаешь ради голосов избирателей!

Комизм многим текстам и названиям придают неверное построение синтаксических конструкций, ор-

фографические ошибки, перестановка букв, использование маркетингового приема ‘оптом дешевле’ совсем не в той сфере, где больше – это лучше.

Так, наречие *тогда* в русском языке означает не только временные отрезки (*Тогда не особо следили за очисткой крыши*, В. Гиляровский), но и следствие. Именно следственно-целевое значение прочитывается в рекламе охранных устройств *Вас еще не обокрали? Тогда мы идем к вам!* (рис. 3).

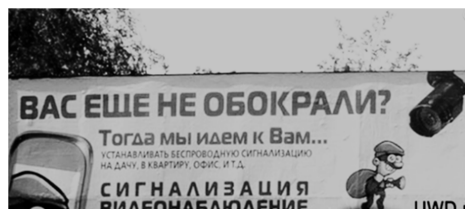

Рис. 3. Реклама установки сигнализации

Оформление целеполагания может базироваться и на социальном намеке: *Купил права? Купи машину!* (реклама автосалона, г. Волгоград).

Орфографическая ошибка в статье сетевой прессы превратила *простоту* в *простату* (рис. 4). Техническая ошибка в наборе известной на весь мир фамилии придала этой фамилии неожиданный зловещий ореол (рис. 5).

Рис. 4. Статья в сетевой прессе

Рис. 5. Реклама турагентства

Рекламный текст *Суперпредложение!!! Приобретая у нас 4 гроба, вы получаете пятый бесплатно!* (рис. 6) вряд ли кого-нибудь воодушевит:

Рис. 6. Реклама ритуальных услуг

Парадоксальный смысловой эффект возникает из-за пренебрежения рекламистов знаками пунктуации. Объявление *Мы переехали электрика* (рис. 7), очевидно, означает все-таки *Мы переехали* и подпись переехавших. В лозунге *КПРФ победит народ!* (рис. 8), видимо, отсутствует двоеточие как выражение программной установки. В вывеске *Авиакассы АДА* (рис. 9), по-видимому, имеется в виду какая-то аббревиатура.

Рис. 7. Реклама магазина

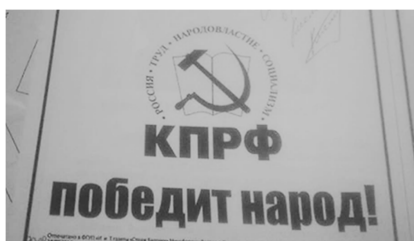

Рис. 8. Предвыборная листовка КПРФ

Рис. 9. Вывеска авиакасс

Коммуникативная неудача при воздействии на адресата рекламы текстов первого типа (искажение смысла и прагматики текста) касается, как видим, семного состава лексем и семантических ролей членов предложения: потенциальных культурологических сем 'целенаправленное плутание проводником для гибели попутчиков' в случае лексемы *Сусанин*, 'птицы, которая питается падалью' в случае лексемы *гриф*, 'большого размера' и 'неуклюжести' для лексемы *носорог*, 'дряхлой рассыпающейся оболочки' для лексемы *мумия*, микротекста – диалога с потенциальным покупателем *Купил права? Купи машину!*, где вопрос *Купил права?* представляет собой первую ситуацию-условие для осуществления второй ситуации-следствия: 'если ты уже купил себе права, то нужно покупать и машину'.

Недостатки языкового оформления рекламных текстов

Как видим, ошибки в графическом и орфографическом оформлении искажают и смысл, и целеполагание рекламного текста. Но и при внешней однозначности рекламного текста небрежное или, что хуже,

намеренно сниженное, вплоть до скабрзности, до намеков на телесный низ, языковое оформление оскорбляет нравственность и эстетическое чувство потенциальных потребителей рекламного продукта.

Во-первых, это намеренное использование уголовного арго (*Молодым платить не по масти... Деньги в пластик, АУЕ! Оформить щас или кекнуть раз* – реклама банка Тинькофф в соцсетях; *Очкуешь, товарищ? С наличкой тревожно? Сделай же вклад в банке надежном!* – реклама СКБ-банка), чем грешат современные финансовые учреждения, полагающие, очевидно, что нынешних пользователей финансовых услуг можно привлечь именно таким способом [3, с. 131–135] (рис. 10):

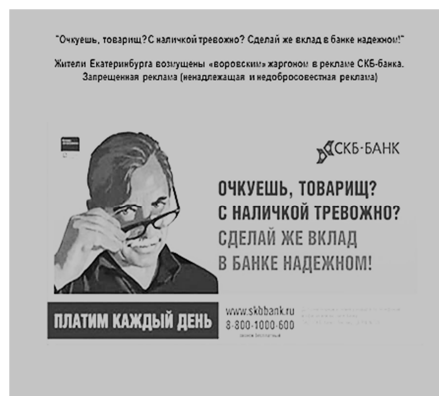

Рис. 10. Реклама СКБ-банка

Во-вторых, это откровенная грубость (*ЧОДУРАА* – название салона (рис. 11), *Хрен с вами!* – упаковочный дискурс, товарная этикетка (рис. 12):

Рис. 11. Реклама салона

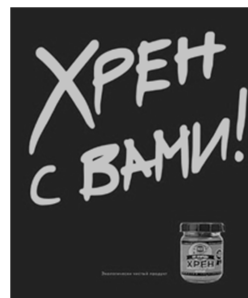

Рис. 12. Этикетка товара

В-третьих, скабрзные намеки: *Вы уху ели?* – реклама рыбного ресторана; *Я – шкура! Натяни меня...* –

реклама чехлов руля (рис.13); *Sisin Dom* (бюстгалтеры); *Размер имеет значение!* Реклама магазина «Гулливвер» (рис. 14); *SE[XS] будет за 4900 р.* – реклама фитнес-центра (рис. 15); *Приходи сам. Приводи друга. Дам обоим* – реклама казино (рис. 16), поддерживаемые графически и пиктографически:

Рис. 13. Реклама чехла руля

Рис. 14. Реклама магазина «Гулливвер»

Рис.15. Реклама фитнес-центра

Рис. 16. Реклама казино

Языковыми приемами маскировки скабрезного мотива является чередование размера и цвета шрифтов рекламного слогана, нарушение порядка слов,

прием умолчания и рифмовки. При этом в ответ на жалобы граждан, что в рекламных билбордах множество скабрезностей и намеков на «сниженный контекст», бизнесмены ссылаются на экономическую ситуацию: бизнес из-за пандемии и санкций «просел», поэтому нужно любыми способами зацепить взгляд человека, пусть даже культурным шоком и непристойностями.

Притчей во языцех давно стало безграмотное графическое и орфографическое оформление рекламы и объявлений: *Шыны*; *Живое разливное пеное блаженство* – реклама пивбара (рис. 17); *Салон унтов Кальма*; растяжка *Здравствуй, школа!*; объявления *Мы отрылись!* *Обучу сома* (в смысле сама); вывеска *Русский язык и литература* (рис. 18); название должности *Помощник руководителя с функцией бухгалтера*; призывы *Глядь!*, *Пообедуй у нас!*

Рис. 17. Реклама пивбара

Рис. 18. Вывеска в школе

Заключение

Рекламный текст давно стал частью антуража городской среды. Огромное количество рекламных «этикеток», создание возможности прочтения текста из окна автомобиля, рыночная конкуренция заставляют рекламистов создавать тексты, «цепляющие» взгляд едущего в автомобиле и воспринимаемые, по статистике, за 20 секунд. Однако нарушение закона № 38-ФЗ о запрете ненадлежащей, недостоверной и незэтичной рекламы, как и неписанных, но соблюдаемых обществом законов этики, морали и нравственности, незнание языковой и речевой нормы современного русского языка часто приводит рекламистов к непланируемому эффекту воздействия рекламного текста, от осмеяния до судебного разбирательства включительно.

Литература

1. Карпова, С. В. Рекламное дело : учебно-методическое пособие и практикум / С. В. Карпова. – Москва : Юрайт, – 2006. – 223 с.
2. Крюкова, И. В. Рекламное имя : от изобретения до прецедентности : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Крюкова И.В. – Волгоград, – 2004. – 44 с.
3. Прикладные аспекты лингвистики : юрислингвистика, лингвомаркетинг и лингводидактика : монография / научный редактор Л. А. Шестак. – Волгоград : Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2018. – 201 с.

4. Рекламный дискурс и рекламный текст : коллективная монография / научный редактор Т. Н. Колокольцева. – 2-е изд. – Москва : ФЛИНТА: Наука, – 2013. – 296 с.

5. О рекламе : Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (редакция от 02.08.2019). – URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-13032006-n-38-fz-o/?yclid=1916042623610298956> (дата обращения: 20.02.2020). – Текст : электронный.

6. Шестак, Л. А. Life style : речевые стратегии коммерческой рекламы / Л. А. Шестак // Рекламный дискурс и рек-

ламный текст : коллективная монография / научный редактор Т. Н. Колокольцева. – 2-е изд. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. – С. 57–87.

Источники

7. Доктор Петровъ. – 2009. – № 12.

8. Лиза. – 2009. – № 5.

9. Voprix. – 2019. – № 9.

10. Glamour. – 2016. – № 2.

11. ProLife. – 2009–2010. – № 20.

L.A. Shestak

ADVERTISING TEXT: VALUES OF THE CHANGING WORD

The article deals with the modern Russian advertising text as a trade offer and as a fragment of the Russian language picture of the world. The aim of the study is to analyse the advertising text as a way of individual (lifestyle) and global (vectors of humanity's advancement) development offered to society. The objectives of the research are to study the advertising text as a model of professional success (prestigious education, physical and intellectual requirements for the employee, ways of building a career) and as an extension of spheres and directions of social development (the health of the nation, ecology, the formation of patriotism, family values, behavior on the roads, etc.). On the basis of many years of practice (2006–2023) as an expert linguist and member of the Expert Council of the Federal Antimonopoly Service of the Volgograd region, the communicative failures of advertising discourse are analyzed, including those falling under the category of improper, inaccurate and unethical advertising (Federal Law of 13.03.2006 N 38-FL). The typology of content (semantics, lexical design, syntactic roles, pragmatics) and external formal (graphics, spelling, composition, style design) deficiencies of modern advertising texts is presented. It is concluded that advertising reflects the expansion of the range of social tasks of society, but also demonstrates a low moral, cultural, linguistic level of the design of its texts. Violation of Law No. 38-FZ and unwritten, but observed by society rules of ethics and morality, ignorance of the language and speech norms of the modern Russian language often lead advertisers to an unplanned effect of the impact of the advertising text, from ridicule to trial inclusive. The results of the study can be used in linguistics, marketing, sociology, social psychology and cultural studies.

Advertising, text, discourse, model of success, communicative failure.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 93/94

5.6.1. Отечественная история

М.А. Безнин, Т.М. Димони, К.О. Димони
Вологодский государственный университет

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ ПО ТЕМЕ «ИНСТИТУТЫ ЗАВИСИМОСТИ И СИСТЕМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1930–1980-Х ГГ.»

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 24-28-00077, <https://rscf.ru/project/24-28-00077/>*

В заметке рассказывается о работе по научному проекту под руководством Т.М. Димони, проведенной в первой половине 2024 г.

Институты зависимости, системы эксплуатации, советская Россия.

С января 2024 г. в Вологодском государственном университете выполняется научно-исследовательская работа, поддержанная грантом Российского научного фонда, по теме «Институты зависимости и системы эксплуатации труда в советской России 1930–1980-х гг.». В состав исследовательского коллектива входят четыре человека – д-р ист. наук Т.М. Димони (руководитель), д-р ист. наук М.А. Безнин, преподаватель К.О. Димони, магистрантка Е.С. Ретровская (исполнители проекта). Все исследователи являются сотрудниками Вологодского государственного университета.

Данное исследование тесно связано с предыдущими научными проектами, основные результаты которых изложены в ряде крупных научных публикаций [2; 5; 6; 7]. Актуальность проводимого исследования связана с важнейшим местом изучения форм зависимости и механизмов эксплуатации труда в характеристике типа социально-экономического устройства любого общества. В XX в. данный аспект исторического анализа являлся одним из определяющих индикаторов социально-экономического устройства России, в связи с чем в историографии периодов «феодализма» и «капитализма» описывался довольно часто и подробно. В отношении же советского времени вопрос о существовании феномена эксплуатации почти не ставился: в СССР его обсуждение было невозможно по идеологическим соображениям, в постсоветское время данный вопрос заслонило описание «принудительного труда» в советской экономической системе и жесткой государственной политики реализации данного тренда. Исследовательский коллектив считает, что без глубокого изучения невозможно сделать вывод об этапах социально-экономического развития советского общества, о формировании его социальных классов (в том числе класса собственника, предрасположенного к присвоению результатов труда), ментальных основах (так как труд является определяющим фоном любой

повседневности) и, в конце концов, определить границы трансформации (феодализм – капитализм – социализм(?)) России в советский период.

В ходе работы по проекту в 2024 г. исследовательский коллектив провел ряд методологических семинаров для обсуждения наиболее важных проблем исследования. Научное руководство семинарами осуществлялось профессором М.А. Безниным. Первый методологический семинар был проведен 31 января 2024 года. Целью семинара было обсуждение основных направлений исследования, исторического комплекса по проблеме и базового методологического аппарата исследования. Доклад об основных целях, задачах и направлениях исследования был сделан М.А. Безниным. Он отметил важность изучения институтов зависимости (внеэкономической и экономической) в сфере труда, в том числе механизмов государственно-правового оформления внеэкономической зависимости, преимущественно действовавших на этапе 1930-х – середины 1950-х гг., и экономической зависимости, нараставших с середины 1950-х гг. до конца советского времени. Среди важнейших сторон институтов зависимости были названы производственный патернализм (зависимость от руководства) как в заводской сфере, так и в колхозно-кооперативной, идеологическая мотивация к труду, институт социальных ограничений (в т.ч. связанных с объемно-правовой сферой, регулирующей положение социальных групп – паспортной системой, механизмами привлечения к труду (оргнабор, переселения, работа по лимиту и пр.), институтами корпоративности (выделение жилья предприятиями, путевок на отдых и пр.)). Одной из важнейших задач исследования, отметил профессор М.А. Безнин, является изучение систем эксплуатации труда в советской России 1930–1980-х гг., в т.ч. видов и форм эксплуатации как в сфере промышленности, так и сельского хозяйства (через натуральные и денежные механизмы, включая налоговые). Вопросы источни-

кового обеспечения данной проблематики были изложены Т.М. Димони. Она обратила внимание на важность изучения комплекса законов, регулировавших трудовые отношения (Конституций, Трудовых кодексов), комментариев к трудовому законодательству, а также важнейших регламентирующих институтов зависимости нормативных актов – Уставов сельхозартелей, Положений о паспортной системе, института прописки, отдельных положений уголовного законодательства и пр. Т.М. Димони также сделала обзор полезных для исследования архивных фондов, среди которых фонд Наркомтруда (ГАРФ, ф. 5515), ВЦСПС (ГАРФ, ф. 5451), Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР (ГАРФ, ф. 9517), Минтрудрезервов СССР (ГАРФ, ф. 9507) и др. О некоторых источниках, в частности описании иностранными корреспондентами системы трудовых отношений в советской России, исследовательский коллектив в мае 2024 г. сделал научный доклад на конференции «Общество и власть России в период модернизации второй половины XIX–XX века» (Тамбов, Тамбовский государственный технический университет), опубликована статья по данному вопросу [1]. Доклад на методологическом семинаре относительно понимания институтов зависимости и эксплуатации в отечественной и зарубежной историографии, а также в ряде иных общественных наук был сделан К.О. Димони. В ходе дискуссии исследовательский коллектив определился, что в самом общем виде термин «эксплуатации» будет трактоваться как частичное присвоение результатов труда. Е.С. Ретровская остановилась на гендерном аспекте эксплуатации труда. Она отметила, что данный аспект эксплуатации труда в российской экономике советского периода практически не изучен.

Второй методологический семинар по проекту был проведен 15 мая 2024 года. Основные задачи, поставленные перед исследователями, заключались в углублении и структуризации методологической базы, обсуждении научной терминологии исследования институтов зависимости и систем эксплуатации труда. М.А. Безнин, Т.М. Димони во вступительном слове в начале семинара отметили плюрализм методологической базы и существенную неопределенность в вопросах терминологии. В частности, очень по-разному трактуются в науке дефиниции институты и институции. В части форм эксплуатации чаще всего упоминаются экономическая и внеэкономическая, а систем эксплуатации – прямая и косвенная, скрытая и открытая, патриархальная и индустриальная и пр. В ходе анализа методологии подробнее были проанализированы подходы О.В. Иншакова, В.Б. Хитринцева, Л.С. Гринкевича, Е.А. Паршакова, Г. Сурдина и др. К.О. Димони сделал доклад относительно концепций социально-экономического устройства и институтов

зависимости в более ранних работах участников гранта. Анализу подверглись подходы и термины относительно систем, видов и форм эксплуатации труда. Основные подходы в решении данных вопросов излагались частью участников проекта в ходе изучения аграрной составляющей развития России 1930–1980-х гг. [3; 4; 8].

Проведение двух методологических семинаров по теме гранта позволило выявить и обсудить ряд важных методологических проблем, с которыми столкнулись исследователи – участники гранта. Обсуждения на семинарах подчеркнули сложность и многогранность подходов в изучении исследуемого периода, а также существенные отличия в западной и отечественной методологии в рамках институционального подхода.

Литература и источники

1. Безнин, М. А. Англоязычные авторы о сфере трудовых отношений в советской России первой половины 1930-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, К. О. Димони // Общество и власть России в период модернизации второй половины XIX–XX века : сборник материалов Всероссийской научной конференции памяти профессоров ТГТУ С. А. Есикова и А. А. Слезина (15 мая 2024 г.) ; под редакцией доктора исторических наук, профессора В. Б. Безгина, кандидата исторических наук, доцента И. В. Двухжиловой, кандидата исторических наук, доцента К. В. Самохина. – Тамбов : Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2024. – С. 273–281.
2. Безнин, М. А. Этика властно-собственнических отношений производственных верхов российского общества (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. – 2023. – № 11–2. – С. 34–59.
3. Безнин, М. А. Раскрестьянивание России / М. А. Безнин // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы к Всероссийской научной конференции. – Вологда, 1992. – С. 103–110.
4. Безнин, М. А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Москва : Ленанд, 2019. – 608 с.
5. Безнин, М. А. Обзор подходов к изучению модели власть – собственность в советской России сталинского периода / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2022. – № 3. – С. 49–60.
6. Безнин, М. А. Огосударствление и разгосударствление собственности на средства производства в советской России / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2023. – № 3 (68). – С. 655–670.
7. Безнин, М. А. Экономический строй России 1950–1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони, К. А. Гулин. – Вологда, ВоГУ, 2021. – 250 с.
8. Димони, Т. М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Димони Т. М. – Вологда : ВГПУ, 1996. – 216 с.

M.A. Beznin, T.M. Dimoni, K.O. Dimoni

THE RESEARCH GROUP ACTIVITY ON THE TOPIC “INSTITUTIONS OF DEPENDENCE AND LABOR EXPLOITATION SYSTEMS IN SOVIET RUSSIA IN THE 1930S–1980S”

*The study was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation
№ 24-28-00077, <https://rscf.ru/project/24-28-00077/>*

The article describes the work on the scientific project led by T.M. Dimoni, carried out in the first half of 2024.
Institutions of dependence, systems of exploitation, Soviet Russia.

В.А. Саблин, С.А. Лебедев
Вологодский государственный университет

ШЕСТОЙ РАЗ В ВОЛОГДЕ. ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ ВСЕРОССИЙСКИХ «НЕКРАСОВСКИХ ЧТЕНИЙ» В МАЕ 2024 Г.

16–18 мая 2024 г. на базе Вологодского государственного университета и Вологодской областной универсальной научной библиотеки имени И.В. Бабушкина состоялась VI Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Некрасовские чтения», посвященная памяти доктора исторических наук, профессора Юрия Клавдиевича Некрасова. В статье подведен краткий итог прошедших мероприятий, проанализированы основные направления работы конференции, содержание представленных на секциях докладов, а также значимость конференции как важного для университета и региона научного мероприятия, так и как средства установления и поддержания научных связей.

Историческая наука, германистика, преподавание истории, Некрасовские чтения, коммеморация.

В мае 2024 г. в шестой раз в Вологде прошла Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Некрасовские чтения». В ее организации приняли участие Вологодский государственный университет и Вологодская областная универсальная научная библиотека имени И.В. Бабушкина, региональное отделение Российского исторического общества в Вологодской области. Юрий Клавдиевич Некрасов – важная фигура для исторического образования в Вологде, он проработал 36 лет в Вологодском педагогическом институте (затем – университете), внес значительный вклад в укрепление вологодской школы научной германистики.

Конференция традиционно собирает ученых со всей России. На конференцию подали заявки 128 участников, представивших 114 докладов. География участников впечатляет: Архангельск, Владивосток, Владикавказ, Вологда, Воронеж, Дзержинск, Донецк, Екатеринбург, Иркутск, Калининград, Калуга, Каменск-Уральский, Краснодар, Красноярск, Курск, Лесосибирск, Луганск, Махачкала, Мелитополь, Москва, Мурманск, Муром, Нижний Новгород, Нижний Тагил, Новосибирск, Орел, Пенза, Пермь, Санкт-Петербург, Северодвинск, Смоленск, Ставрополь, Сыктывкар, Тотьма, Тюмень, Уфа, Череповец, Черкесск, а также Беларусь и Туркменистан. Конференцию посетила большая делегация ученых, представлявших ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», широкое участие приняли преподаватели и студенты Вологодского государственного университета, а также учителя школ и педагоги, работающие в системе среднего профессионального образования.

В рамках работы секции № 1 «Общественно-экономические и политические проблемы истории в ретроспективе и перспективе» были рассмотрены вопросы создания и деятельности международных организаций и объединений, история различных политических партий и движений, уделено внимание ретроспектив-

ному анализу функционирования различных экономических институтов и субъектов в определенные исторические периоды, большое внимание было уделено проблемам региональной истории, а также вопросам репрезентации событий прошлого.

В ходе работы секции № 2 «Сохранение культурной памяти» наибольший интерес и активное обсуждение вызвали такие темы, как место исторической политики в структуре национальной идентичности, коммеморативные практики (на примере деятельности студенчества Луганской Народной Республики), опыт реконструкции крестьянских документов в антропологическом театре музея «Семеново», земские обследования крестьянских бюджетов Вологодской губернии как источник формирования культуры памяти, сравнительный анализ празднования пушкинских юбилеев в стране в 1899 и 1937 гг. Проблематика докладов на секции была сконцентрирована вокруг социально-исторической антропологии.

В рамках секции № 3 «Человек в контексте исторических реалий. Парадигмы поведения и подходы к изучению» большое внимание было уделено проблемам бытовой и трудовой повседневности, изучению новых видов исторических источников, развитию образования в регионе в XIX–XX вв., процессам общественной трансформации. Особое внимание было уделено проблемам всеобщей истории и функционированию правовых институтов в переломные исторические эпохи.

Тематика выступлений на секции № 4 «Методические и практические аспекты преподавания истории в школе» охватывала разные аспекты преподавания как отечественной (в том числе региональной), так и всеобщей истории, использования наглядности в процессе обучения, сложности усвоения исторического материала при подготовке к ГИА, изменения содержания ЕГЭ по истории и другие вопросы.

Изложение теоретических аспектов тем сопровождалось рекомендациями по их использованию, направленных на эффективное усвоение историческо-

го материала: запоминание основных понятий, применение определенного алгоритма действий при подготовке обучающихся к ГИА по истории, использование живописи как средства обучения через постановку продуктивных и творческих вопросов, учет специальности обучающихся СПО при проведении исторических занятий и т.п. В заключение участники отметили, что работа секции была плодотворной, актуальность дальнейшего обмена опытом работы учи-

телей общеобразовательных школ, преподавателей СПО и ВПО не вызывает сомнения.

Участники конференции отметили высокий уровень организации мероприятия. Было предложено увеличить количество секций конференции, а также расширить перечень обсуждаемых проблем, сохранить установленные в ходе конференции связи с представителями научных центров, высших учебных заведений и педагогического сообщества в целом.

V.A. Sablin, S.A. Lebedev

**SIXTH TIME IN VOLOGDA.
ABOUT THE RESULTS OF THE ALL-RUSSIA "NEKRASOV READINGS" IN MAY 2024.**

On May 16-18, 2024 Vologda State University and the Vologda Regional Universal Scientific Library named after I.V. Babushkin held the VI All-Russia Scientific and Practical Conference with International Participation "Nekrasov Readings" dedicated to the memory of Doctor of History, Professor Yuri Klavdievich Nekrasov. The article summarises the results of the event, analyses the main topics of the conference, the content of the reports presented at the workshops, as well as the significance of the conference as an important academic event for the university and the region, and as a means of establishing and maintaining scholarly connections.

History, German studies, teaching History, Nekrasov Readings, commemoration.

В.А. Саблин, М.С. Черкасова
Вологодский государственный университет

**КРЕСТЬЯНСКИЕ КОРНИ: ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ОБОБЩЕНИЯ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ИСТОРИЯ РОДА СЕЛЯКОВЫХ XVI–XXI ВВ. В 2-Х Т.
Т. 1. ПШЕНИЦЫН Д.А. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ РОДА СЕЛЯКОВЫХ;
Т. 2. ТАРАН Л.Н., БУНИНА Е.А. ИСТОРИЯ РОДА В ЗЕРКАЛЕ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ.
ВОЛОГДА; СПБ.: ДИТОН-АРТ, 2024**

В рецензии дан научный анализ историко-генеалогическому исследованию Д.А. Пшеницына, посвященному крестьянскому роду Селяковых XVI–XXI вв. Авторы высоко оценивают работу, отмечая ее инновационный характер в части изучения генеалогии, геральдики, методики интеграции разных видов письменных источников, этимологии крестьянских фамилий и др. Отмечается, что рецензируемый двухтомник является заметным событием уходящего 2024 г., объявленного в Российской Федерации Годом семьи.

Генеалогия, государственные крестьяне, кадастровая документация, источниковедение, хронология.

Одним из приоритетных направлений современной отечественной историографии является микро- и локальная история. В ее рамках особый интерес представляют историко-генеалогические исследования, посвященные изучению родословий как представителей дворянской элиты русского общества в прошлом, так и «неродовитым» людям и семьям. В изучении этих явлений наметилась явная диспропорция, поскольку долгое время преимущественное внимание исследователей было сосредоточено на генеалогии дворянских фамилий, тогда как рассмотрение в данном ключе непривилегированных сословий заметно отставало¹.

В этом плане весьма знаменательны разработки вологодского историка и краеведа Д.А. Пшеницына, который последние годы плодотворно занимается крестьянской генеалогией на Русском Севере и издал десятки семейно-родовых историй. В настоящее время именно Д.А. Пшеницын по праву занимает лидирующие позиции в данной проблематике, будучи руководителем генеалогических исследований культурно-исторического центра «Светочь», активным членом Вологодского городского историко-родословного общества.

В данной рецензии авторы анализируют новейшую работу Д.А. Пшеницына, увидевшую свет в июне 2024 г. и посвященную истории крестьянского рода Селяковых. Это двухтомное крупноформатное издание, ставшее возможным благодаря финансовой поддержке одного из его потомков – Л.Е. Охотина, генерального директора ООО компании «Юникосметик» (Санкт-Петербург). Не случайно его краткое приветственное слово к читателям помещено в начале первого тома.

Второй том подготовлен несколькими авторами (Л.Н. Таран-Селяковой, Е.А. Буниной-Селяковой, при участии Д.А. Пшеницына, главный редактор – журналист из Нижнего Новгорода В. Динова-Матяева) и выполнен как красочное подарочное издание на мелованной бумаге, обильно снабженное цветными и черно-

белыми фотографиями, письменными свидетельствами о разных эпизодах в истории рода, его поколений и отдельных семей в XIX–XXI вв. (что напрямую соответствует названию – «История рода в зеркале семейных воспоминаний»), видами местных пейзажей, жилых и хозяйственных построек, храмовой архитектуры. В массе своей это фотографии из семейных архивов. Некоторые фото были предоставлены мемориальным музеем поэта А.Я. Яшина в г. Никольске Вологодской области. Том включает в себя разделы, посвященные малой родине Селяковых, 57 автобиографических семейных историй, материалы встречи нынешних представителей рода в 2023 г., связи времен и поколений.

Теперь же, после необходимых вводных замечаний, пристальнее присмотримся к непосредственному содержанию 1-го тома, собственно исторического. Малой родиной всех Селяковых является дер. Павлово Аргуновской (Шарженгской) волости Никольского уезда Вологодской губернии (в XVI–XVIII вв. – Устюжского уезда). Это были государственные (черносошные) крестьяне Русского Севера, изучению которых посвящены классические труды М.М. Богословского, А.В. Камкина, А.И. Копанева, Е.Н. Швейковской. Все они учтены в рецензируемом издании. Активно используются автором и краеведческие работы (Д.Д. Баданин, А.В. Кузнецов, В.А. Поникаров, материалы «Глубоковских чтений» и сборников «Кичменгский край» под редакцией С.А. Гладких).

Восстанавливая историю *семьи* в тесной связи с историей *места*, Д.А. Пшеницын умело реализует уже апробированную им в своих прежних работах методику интеграции разных видов письменных источников. Он раскрывает перед читателем целую панораму прежде всего кадастровой документации по Устюжскому уезду – обширного комплекса писцовых и переписных книг, начиная с наиболее ранней – писцовой книги Н. Вышеславцева 1623–1626 гг., и далее привлекает переписные 1640-х и 1670-х годов, писцовую 1675–1683 гг. книги, а еще книги солдатского сбора 1658 и 1668 гг. Последние особенно ценны для наблюдений над процессом формирования крестьян-

¹ Кобрин, В.Б. Перспективы развития генеалогических исследований // Генеалогия: Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 4–5.

ских фамилий в интервале между дворовыми переписями 1640-х и 1670-х гг.

Переходя затем к XVIII – началу XX в., Д.А. Пшеницын систематизирует сведения о Селяковых, их семейно-родственных связях, потомстве, профессиональных и возрастных характеристиках, хозяйственной деятельности в ландратской книге 1716/17 г., материалах десяти ревизий (1719–1858 гг.), метрических книгах и исповедных ведомостях, венечных книгах и книгах «брачных обысков», земских статистических обследованиях 1912 г. Тем самым словно совмещается *вертикальный* (межпоколенческий) и *горизонтальный* (через брачные связи внутри одного поколения) подходы в реконструкции истории семей. Автором с несомненным профессионализмом используются довольно трудоемкие для обработки опубликованные и архивные *массовые* источники из нескольких федеральных и региональных архивохранилищ (Москва, Вологда, Устюг, Ярославль).

Д.А. Пшеницын выявил и включил в исследование также документы церковного происхождения, запечатлевшие историю Шарженского Михайло-Архангельского прихода, этапы церковного строительства там в XVII–XIX вв., как и современное восстановление Аргуновского храмового комплекса, – все это освещено в рецензируемом труде достаточно полно. В результате выстраивается комплексное локальное исследование в контексте аграрной, демографической и социальной истории конкретного края на протяжении длительного времени. Это категории сельского населения (крестьяне, бобыли, половники), структура сельского расселения в округе Халезец – Шарженга – Березовец (Южской трети Устюжского уезда), эволюция форм учета народонаселения и налогообложения (от условно-поземельно-посошного – к подворному, а затем – к подушному принципам).

Д.А. Пшеницыным подробно разбирается этимология фамилии Селяковы, разные варианты антропонимов, для этого он использует методы исторической ономастики, подходы которой важны для установления происхождения крестьянских фамилий и фамильных прозвищ. С учетом геральдических наблюдений это усиливает междисциплинарный профиль первого тома. Его историко-географические аспекты раскрываются в ряде карт изучаемой местности времени Генерального межевания XVIII в. и топографических описаний XIX в. Они дают читателю необходимое пространственное представление об изучаемом микрорегионе.

Обширный массив еще не изданных документов, обработанный Д.А. Пшеницыным, придает первому тому несомненные черты источниковедческой новиз-

ны. В первую очередь это касается введения в оборот книг солдатского сбора 1650–1660-х гг. и уникальной по полноте для анализа крестьянских хозяйства земской переписи 1912 г. Заслуживает одобрения данное Пшеницыным в Приложении Описание, проведенное оценочно-статистическим комитетом Вологодской губернской земской управы торгово-промышленных заведений у крестьян Аргуновской волости (с. 418–457) и земская подворная сельскохозяйственная перепись того же года (с. 426–457). Указанный материал позволяет изучать торговую, промысловую и земельную отрасли крестьянской экономики. Здесь интересны развернутые данные о глубокой укорененности старинного трехполья в аграрной сфере, а также о многообразных доходных отраслях: мелочных лавках, кузницах, мельницах, кирпичных заводах, складских помещениях и пр.

Новаторским является также использование Пшеницыным особой генеалогической программы «Древо Жизни.5.5» в виде предлагаемых читателю многочисленных QR-кодов (с. 111, 117, 118, 121, 131 и мн. др.). Зримый результат проведенного исследования представлен в обширных Родословных росписях всех Селяковых в гл. 6 (с. 111–390) и отдельно их Великоустюжской ветви в гл. 7 (с. 391–412). Ретроспективная же «глубина» реконструкции Селяковского рода, установленная автором, уходит в 1550-е и 1580-е гг. Таким образом, общий хронологический диапазон их родовой истории охватывает почти 4,5 столетия, а это 19 поколений, включающих 2240 документированных автором персоналий, памяти которых, собственно, и посвящены оба тома этого издания.

В качестве замечаний считаем, что работе, обращенной к широкой читательской аудитории, не помешали бы указатели: географических и топонимических названий, предметно-терминологический с пояснением некоторых слов (например, что такое гербовник, геральдика, матрикул), а еще Списки таблиц, иллюстраций, сокращений. Можно также посоветовать на фактическое отсутствие атрибутированных и датированных фотографий при обилии в целом иллюстративного материала в анализируемом двухтомнике.

Весьма знаменательным можно считать выход в свет столь крупного двухтомного издания, адресованного историкам, краеведам, специалистам по вспомогательным историческим дисциплинам (генеалогии, геральдике), учащейся молодежи именно в 2024-м году, объявленном в Российской Федерации ГОДОМ СЕМЬИ.

V.A. Sablin, M.S. Cherkasova

**PEASANT ROOTS: GENEALOGICAL GENERALIZATIONS. BOOK REVIEW:
THE HISTORY OF THE SELYAKOV IN THE 16TH–21ST CENTURIES. IN 2 VOLUMES.
VOL.1. PSHENITSYN D.A. HISTORICAL CHRONICLE OF THE SELYAKOV;
VOL. 2. TARAN L.N., BUNINA E.A. THE HISTORY OF THE FAMILY IN THE FAMILY MEMORIES
MIRROR. VOLOGDA; ST. PETERSBURG: DEATON-ART, 2024**

The review provides a scholarly analysis of D.A. Pshenitsyn's historical and genealogical research on the peasant family of the Selyakovs, 16th-21st centuries. The authors highly appreciate the work, noting its innovative nature in terms of studying genealogy, heraldry, methods of integrating different types of written sources, etymology of peasant surnames, etc. It is noted that the reviewed two-volume book is a notable event of 2024 which is declared the Year of the Family in the Russian Federation.

Genealogy, state peasants, cadastral documentation, source studies, chronology.

*А.Н. Цветкова**Вологодский государственный университет***РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ШАЛАМОВСКИЙ СБОРНИК. ВЫПУСК 6 /
СОСТ. И РЕД. В.В. ЕСИПОВ. М.: ЛЕТНИЙ САД, 2023. 468 С.**

Рецензия посвящена шестому выпуску ранее неопубликованных материалов, касающихся жизни и творчества выдающегося русского писателя Варлама Тихоновича Шаламова. Книга представляет собой разножанровую коллекцию текстов различной стилистики, призванных ознакомить широкий круг читателей с неизвестными фактами биографии и профессиональной деятельности писателя. Ряд исследований, представленных в сборнике, содержат научный лингвистический и научно-прикладной переводческий материал, заслуживающий внимания специалистов.

Шаламов, личность, переписка, биографические факты, записи.

«Шаламовский сборник. Выпуск 6», вышедший в московском издательстве «Летний сад» в 2023 г., является продолжением серии книг (выпуски 1–5), посвященных материалам, связанным с жизнью великого писателя, неизданных при его жизни.

Данный выпуск состоит из авторских набросков к рассказам В.Т. Шаламова, очерков, дневниковых записей, переписки, включающей комментарии участников, исследовательские комментарии и заметки к огромному разнообразию литературного труда писателя, датированного разными годами его жизни. Многие из опубликованного впервые раскрывают детали создания некоторых из произведений Шаламова, его взгляды на литературный процесс, пояснения к сути некоторых общественных явлений и произведений.

Раздел «Из литературного наследия» открывают эссе конца 1960-х годов «Формула шагреневой кожи», важное для понимания Шаламова, его этической философии, и вариант «Вставной новеллы» (рассказ 1971–1972 г., написанный «в стол»). Значительное место в разделе отведено своду материалов, касающихся Б. Пастернака и В. Шаламова, недавно расшифрованному и обработанному В.В. Есиповым. Большой мемуарный очерк, публикующийся впервые, раскрывает детали личной их переписки, посвященные литературе и персональным взаимоотношениям поэтов, дает читателю возможность заглянуть в творческие планы Шаламова, его критическую оценку произведений друга, глубину проблематики такого общения. «Первые стихи, посланные великому поэту с Колымы в 1952 г., исповедальная философская переписка и исключительно важные для обоих дружеские встречи и разговоры с Москве в 1953–1956 гг., вынужденная размолвка по “личным обстоятельствам” в 1956 г., участие Шаламова в похоронах Пастернака в 1960 г.» [9, с. 50] – все эти события разворачиваются перед глазами читателя в повествовании от первого лица, позволяя читателю сделать собственные выводы о значимости событий для литературного процесса.

Важнейшее место в книге занимает переписка Шаламова с московскими друзьями, почитателями его таланта из Воркуты, колымскими товарищами, различного рода личная переписка и заметки московского периода жизни писателя. Такой подробный обзор переписки не может не раскрыть особенности мыслей, настроений и взглядов человека-творца, воссоздающего словом почти документальные картины прошлого в своих произведениях. Так, переписка с редактором журнала «За промышленные годы» А. Гусятинским, затем его вдовой позволяют увидеть детали повседневного кропотливого труда писателя. Переписка с драматургом А.К. Гладковым дополняет ранее изданные дневники последнего. Безусловно, сюжетные перипетии переписки позволяют увидеть особенности времени, устоев, поведения, поступков и взглядов на них современников писателя. Шаламов раскрывается глубже, заставляя видеть за стереотипными представлениями об авторе другую, реалистичную, многомерную личность, через призму маленьких зарисовок о быте, личных взаимоотношений и отношении к событиям, характере, чертах, проявляющихся в мелочах и ежедневных заботах, оценках и высказываниях. Так, «Запись Шаламова на смерть А.К. Гладкова» 1976 г. [6, с. 162–164] – это зарисовка об образе жизни друга, о такси, спорте, прозе, поэзии и боли от потери собеседника, друга.

Отклик на рассказ В.М. Шукшина «Кляуза» (напечатан в «Литературной газете» 4 сентября 1974 г.), так и не опубликованный Шаламовым из-за скорой смерти Шукшина, по сути, не только ответ на сюжет, вызвавший резонанс в литературных кругах, но и литературная критика работы коллеги. Очевидны строгость суждений, доказательность Шаламова. «Свой рассказ Шукшин лучше бы назвал не “Кляуза”, а “Клевета”», – завершает заметку-реплику Шаламов [7, с. 171].

Тематика и временной период охвата материалов раздела «Статьи и исследования» обширны. В статье

В. Есипова и Дарьи Грицаенко «Шаламов и Ахматова: почему не получился разговор?» на основе впервые публикуемых архивных записей Шаламова сделана попытка реконструкции его встречи с Ахматовой в марте 1965 г. Гражданская позиция, литературные изыскания, теоретические размышления о литературе, ее месте в жизни человека, в искусстве, политическом контексте и социальных изменениях в обществе раскрываются исследователями текстов Шаламова с новых сторон. Каждая деталь письма, статьи, очерка представляют собой неизведанный путь к раскрытию масштаба личности автора, его значению для развития литературы народа и культуры в целом. Статья «Я – честный советский писатель (Еще раз о письме Шаламова в “Литературную газету” 1972 г.» В. Есипова [8] с подробным обзором мнений о данном письме позволяет понять не только многое о личностях, но и об эпохе. Хроника событий, связанных с изданием, также публикуется впервые.

Часть исследований посвящена собственно литературным изысканиям, пристально изучающим особенности идиостиля автора, его наследию, особенностям жанровой стилистики, литературных взглядов писателя. Знаковость его личности и влияние на современников в творческом и философском аспектах играет особую роль в исследованиях Юлии Кантор, Ольги Ключаревой, Ефима Гофмана, В. Есипова и других. Впечатляюща история врача, а впоследствии и друга писателя, с которым судьба свела Шаламова в Колымском лагере [10]. Биография врача, возглавлявшего терапевтическое отделение больницы Севлага, роль в спасении жизней десятков, а может, и сотен заключенных, становление врача-ученого увековечена в нескольких рассказах Шаламова.

Отдельный интерес представляет собой раздел «Шаламов на Западе», посвященный работе Людмилы Егоровой по изучению представления творчества Шаламова в англоязычных странах. Издание и рецепция текстов «Колымских рассказов» в 1966 году начались с публикации «Нового журнала» под редакцией Романа Гуля [3]. Выявленные особенности публикации рассказов с нарушением порядка их представления в авторском цикле, сокращение текстов, избирательность в отношении полноты изложения, выбор переводческих реалий в пользу тех или иных подтекстных значений, а также серьезная литературная, стилистическая, пунктуационная правки вызывают недоумение и вопросы. Интересно само отношение писателя к публикациям: «Подлый способ публикации, применяемый редакцией этих зловонных журнальчиков – по рассказу-два в номере – имеет целью создать у читателя впечатление, что я – их постоянный сотрудник» (цит. по: [3, с. 51]).

Редакция Гуля, послужившая источником дальнейших переводов Джона Глэда, подвергла рассказы Шаламова не только купированию, реструктурированию согласно субъективным представлениям издателя, но и собственно филологической обработке, касающейся стиля изложения, идиоматики языка, пунктуационного оформления. Подобный текст зачастую не сохраняет образную структуру замысла автора, не воссоздает внутритекстовые связи, разрушая под-

текстное значение и образность произведения в целом. В книгу вошли частичные результаты рассмотрения и анализа переводов Шаламова на английский язык в разные временные промежутки разными переводчиками, изначально напечатанные в журнале «Вопросы литературы» [2]. Особенный интерес представляют предисловия переводчиков Джона Глэда и Дональда Рейффилда к изданиям «Колымских рассказов» (переводы под редакцией Л.В. Егоровой, сначала опубликованные в «Вестнике ВоГУ»).

Исследование переводов шаламовских текстов на английский язык также заставляет внимательного читателя задуматься о ценности и значении слова в контексте: сравнение оригинала, источника перевода с результатом убеждают в неточности, недосказанности, зачастую искажении смыслов и значений отдельных элементов текста, в результате – в нарушении авторского замысла в целом. Тем не менее, рассматривая особенности исторических событий, политического процесса, окружавшего издания наследия Шаламова на Западе, становится очевидной историческая значимость труда переводчиков, открывавших их для широкого круга читателей.

В заключительной части сборника представлен обзор Константина Тимашова новейшей литературы, посвященной текстам Шаламова, литературному наследию и его влиянию на творчество современников и последователей, биографическим исследованиям, касающимся жизни самого писателя и его семьи, друзей, связанных со 115-летием со дня рождения писателя [12]. Сюда включены и работы наших вологодских исследователей: о Борисе Непеине [4] и Викторе Савашкевиче, с которым писателя связывали не только школьные годы, но и общение после возвращения с Колымы [11]; о вологодском композиторе Михаиле Гоголине, написавшем кантату «Silentium» на стихи Шаламова, исполнение которой стало центральным событием музыкально-поэтического вечера «Я – северянин. Я ценю тепло» в родном городе поэта к 40-летию со дня его смерти [5]. Л. Егорова написала подробную рецензию о двухтомном академическом издании стихотворений Шаламова, в которой отмечена его исключительная важность для исследования своеобразия поэзии Шаламова [1].

Сборник может быть рекомендован широкому кругу лиц, интересующихся не только литературой, историко-философскими и культурологическими особенностями эпохи холодной войны, но и профессионально-специфическими вопросами, связанными с теоретическими и практическими аспектами перевода творческого наследия писателя с русского на английский язык, с жанровой стилистикой и тонкостями идиостиля В. Шаламова.

Литература

1. Егорова, Л. В. В. Т. Шаламов: «Нет конца моему житию...». Рецензия на книгу : Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы : в 2 т. / вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания В. В. Есипова. – Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского Дома ; Вита Нова, 2020. (Новая Библиотека поэта) / Л. В. Егорова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2022. – № 75. – С. 366–375.

2. Егорова, Л. В. «Колымские рассказы» В. Шаламова в переводах Дж. Глэда и Д. Рейфилда / Л. В. Егорова // Вопросы литературы. – 2022. – № 1. – С. 90–102.
3. Егорова, Л. В. Как Роман Гуль редактировал Варлама Шаламова (на примере рассказа «Сентенция») / Л. В. Егорова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2023. – № 3 (30). – С. 50–54.
4. Егорова, Л. В. О Борисе Непеине / Л. В. Егорова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 1 (24). – С. 35–47.
5. Егорова, Л. В., Гоголин М. Р. Михаил Гоголин: «Silentium» на стихи В. Шаламова / Л. В. Егорова // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 1 (24). – С. 98–106.
6. Есипов, В.В. В.Т. Шаламов и А.К. Гладков: несколько новых штрихов / В. В. Есипов // Шаламовский сборник / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2023. – Вып. 6. – С. 157–164.
7. Есипов, В. В. Юридическая помощь В.М. Шукшину / В. В. Есипов // Шаламовский сборник / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2023. – Вып. 6. – С. 169–171.
8. Есипов, В. В. Я – честный советский писатель (еще раз о письме Шаламова в «Литературную газету» 1972 г.) / В. В. Есипов // Шаламовский сборник / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2023. – Вып. 6. – С. 313–357.
9. Есипов, В. В. Шаламов и Пастернак: новые материалы / В. В. Есипов // Шаламовский сборник / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2023. – Вып. 6. – С. 50–55.
10. Кантор, Ю. «Спасти человека» (о враче А. М. Пантюхове) / Ю. Кантор // Шаламовский сборник / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2023. – Вып. 6. – С. 381–394.
11. Таюшев, А. С. Шаламов и Савашкевич / А. С. Таюшев // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 1 (24). – С. 48–53.
12. Тимашов, К. Обзор литературы о Шаламове за 2022 г. / К. Тимашов // Шаламовский сборник / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2023. – Вып. 6. – С. 460–465.

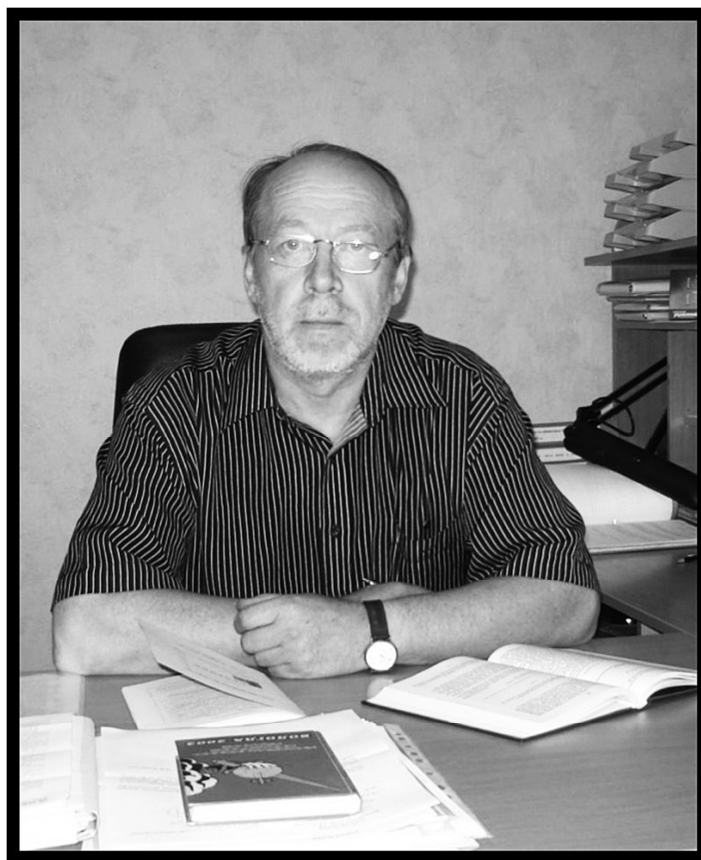
A.N. Tsvetkova

**BOOK REVIEW: V.V. YESIPOV. SHALAMOV MATERIALS.
VOLUME 6. MOSCOW: LETNY SAD, 2023. 468 p.**

The review of the sixth issue of Varlam Tikhonovich Shalamov biographical and literary materials is devoted to the previously not published documents and facts of the outstanding writer's life. The book encompasses a collection of versatile texts, acknowledging the common readers with the unknown details and stories of his personal and professional oeuvre. A number of researches, given in the book, are of scholarly, applied linguistic and interpretational value, which can be of interest for specialists.

Shalamov, personality, letters, biographical facts, notes.

**ПАМЯТИ ИСТОРИКА
ФЁДОРА ЯКОВЛЕВИЧА КОНОВАЛОВА
(1949–2024)**

23 сентября 2024 года на 76 году жизни ушел из жизни известный вологодский историк и краевед кандидат исторических наук, доцент Федор Яковлевич Коновалов.

Трудовой путь Федор Яковлевич начал в 1966 г. в Вологодском эксплуатационно-техническом узле связи. С 1968 по 1971 гг. проходил службу в рядах Советской армии. После службы получил рабочую специальность машиниста кранов и до 1978 г. продолжал свою трудовую деятельность в тресте «ВПС» и на заводе ЖБИ. Образование учителя истории в Вологодском государственном педагогическом институте Федор Яковлевич получил заочно, окончив его в 1978 г. После получения диплома учителя истории Ф.Я. Коновалов преподавал в школе, работал заведующим филиалом Вологодского областного музея (в Спасо-Прилуцком монастыре).

В 1982 г. Федор Яковлевич начинает работать в ВГПИ, сначала ассистентом кафедры истории СССР, потом доцентом и профессором кафедры. Ф.Я. Коновалов проработал в Вологодском государственном университете более 30 лет, до 2013 года. Основные курсы, которые он преподавал, касались «классических» исторических дисциплин – «Вспомогательные исторические дисциплины», «История России». Ф.Я. Коновалов руководил дипломными проектами студентов, участвовал в подготовке аспирантов.

Основной тематикой научных работ Федора Яковлевича было изучение истории поздней имперской России, истории Вологодского края. Кандидатскую диссертацию он посвятил столыпинской аграрной реформе на Европейском Севере. Ф.Я. Коновалов являлся автором более 100 научных работ, редактором многих известных краеведческих изданий. В частности, он был заместителем главного редактора серии альманахов «Старинные города Вологодской области», главным редактором альманахов «Кириллов», «Вожега». Большая работа Ф.Я. Коновалова была связана с подготовкой учебников «История Вологодского края» для вуза и школ области. При работе над этим проектом были также подготовлены хрестоматии для школ, методические пособия для учителей и пр. Ф.Я. Коновалов вместе с соавторами создал первый в нашем региональном краеведении словарь «Вологда: □□ – начало XX века» (1993 г.). Позднее данная работа стала базой для широкого фронта археографических изданий – был подготовлен первый тематический сборник документов «Старая Вологда» (2004 г.), основу его составили неизвестные и ранее неопубликованные документы Государственного архива Вологодской области до начала XX в.

Последние годы творческой деятельности Ф.Я. Коновалова были связаны с широким спектром научной тематики. Он продолжал изучение деятельности Вологодского губернского жандармского управления, сделав акцент на изучении агентурной сети, ее количественных и качественных характеристик. Будучи специалистом по деятельности региональных спецслужб, Ф.Я. Коновалов стал одним из авторов книги «Доверено охранять Отечество» (2008 г.), посвященной истории органов госбезопасности Вологодского региона. В 2003 г. Ф.Я. Коновалов вместе с соавторами принял участие в создании книги «Газопромышленный комплекс Вологодской области: вчера, сегодня, завтра» (работы по созданию книги велись под эгидой Правительства Вологодской области). В течение нескольких лет Ф.Я. Коновалов вместе с коллективом авторов работал над книгой «История православных храмов и монастырей Вологды» (2014 г.). В книге воссоздана история православных монастырей, церквей и часовен Вологды, существовавших на начало XX в. и появившихся в наши дни. Авторы воссоздали православную топографию города, формировавшуюся в течение нескольких веков, и на материалах Вологды, с привлечением большого объема фотографического и иллюстративного материала, рассказали об истории Церкви на Русском Севере.

Последняя большая работа Ф.Я. Коновалова – книга об эпистолярном наследии великоустюгской семьи купцов Булдаковых конца XVIII – первой половины XIX в. В книге (вышло 2 выпуска сборника) собраны и опубликованы оригиналы документов, хранящиеся в Вологодском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Государственном архиве Вологодской области и в Российском государственном архиве древних актов. Данные документы представляют собой комплекс писем провинциального купечества, а также их приказчиков, деловых партнеров и членов семей. Главным адресатом всех посланий являлся великоустюгский купец первой гильдии и директор Российско-американской компании Михаил Булдаков. В собранных и опубликованных под руководством Ф.Я. Коновалова документах содержатся свидетельства о семейных взаимоотношениях, предпринимательской деятельности, общественной жизни российского провинциального купечества, а также о торговой деятельности, включая информацию о динамике цен, перемещении товаров, способах взыскания долгов, оценке и итогах ярмарочных торгов. Особенно ценной и интересной является информация, связанная с личными, часто эмоциональными оценочными суждениями купцов о представителях местной власти, а также о приказчиках и работниках. Работа над сборником документов была поддержана грантом Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Эпистолярное наследие великоустюгской купеческой семьи Булдаковых конца XVIII – первой четверти XIX века: тексты и исследования»). Издание же материалов переписки было осуществлено при финансовой поддержке фонда «История Отечества».

За свои научные изыскания и плодотворную преподавательскую работу Федор Яковлевич Коновалов был награжден почти тремя десятками наград разного уровня, в том числе почетной грамотой Министерства образования РФ, почетной грамотой Департамента образования Вологодской области и др. Дважды Ф.Я. Коновалов становился лауреатом Государственной премии Вологодской области: в 2006 г. – по культуре, в 2011 г. – по образованию.

Федор Яковлевич всегда был надежным, ему доверяли самые ответственные посты в общественной жизни: заместителя декана и декана исторического факультета ВГПИ, секретаря партийной организации ВГПИ. Федора Яковлевича любили и уважали студенты истфака, краеведческое сообщество Вологды и других северных городов. Он всегда отличался доброжелательностью и принципиальностью. Федор Яковлевич любил нашу северную природу, играл в волейбол, бадминтон, шахматы, был не чужд литературного творчества. Нам будет не хватать его краеведческого вдохновения, жизненной надежности и упорства.

заведующий кафедрой отечественной истории ВоГУ *М.А. Безнин*,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ *В.А. Саблин*,
профессор кафедры отечественной истории *Т.М. Димони*,
доцент кафедры отечественной истории *Л.В. Изюмова*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безнин Михаил Алексеевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Димони Татьяна Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
dimonitm@vogu35.ru

Догаева Мария Владимировна

преподаватель факультета экранных искусств Ростовского-на-Дону филиала Всероссийского государственного университета кинематографии им. Сергея Герасимова (Ростов-на-Дону, Россия)
umo@vgik-rostov.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Зелезинская Наталья Станиславовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)
zelezinskaya@bsu.by

Калинина Елена Александровна

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия)
Kalinka46@yandex.ru

Котов Петр Павлович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия)
kotovpetr55@mail.ru

Кудрявцев Александр Евгеньевич

аспирант кафедры методологии, истории и философии науки Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия)
ashas100500@yandex.ru

Лебедев Сергей Александрович

аспирант кафедры отечественной истории, преподаватель кафедры всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lebedevsa@vogu35.ru

Лемак Анна Юрьевна

соискатель ученой степени кандидата наук, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 1 с углубленным изучением английского языка (Вологда, Россия)
LemakAnna2016@gmail.com

Луценко Елена Михайловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Российской государственной гуманитарной университета, Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)
lutsenko.voplit@yandex.ru

Миннуллин Олег Рамильевич

доктор филологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и художественных дисциплин Донецкой государственной музыкальной академии им. С.С. Прокофьева; профессор кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого государственного университета (Донецк, Россия)
o.g.minnullin@mail.ru

Минчук Олег Викторович

старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной безопасности Высшей школы экономики, управления и права, младший научный сотрудник отдела планирования и сопровождения научных исследований САФУ имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
o.minchuk@narfu.ru

Мотамедния Масуме Насроллах

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Мазандаранского университета (Баболсар, Иран)
m.motamednia@umz.ac.ir

Никитенко Татьяна Васильевна

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)
NikitsenkaTV@bsu.by

Папилова Елена Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина (Москва, Россия)
lennochka@mail.ru

Резаи Мохана Сейдаган

старший преподаватель кафедры русского языка Мазандаранского университета (Баболсар, Иран)
m.rezaie@umz.ac.ir

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Савочкина Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)
savochkina71@mail.ru

Секиро Ольга Олеговна

младший научный сотрудник, аспирант Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
olgasekiro@yandex.ru

Сеничева Анна Андреевна

специалист по учебно-методической работе, магистрант Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
annasenicheva@mail.ru

Смирнова Наталья Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
NS_history@mail.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета, доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА им. Н.В. Верещагина, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Ткачева Валентина Николаевна

аспирант кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)
tkachevateacher@ya.ru

Трикоз Эльвира Львовна

кандидат филологических наук, научный сотрудник Музея-квартиры В.И. Белова (Вологда, Россия)
elvira.trikoz@mail.ru

Цветкова Анна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
skoanna@yandex.ru

Черкасова Марина Сергеевна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
mscherkasova@mail.ru

Шестаки Лариса Анатольевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия)
l_shestak@mail.ru

Широких Ирина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)
shirokih.irina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Beznin Mikhail Alekseevich

Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
beznin@uni-vologda.ac.ru

Dimoni Tatyana Mikhailovna

Doctor of History, Professor of the Department of National History, Vologda State University (Vologda, Russia)
dimonitm@vogu35.ru

Dogaeva Maria Vladimirovna

Lecturer at the Faculty of Screen Arts, Rostov-on-Don Branch of the All-Russian State University of Cinematography named after Sergei Gerasimov (Rostov-on-Don, Russia)
umo@vgik-rostov.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Zelezinskaya Natalia Stanislavovna

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
zelezinskaya@bsu.by

Kalinina Elena Alexandrovna

Doctor of History, Professor of the Department of Theory and Methods of Physical Education, Institute of Physical Culture, Sports and Tourism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
Kalinka46@yandex.ru

Kotov Petr Pavlovich

Candidate of History, Associate Professor, Head of the National History Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)
kotovpetr55@mail.ru

Kudryavtsev Alexander Evgenievich

Postgraduate Student of the Department of Methodology, History and Philosophy of Science, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev (Nizhny Novgorod, Russia)
ashas100500@yandex.ru

Lebedev Sergey Alexandrovich

Postgraduate Student of the Department of National History, Lecturer of the Department of Universal History and World Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
lebedevsa@vogu35.ru

Lemak Anna Yuryevna

Applicant for a Candidate degree, Vologda State University, Teacher of Russian Language and Literature, Secondary Comprehensive School № 1 with Intensified English Studies (Vologda, Russia)
LemakAnna2016@gmail.com

Lutsenko Elena Mikhailovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Russian State University for the Humanities, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)
lutsenko.voplit@yandex.ru

Minnullin Oleg Ramilyevich

Doctor of Philology, Head of the Department of Humanities and Artistic Disciplines, Donetsk State Music Academy named after S.S. Prokofiev; Professor of the Department of History of Russian Literature and Theory of Literature at Donetsk State University (Donetsk, Russia)
o.r.minnullin@mail.ru

Minchuk Oleg Viktorovich

Senior Lecturer at the Department of Social Work and Social Security, the Higher School of Economics, Management and Law, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; Junior Researcher at the Department of Planning and Support of Scientific Research, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
o.minchuk@narfu.ru

Motamednia Masume Nasrollah

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, the University of Mazandaran (Babolsar, Iran)
m.motamednia@umz.ac.ir

Nikitenko Tatyana Vasilyevna

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Practice of Translation, Faculty of Socio-Cultural Communications, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
NikitsenkaTV@bsu.by

Papilova Elena Vyacheslavovna

Candidate of Philology, Associate Professor, the Russian Language Department, the Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Moscow, Russia)

lennenochka@mail.ru

Rezai Mohana Seidagai

Senior Lecturer at the Department of Russian, the University of Mazandaran University (Babolsar, Iran)

m.rezaie@umz.ac.ir

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)

sablin@inbox.ru

Savochkina Elena Aleksandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics, Translation and Foreign Languages, Altai State University (Barnaul, Russia).

savochkina71@mail.ru

Sekiro Olga Olegovna

Junior Researcher, Postgraduate Student, The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia)

olgasekiro@yandex.ru

Senicheva Anna Andreevna

Specialist in Educational and Methodological Work, Postgraduate Student, Vologda State University (Vologda, Russia)

annasenicheva@mail.ru

Smirnova Natalia Sergeevna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of General History and Foreign Policy, Vologda State University (Vologda, Russia)

NS_history@mail.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, the North-Western Institute, Kutafin Moscow State Law University (Vologda, Russia)

Stoletowa-A-S@yandex.ru

Tkacheva Valentina Nikolaevna

Postgraduate Student of the Russian Language Department, the Philological Faculty, the Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

tkachevateacher@ya.ru

Trikoz Elvira Lvovna

Candidate of Philology, Research Fellow of the Belov Apartment Museum (Vologda, Russia)

elvira.trikoz@mail.ru

Tsvetkova Anna Nickolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)

skoanna@yandex.ru

Cherkasova Marina Sergeevna

Doctor of History, Professor, Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)

mscherkasova@mail.ru

Shestak Larisa Anatolyevna

Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

l_shestak@mail.ru

Shirokikh Irina Alekseevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics, Translation and Foreign Languages, Altai State University (Barnaul, Russia).

shirokih.irina@mail.ru